

- [Старец Даниил Катунакский. Ангельское житие](#)

- [Жизнеописание почившего о Господе старца Даниила, уроженца Смирны и устроителя каливы в честь преподобных отцов, на Святой Горе подвизавшихся, что погребен в Катунаках \(† 1929\)](#)

- [На пути к монашеству](#)
- [В Свято-Пантелеимоновой обители](#)
- [В Ватопеде](#)
- [Катунакский безмолвник](#)

- [Соболезнования братству Даниилеев в связи с кончиной монаха Даниила](#)

- [Соболезнующее послание Великой Лавры Святой Горы](#)
- [Утешительное послание Дорофея из Каракала, монаха и духовного сына новопреставленного](#)

- [Сочинения о монашестве](#)

- [Устав общежительного пребывания на основании святых определений Церкви Христовой](#)
- [Наставление желающему воспринять великий и ангельский образ монашества](#)

- [Изъяснение великого и ангельского образа](#)

- [Введение. Монашеское во Христе жительство](#)
- [О высоком предназначении и достоинстве иноческого образа](#)
- [О таинстве совершенного и святого образа](#)
- [Точное изложение последования святого и великого ангельского образа⁷⁵](#)

- [Письма](#)

- [Послание об уставе монашеского общежития, писанное по настоянию Высокопреосвященнейшего митрополита Пентапольского господина Нектария \(Кефаласа\) инокиням его на Эгине](#)
- [Ответ монаха Даниила Маркиану, монаху Иверского скита¹⁵⁵, об отвержении мечтаний](#)
- [Ответное письмо монаха Иверского скита Маркиана иконописца на послание Даниила монаха от 12 января 1918 года об отвержении видений](#)
- [Об умной молитве. Письмо старца Даниила Каллистрату](#)

- [Четыре письма святителя Нектария Пентапольского старцу Даниилу](#)

- [Письмо 1](#)
- [Письмо 2](#)
- [Письмо 3](#)
- [Письмо 4](#)

- [Примечания](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)

- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)

- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)

- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)

- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)
- [184](#)
- [185](#)
- [186](#)
- [187](#)
- [188](#)
- [189](#)
- [190](#)
- [191](#)
- [192](#)
- [193](#)
- [194](#)

- [195](#)
- [196](#)
- [197](#)
- [198](#)

Введение

Содержание

[От издателей](#)

[От переводчика](#)

От издателей

Αγιον Όρος, Святая Гора, Святой Афон — земной рай, дивная обитель блаженных, страна мужей преподобных, овеянная славой непобедимая твердыня Вселенского Православия.

Под благодатным покровом Пресвятой Богородицы столетие за столетием сонмы честных отцов, отважных воинов Христовых, в бесчисленных монастырях, келлиях и каливах творя свой высокий подвиг, работали Господеви, мужественно преодолевая и тяжкие телесные недуги, и губительные духовные искушения.

И ныне боголюбцы афонские бесстрашно оберегают чистоту Православия, решительно противостоя и дерзким еретическим притязаниям на истину, и церковному необновленчеству, живо ополчась на диавольские страсти современного, скорого на грехи, мира. И ныне Афон — этот цветущий оазис в бесплодной пустыне всеобщей и повсеместной развращенности — является домом [молитвы](#) ([Мф. 21:13](#)), священным для всей православной ойкумены, для каждого православного христианина. И ныне Святая Гора — царство нелицемерного покаяния и беспрекословного послушания, земля радостотворных слез и непрестанной молитвы — место служения сосудов избранных (ср.: [Деян. 9:15](#)).

Но Афон — это не только первый удел Богородицы, не только оплот правой веры, не только благословенный вертоград, это еще и знаменитый скрипторий, в котором созданы удивительные письменные памятники благочестия.

Именно на священных кручах Афона затеплилась свеча православного возрождения: трудами святых Макария Коринфского († 1805, память 17/30 апреля) и Никодима Святогорца († 1809, память 1/14 июля) на Афоне была собрана бессмертная Φιλοκαλΐα («Добротолюбие»), «неложный путеводитель к созерцанию» и «орудие обожения».

Перевод этой поразительной книги на славянский язык, совершенный преподобным Паисием Величковским († 1794, память 15/28 ноября), в свое время подвизавшимся на Святой Горе, содействовал обновлению жизни монастырей, а русский перевод, сделанный святителем Феофаном Затворником († 1894, память 10/23 января), много способствовал духовному просвещению народа, подъему христианской общественной жизни и расцвету национального богословствования на Руси.

Такое влияние на религиозное бытие самых разных православных народов неудивительно, ибо сами святогорцы говорят, что Святая Гора — не место (τόπος), а образ (τρόπος) жизни. Говорят еще и так: «Если ты настоящий, подлинный монах, то, где бы ты ни был, Афон для тебя везде».

Несмотря на бесконечную череду испытаний: набеги морских разбойников, пожары и

землетрясения, глумливое неистовство иконоборцев и еретиков, вандализм римокатоликов, гибель византийской государственности,— несмотря и на трагические годы почти пятисотлетнего агарянского ига, Афон выстоял и победил, Афон был и остался великой школой Божественного опыта для всех православных христиан.

Среди выдающихся подвижников, «зде просиявших», звездой первой величины является старец Даниил (Димитриос Димитриадис) Катунакский (1846—1929), один из самых замечательных представителей афонского монашества конца XIX — начала XX века, основатель монашеской общины в Катунаках, великий исихаст и неукротимый воитель духа. С детства обладая блестящими умственными дарованиями и высокой нравственностью, Димитриос весьма рано приобщился к священным истинам Православия; как раз Филокаліа сему способствовала, причем настолько, что будущий старец выучил знаменитую книгу почти наизусть. И после этого Святая Гора сделалась для Димитриоса воистину землей обетованной.

Аскетическая настроенность юноши привела его к решению оставить мир, причем необоримое влечение к монашеству было столь велико, что юный Димитриос тайком бежал из дома; впрочем, некоторое время спустя явившись к родному очагу, юноша немедленно припал к стопам нежно любимой им матери и тут же получил ее горячее благословение на служение Господу. И началась для Димитриоса *νέος βίος*, новая жизнь, сначала в послушниках, а потом, когда Димитриос со священным трепетом воспринял иночество, и в монахах. До середины 70-х годов отец Даниил подвизался в Свято-Пантелеимонове монастыре (Русике), в 1875—1880 годах в Ватопеде, а с 1881 года в исихастской каливе в Катунаках, где и провел в пустынноческих подвигах сорок восемь лет, сочетая неукоснительное следование вековым традициям иноческого правила со вседневным чтением и рукоделием. К месту сказать, еще в Русике отец Даниил стал осваивать благородное ремесло иконописания. Возобновил он занятия иконописью и в своей каливе, чем положил начало Дому иконописи.

Мученик совести и ревнитель святоотеческих установлений, отец Даниил все свои великие духовные дары, в том числе и дар предвидения, направил к тому, чтобы стать «выдающимся и многоопытным духовником. Глубокий и чистый ум, доскональное знание аскетических писаний, великая любовь ко всякой притекающей душе, безмерная кротость и смирение образовали в нем дивный пастырский дар, помогавший собеседнику не только раскрывать свою душу, но и внимать спасительным советам». Это принесло отцу Даниилу славу многомудрого и духовно одаренного наставника. Вокруг старца стали собираться братья. Со временем община так выросла, что в 1904—1905 годах в Катунаках были возведены новое здание исихастирия и храм во имя Всех преподобных Отцов, на Святой Горе подвизавшихся.

Старец явился и плодовитейшим духовным писателем. Как трудолюбивая пчела служил он сокровищнице святоотеческой письменности и оставил нам множество сочинений, посвященных самым разным вопросам. Среди них немало острозаметных, противоеретических писаний, например «Против хилиастов», «Против евангеликов», «Против армян», «Беседа католического священника с православным», «О спасении еретиков и неправославных», «Обличение противников Священного Предания»; в других работах старец обращается к богословской и социальной проблематике — это «Письмо о пощении», «О таинстве Божественной Евхаристии», «О святых иконах», «Против социалистов», «О нравах и обычаях Америки» и подобные.

В настоящем издании, помимо Жизнеописания старца, печатаются его сочинения о монашестве, в том числе «Устав общежительного пребывания на основании святых определений Церкви Христовой» (1910), «Наставление желающему воспринять великий и ангельский образ монашества», «Изъяснение великого ангельского образа» (1924). В последнем сочинении старец между прочим пишет: «Монашеское жительство — не собрание отвлеченных идей, не род

безумного учения, но восхождение к небесному состоянию при бого-просвещенном руководстве и подвиге с рассуждением».

В книге помещен и ряд писем старца, среди которых, на наш взгляд, особое значение, при нынешнем состоянии некоторых православных умов, имеют письма, посвященные «прельщениям» и борьбе с ними («Об отвержении мечтаний. Ответ монаха Даниила Маркиану-монаху» (1918) и «Об умной молитве. Письмо старца Даниила Каллистрату» (1916)). В последнем письме особенно любопытны тонкие размышления старца «о части деятельной и части созерцательной»,— размышления, весьма актуальные в настоящее время, ибо даже многоопытный подвижник может поторопиться в желании достичь чаемого совершенства и, соблазнившись, погрешит против аскетической традиции и погибнет.

В заключение публикуются письма святителя Нектария, митрополита Пентапольского († 1920, память 9/22 ноября), светоча Православия, одного из наиболее почитаемых греческих святых, духовного друга старца Даниила. Нет, не оскуде преподобный ([Пс. 11:2](#)), не оскудела благодатными дарами Святая Гора, прославленная держава монахов — подвижников, аскетов, молитвенников, угодников Божиих,— грозная цитадель христианства, молитвенница за весь мир. И маленький скит-исихастирий Даниилеев, основанный приснопамятным отцом Даниилом,— всё смиренное братство скита, все мужи духоносные,— строго прилежит молитве, твердо следует Писанию и Преданию и свято чтит заветы великого старца-афонита, неложного свидетеля о Господе нашем Иисусе Христе.

А над скитом, над всем Афоном держит Свой покров Хранительница Святой Горы, Великая Заступница наша, Пресвятая Богородица.

Издательство надеется, что книга, в которой помещены и Жизнеописание старца Даниила Катунакского, и его сочинения, будет с интересом и любовью встречена самыми широкими кругами православных читателей.

От переводчика

Цитаты из Ветхого Завета приводятся по-церковнославянски, так как Синодальный русский перевод, выполненный с древнееврейского и арамейского языков, нередко расходится с греческим текстом Септуагинты («переводом Семидесяти»); новозаветные тексты приведены в Синодальном русском переводе.

Цитаты из святоотеческих творений всюду, где это было возможно, даны по имеющимся русским переводам. Лишь в отдельных случаях мы сочли необходимым предложить собственный перевод. Это относится к текстам следующих отцов:

— преподобного [Иоанна Кассиана Римлянина](#),— поскольку старец Даниил цитирует тексты преподобного по греческому «Добротолубию», русские же переводы (епископа Петра (Екатериновского)) выполнены с латинского оригинала;

— блаженного [Диадوخа](#) Фотикийского, преподобных Каллиста Ксанфопула и Игнатия Ксанфопула,— поскольку переводы их текстов святителем Феофаном Затворником местами приближаются к свободному переложению;

— преподобного Григория Синаита,— поскольку вообще весьма добротный перевод текстов преподобного, сделанный епископом Вениамином (Миловым), в приводимом месте не вполне точен.

Когда представлялось затруднительным определить местоположение выдержки в конкретном сочинении данного автора или среди других его текстов, использовалась помета: «Цитата не установлена»; при невыясненной принадлежности текста — помета: «Источник не

установлен».

Ввиду того что в книгах о Святой Горе, вышедших за последние годы в России, основные типы монашеских жилищ нередко определяются по-разному, мы, не желая умножать разнобоя, сочли целесообразным выписать соответствующие определения из статьи «Афон», помещенной в современной «Православной энциклопедии», в надежде, что они будут признаны наиболее авторитетными (курсив, полужирный курсив, купюры, означенные отточиями, некоторые знаки ударения и препинания, некоторые раскрытые сокращения, а также греческое написание слова «исихастирии» — наши):

Келлии (κελλία) представляют собой отдельные монашеские жилища, обычно это двух — или трехэтажное здание с пристроенным к нему храмом. Главенствующий монастырь уступает келлии за определенную плату посредством оформления долгового соглашения в преемственное владение малым общинам, состоящим из старца и 2—3 его учеников, составляющих синодию... Келлиоты живут своим трудом, возделывая виноградники, масличные сады и огороды на приписанных к келлиям земельных участках... Каливы (καλύβαι— хижины) являются жилыми постройками небольших размеров и в отличие от келлий не имеют земельных участков. Каливиты занимаются рукоделием или выполняют за определенную плату работы для других обитателей. Группы калив образуют небольшие поселки... Кафизмы (καθίσματα— седалища) — небольшие жилища, расположенные близ монастырей и находящиеся на их содержании. Обычно здесь уединяются подвижники, достигшие высот созерцательной жизни... Исихастирии (ἡσυχαστήρια— места безмолвия)... находятся в пустынных и труднодоступных местностях... где в уединении или с одним братом-сподвижником подвизаются отшельники (Афон // Православная энциклопедия. М, 2002. Т. 4. С. 106—107).

Из Жизнеописания старца Даниила Катунакского хорошо видно, что перечисленные типы монашеских жилищ на практике не всегда бытовали в чистом и «беспримесном» виде. Так, созданное старцем поселение именуется то каливой, то исихастирием. Далее, хотя каливы, в отличие от келлий, не имеют, как сказано выше, земельных участков, послушники отца Даниила разводят огород и плодовый сад.

И они же составляют синодию, численность которой, судя по всему, превосходит указанную выше для келлий и тем более для исихастириев. А монахи-болгары, в чьей кафизме проходил послушание будущий старец Даниил, зарабатывают на пропитание рукоделием, не отличаясь в этом от классических каливитов.

**Жизнеописание почившего о Господе старца Даниила,
уроженца Смирны и устроителя каливы в честь
преподобных отцов, на Святой Горе подвизавшихся,
что погребен в Катунках († 1929)**

На пути к монашеству

Одним из самых почитаемых и замечательных представителей афонского монашества начала XX века был старец [Даниил Катунский](#).

Уроженец крупнейшего малоазийского города Смирны¹, будущий старец Даниил появился на свет в 1846 году в благочестивой и многочисленной семье, был самым младшим ребенком и в Святом Крещении получил имя Димитриос. Его отец, Стаматиос Димитриадис, происходил из селения Ксирохорион на острове Эвбея, мать, урожденная Геннадопуду, — из города Магнисию в Малой Азии. Кроме Димитриоса у супругов было еще два сына, Георгиос и Константинос, и три дочери, Екатерина, Анна и Параскева.

Добрая отрасль боголюбивой четы, отрок Димитриос, как и остальные дети, возрастал в постоянном памятовании о Боге и поучении в заповедях Его. Наделенный от Бога острым и гибким умом, твердой памятью и еще более твердой волей, он преуспевал в учении и позже, став воспитанником Евангелической школы² у себя в городе, неизменно первенствовал среди товарищей.

Помимо замечательных способностей, Димитриоса отличали редкая доброта и благожелательность. Однажды, когда ему было около пятнадцати лет, отец сказал при нем за семейным обедом: «Сколько на свете сирот и нищих, кому нечего есть, а мы вот пируем!». Эти слова пронзили сердце юноши как меч, и с той поры он всегда старался чем мог пособить нищим и убогим.

Проживая в Смирне, Димитриос духовно сроднился с двумя рабами Божиими, старшими по возрасту. То были его тезка Димитриос и Анастасис. Мыловар по профессии, господин Анастасис всегда держался правила: «Очисти не только лицо, но и душу от беззакония!». Кроме мыла, посетителям небольшой его лавки предлагались всевозможные предметы благочестивого обихода: духовные книги, свечи, ладан и даже канат, прикреплявшийся к потолку, для тех, кто пожелал бы при совершении бдений на дому подражать древним подвижникам. Лицо Анастасиса светилось благодатью. Он возложил на себя заботу о духовном воспитании молодежи и, собрав кружок юношей, наставлял их в истинно православном духе. Вместе они часто собирались в часовне, где упражнялись в чтении святых отцов, пели утреню или канон Божией Матери.

В эти благословенные часы душа боголюбца Димитриоса упивалась неземной и дотоле неведомой радостью, а сердце, подобно сердцам учеников, шедших с Господом после Его Воскресения в Эммаус, горело любовью. Столь же глубоко переживал он и воскресное песнопение, которое сам нередко исполнял: «Пустынным непрестанное Божественное желание бывает, мира сущим суетнаго кроме»³.

Разглядев в юноше желание мистического единения с Христом, Анастасис дал ему изучать «Добротолюбие». Во множестве его страниц, подготовленных трудами и попечением святых Макария Коринфского и Никодима Святогорца, боголюбивая душа Димитриоса обрела «книгу — клеть очищения, ума ограждение, таинственное научение умной молитве; книгу — пример знания деятельного, неложный путеводитель к созерцанию, рай отцов, цепь златую добродетелей; книгу — частое с Иисусом собеседование, призывающую благодать трубу и, вкратце сказать, само орудие обожения, вещь, что всякой иной безмерно вожделеннее»⁴. Сей «вещью, что всякой иной безмерно вожделеннее», многомудрый старец каждодневно услаждался всю последующую жизнь, а речения отцов оставались для него, по слову Псалмопевца, *паче меда и сота*⁵.

Изучение «[Добротолюбия](#)» было столь «постоянно и разумно»⁶, что через короткое время

(чему способствовала, несомненно, и исключительная его память) Димитриос знал все прочитанные тексты наизусть или, по крайней мере, так, что пересказывал со всеми оттенками смысла и характерными особенностями древнего языка, и всегда мог определить, откуда они взяты.

При посещении с друзьями какого-нибудь отдаленного монастыря в его пламенеющей по Богу душе непрестанно звучали слова апостола Петра: *Господи! Хорошо нам здесь быть!*⁷. А господин Анастасис (которого многие называли «святой мыловар») говаривал, бывало, с нескрываемым томлением: *«Вот бы достичь вам и вертограда Пресвятой Владычицы!.. Вот бы повидать вам Святую Гору, красоту и святость тамошнюю!..»*.

Святая Гора Афон сделалась для боголюбивого Димитриоса землей обетованной, новым Иерусалимом. Желание выйти из мира, стать странником и пришельцем ради Господа, укреплялось в нем непрестанно. Вдохновляемый писаниями преподобных Иоанна Лествичника и Исаака Сирина, восемнадцатилетний юноша — будущий старец и плодовитейший духовный писатель Даниил — создал первый свой труд «Об отвержении мира». Благодаря «Лествице» он знал: «Когда хотим выйти из Египта и бежать от фараона, то и мы имеем необходимую нужду в некоем Моисее, то есть ходатае к Богу и по Боге, который, стоя посреди деяния и видения, воздевал бы за нас руки к Богу, чтобы наставляемые им перешли море грехов и победили Амалика страстей» (Слово 1, 7)⁸. И Бог исполнил желание его сердца, послав наставника. В Смирне, на подворье Хилендарского монастыря, находился тогда духовник-святогорец, которому он открыл не только свои согрешения, но и сокровенное влечение к иночеству. Оценив пламенное желание, зрелость мысли, глубину внутренней жизни и, несмотря на юный возраст, аскетическую настроенность Димитриоса, духовно просвещенный муж усмотрел здесь несомненное призвание. «Чадо! — сказал он ему.— Много благочестивых юношей довелось мне исповедовать в вашем городе, но лишь в тебе замечаю призвание Божие к жизни равноангельной. Есть явное соизволение Пресвятой Госпожи Богородицы на то, чтобы быть тебе монахом Ее вертограда».

Димитриос летел домой как на крыльях. «Усладил мя еси любовию, Христе, и изменил мя еси Божественным Твоим рачением»⁹. *Желает и скончается душа моя во дворы Господни... Когда прииду и явлюся Лицу Божию?*¹⁰ — шептал он дорогой.

Будь это возможно, он бежал бы и завтра. Не попусту ли прожит день, не отданный Богу? И разве властен человек в завтрашнем своем дне? С радостями и уладами мира ничто его не связывает, а в уме звучат слова преподобного Иоанна Лествичника: «Всего отвергнутся, все презрят, всему посмеются стремящиеся угодить Господу»¹¹. Вместе с тем у него не было и мысли действовать без благословения духовника.

Но Богу угодно было с первых шагов научить Димитриоса отсечению собственной воли — вседневному занятию подвижающихся иноков. Внезапно умер Стаматиос Димитриадис, что для большого семейства его означало, помимо прочего, неминуемую нужду. Опечаленный юноша пребывал в растерянности. «Потерпи немного, чадо,— сказал духовник,— и Бог откроет Свою волю». Так пришлось любителю безмолвия и искателю монашества заняться торговлей и помогать осиротевшим матери и сестрам. Но труды эти не могли, конечно, заполнить его душу. Как прежде, прилежал он молитве, пощению и всем аскетическим упражнениям, какие позволялись опытным духовником. По-видимому, то был замысел Божий о нем: до поры оставаться в миру для испытания собственной ревности, а вместе с тем и для духовной поддержки других юношей, которые тянулись к Димитриосу и пользовались его наставлениями, ибо он от души желал видеть их проводящими жизнь во Христе.

Между тем прежнее желание монашества сделалось неодолимой тягой. И трепет внушали

слова преподобного Иоанна Лествичника: «Если бы земной царь позвал нас и пожелал бы нас поставить в служение пред лицом своим, мы не стали бы медлить, не извинялись бы, но, оставив все, усердно поспешили бы к нему. Будем же внимать себе, чтобы, когда Царь царствующих и Господь господствующих и Бог богов зовет нас к небесному сему чину, не отказаться по лености и малодушию, и на великом суде Его не быть безответными»¹².

После совета с духовником, известным высотой жизни, Димитриос принял бесповоротное решение оставить мир. Сговорившись с другим юным ревнителем монашества, Хаджиянисом из Пелопоннеса, он тайком покинул дом. Вдвоем обошли они почти все пелопоннесские монастыри. Самое глубокое впечатление осталось у Димитриоса от двух знаменитых обителей — Великой Пещеры и Святой Лавры, где он встретил благоговейных и любвеобильных иноков, снабдивших паломника драгоценными советами и напутствиями.

Из Пелопоннеса он отплыл на остров Идра, где провел месяц в процветающей тогда обители в честь святого пророка Илии. Место это слыло бесплодным, а обитель — скудной благами земными, но богатой любовью и добродетелями. Именно здесь искатель монашества из Смирны уразумел на деле, что означают слова Апостола: *мы ничего не имеем, но всем обладаем*.¹³

Но сердце не получило извещения остаться здесь. И Димитриос отправился на поклонение иконе Божией Матери Мегалохара¹⁴, хранящейся в женском монастыре Кехровунй на острове Тинос. Много лет спустя он стал духовным наставником этой благословенной обители и присылал игумении ее слова утешения и совета.

У юного боголюбца было и другое заветное желание — посетить известного своей святостью старца Арсения Паросского¹⁵ и принять от него благословение. Попав же на Парос, он убедился, что добродетель сего мужа превосходит молву о нем. Его просветленный лик, ясный взор, простота, смирение и любовь покоряли всех имеющих *очи видеть и уши слышать*¹⁶. *Димитриос часто исповедовался отцу Арсению и беседовал с ним о монашеской жизни. Распознав в молодом человеке призвание к жизни совершеннейшей, светлый старец не захотел, однако, удержать его при себе. Он помолился, чтобы Господь явил Свою волю и, просвещенный свыше, посоветовал Димитриосу отправиться в знаменитую Свято-Пантелеимонову обитель, пророчески известив напоследок, что ему суждено окончить жизнь у подножия Святой Горы. Среди прочего Димитриос спросил старца, какого он мнения об Апостоле Макракисе¹⁷. Преподобный ответил: «Макракис — древо многолиственное, но бесплодное, с последствиями непредсказуемыми».*

Прибыв с Пароса на Икарию, Димитриос и здесь обрел честных отцов, общение с которыми — особенно с сиявшим добродетелью иеромонахом Иосифом — принесло ему немалую духовную пользу. Напутствуемый их молитвами и благословениями, он ступил на корабль, чтобы отплыть к Святой Горе. Но ветер был неблагоприятный, и после целых суток мучений судно пришвартовалось в порту Смирны. Сойдя на берег, Димитриос тут же встретил своего духовного друга и тезку. Будущий инок не хотел заходить в родительский дом из опасения, как бы противник-диавол не уловил его в свои сети. Ведь отсюда он и бежал, чтобы последовать Христу «невозвратным помыслом»¹⁸! Но друг успокоил его: «Твоя мать — святая. Она не возроптала на призвавшего тебя Бога, но усмотрела в этом призвании, как и подобало, великую себе честь. Лишь одно причинило ей скорбь: что ты, самый младший, ушел не простясь и не получив напутственной молитвы. Она каждый день молит Пречистую не сподоблять тебя монашества без матернего напутствия, и Та, как видно, вняв мольбе и слезам, попустила непогоду на море, чтобы не оставлять ее в печали».

Едва Димитриос шагнул на порог, мать, горячо возблагодарив Пресвятую Деву, обняла его со словами: «Теперь ступай, дитя мое с миром, и да хранит тебя благодать Божия на пути,

который ты избрал!».

В Свято-Пантелеимоновой обители

Молодому Димитриосу довелось слышать много замечательного о Свято-Пантелеимоновом монастыре, братия которого насчитывала в ту пору около двухсот пятидесяти монахов. Сам Арсений Паросский рекомендовал ему здешнее общежитие как образцовое.

Исполненный трепета и ревности к подвигу, он с благоговением облобызал землю вождеденной обители, сотворил поклон настоятелю и смиренно попросил принять его послушником.

* *

По строгим правилам святогорского общежития испытуемых назначают на самые трудные работы, чтобы научить их безропотному послушанию, терпению и смирению.

Первым послушанием Димитриоса стал уход за монахом преклонных лет — старцем Саввой, что проживал в исихастской каливе, или кафизме, за пределами обители. У этого старца, некогда деятельного и энергичного, было достаточно опыта и духовных дарований для воспитания новичков, да и сам уход за престарелыми — отличная школа для начинающего послушника. Приходилось делать все: мыть, подметать, стирать, стряпать, и притом безукоризненно, с неременного благословения, рачительно и чинно. Нужно было многое терпеть, и не одни лишь стариковские причуды. Отец Савва твердо усвоил урок преподобного Иоанна Лествичника: старец, пренебрегающий ежедневным вразумлением и укорением послушника, — заслуженным или беспричинным, — лишает его и себя многих венцов. Оставалось лишь смиренно кланяться и на все отвечать: «Благослови, отче» и «Буди благословено».

Приобретаемый опыт, как и впечатления, вынесенные Димитриосом из прежних поездок по монастырям, учили, что послушание должно быть от всего сердца и во всяком деле, «кроме греха и ереси», как если бы повелевал Сам Господь. Известно и то, как приучали его к терпению. Однажды, когда усердный послушник старательно вымыл мраморный пол в часовенке кафизмы, старец Савва, проведя по мрамору носовым платком и якобы разглядев грязь, сердито отчитал его за «безразличие» к красоте Дома Божия и напоследок напомнил, что *проклят человек творяй дело Господне с небрежением*¹⁹.

Потом его послали в другую кафизму к двум монахам-болгарам, которые прозывались «корзинщиками», так как изготавливали мешки и корзины для монастыря.

Предстояло выучиться новому ремеслу и прислуживать им. Это было тем труднее, что «корзинщики», не зная толком по-гречески, отличались вдобавок суровым нравом. Само же плетение мешков было для прекрасно образованного Димитриоса новым упражнением в смирении и послушании. Подобно апостолу Павлу, чьим ремеслом было изготовление шатров, первому ученику Евангелической школы пришлось навязать грубому ручному труду. И вот свидетельство того, как мало дорожил он своей ученостью. Слушая в его чтении за вседневным правилом молитву об усопших «Упокой, Господи, рабы Твоя», нетвердые в греческом болгары поправили: «Упокой, Господи, раб Твоя». Димитриос не смутился, не стал объяснять им правила грамматики и впредь, из послушания, произносил эти слова с неверным согласованием. Но в устах послушника, который умертвил свое «я», они оставались благоуханным фимиамом, восходящим прямо к Престолу Божию.

* *

Свидетельства отца Саввы и старцев-болгар о редких добродетелях и благочестии их послушника побудили игумена перевести его в монастырь, а затем и постричь с именем Даниил.

Как пережила боголюбивая душа Димитриоса страшный час посвящения ее Жениху Христу и принесения монашеских обетов? То ведомо лишь Богу да Ангелам. Но воспоминания о постриге всегда вызывали у отца Даниила священный трепет, а в его сочинениях о монашестве тема эта занимает особое место.

* *

Настоятель и братия Русика вскоре оценили духовные дарования и нравственные качества нового инока, оказывая ему всяческое уважение. Достигший преклонных лет архимандрит Герасим назначил ему пребывание в игуменских покоях для вычитывания вседневного последования, которое по немощи не мог совершать с братией сам.

Но надлежало иметь и рукоделие. Вначале монах Даниил выучился вязать шерстяные чулки и носки для братии, а позже, под руководством отца Дионисия, стал постигать святое ремесло иконописца. А так как отец Даниил выделялся образованностью, решено было сделать его секретарем монастыря.

Но не иссякают скорби в жизни святых. Для монаха Даниила первым тяжелым испытанием на целые десять лет стал прогрессирующий нефрит, приступы которого сопровождались жестокими коликами, жаром и головной болью. Претерпев много страданий, он был совершенно исцелен от своего недуга Пресвятой Богородицей в день Положения честного Ее Пояса (31 августа по старому стилю)²⁰.

Проведя некоторое время в Фессалонике и монастыре Святой Анастасии в Василике, отец Даниил возвращался в вертоград Пресвятой Владычицы с мыслью о безмолвии в одной из уединенных калив, к чему в последнее время все более тяготел. Но «путь Божий есть вседневный крест», и «никто не восходит на небо беспечально», по слову аввы Исаака Сирина. Едва достигнув Ватопедской обители, он вновь ощутил сильнейшие почечные колики, которые приковали его к постели. Тогда проистамены ²¹Ватопеда предоставили отцу Даниилу двухмесячный курс лечения в монастырской больнице, где его ожидали самый заботливый уход и всяческое утешение.

На помощь недужному поспешила Сама Хранительница Святой Горы и сугубая Заступница Ватопедской обители. В Ватопеде хранится часть честного Пояса Пресвятой Девы. И вот, на праздник его Положения (31 августа) Она чудесным образом избавила монаха Даниила от болезни, которая с тех пор больше не возвращалась. Но, преисполненный благодарности к Матери Господа нашего и послужившим ему братьям, он по-прежнему всей душой стремился к уединению. Отец Даниил хотел поблагодарить всех и тихо удалиться, но был остановлен в своем намерении проистаменами, которые братились к нему с горячей просьбой остаться у них братом. Преуспевающий в добродетели инок мог послужить примером и утверждением для всех насельников.

Отец Даниил встал перед трудным выбором. Он сослался на привычку к общежитию и неизбежные затруднения, ожидавшие его в ватопедском идиоритме ²². Но как наученный действовать во всем с совета и благословения, отправился все же в тамошний скит к знаменитому духовнику отцу Нифонту. Получив от того совет остаться в Ватопеде, благословенный сын послушания вновь отсек свою волю и, сотворив поклон, был причтен к тамошней братии.

Эпитропы ²³поставили его архондарем — начальником дома для гостей (архондарика). Под руководством отца Даниила архондарик превратился в общежитие, ибо новый архондарь заботился не только о порядке и чистоте, но и о душеполезном чтении, а беседы с ним духовно радовали и укрепляли стремящихся к Богу паломников.

Позже, по решению проистаменов, он был командирован к себе на родину, в Смирну, для благоустройства находящегося там подворья Ватопедского монастыря, где и провел девять месяцев.

Для своих земляков монах Даниил явился живым свидетельством о Христе, и пребывание его на родине послужило пользе многих душ. «Свет монахов суть Ангелы, а свет для всех человек — монашеское житие»²⁴, — учит преподобный [Иоанн Лествичник](#). Но благословенный подвижник не имел произволения оставлять Святую Гору и входить в соприкосновение с миром. «Дабы я воздавал всем почитание и отсекал свою волю, покрыла меня Госпожа Богородица, и мне ни разу не захотелось вернуться в мир». Это значит, что он носил в себе неотъемлемую внутреннюю полноту и мир души (ибо мирная душа есть обителище Бога), а ведь только такой монах и может служить светом миру²⁵. Но как очищенное от страстей сердце отца Даниила оставалось чуждо пожеланию почестей и успехов мирских, так и Господь почтил и возвеличил его через земляков-смирнян. «Презри честь,— говорит преподобный [Исаак Сирин](#),— чтобы стать почтенным; и не люби чести, чтобы не быть обещанным»²⁶. Все наперебой спешили к дивному иноку за советом, вразумлением, утешением и в подвижническом облике его узнавали истинного служителя Христова.

Митрополит Смирнский Мелетий, который в продолжение этих девяти месяцев имел

неоднократную возможность беседовать с отцом Даниилом, оценил его духовные дарования и попытался удержать при себе, сделав викарным епископом. Но инок — святогорец, более всего возлюбивший смирение Христово, ответил, что недостойн высшей почести священства, и по завершении своей миссии возвратился в Ватопед. И тогда, среди возобновленного им попечения о паломниках, отцы вознамерились сделать его эпитропом Святой Горы²⁷. Старец Даниил отказался, ибо освященная душа его давно и неукротимо алкала безмолвия. Поприще очищения завершилось.

Катунакский безмолвник

«Безмолвник,— по слову преподобного Иоанна Лествичника,— есть земной образ Ангела». И еще: «Безмолвник — тот кто явственно вопиет: *Готово сердце мое, Боже!* (Пс. 57, 8)²⁸. Готовое для равноангельного служения Господу сердце отца Даниила упорно искало благословения Ватопеда на пустынное пребывание. И вот, после пятилетних трудов в означенном монастыре, он приобретает в 1880 году маленькую исихастскую каливу в Катунаках.

Знаменитые Катунаки — пустынная местность на юго-восточном склоне горы Афон, прямо над Карулей, пристанищем отшельников. Местоположение каливы отца Даниила, устроенной на высоте трехсот метров над уровнем моря, поражало неземной красотой и открывающейся панорамой. С виду бесплодный, этот пустынный край с его дикой, нетронутой природой оказался тем, к чему давно влеклось сердце безмолвника. По свидетельству Мораитидиса²⁹, «даже камни там сочатся потоми святых и слезами преподобных».

Не всем дано быть монахами, и не всякому монаху дано безмолвствовать. Надлежит долго и «законно» подвизаться в послушании и отсечении своей воли, чтобы по молитвам святых безопасно ступить на путь уединенного иноческого подвига. «Иди,— говорит преподобный Иоанн Лествичник,— и расточи имение свое вскоре и даждь нищим³⁰, чтобы они молитвою помогли тебе в обретении безмолвия; и возьми крест твой, нося его послушанием и тяготу отсечения воли своей крепко терпя; потом *гряди и последуй мне* к совокуплению с блаженнейшим безмолвием; и научу тебя видимому деланию и жительству умных сил»³¹.

Напутствуемый молитвами благодарной братии Ватопеда, отец Даниил водворился в пустыне. Малая и убогая калива не имела храма: лишь две кельи³² да цистерна для дождевой воды... Одну из келий новый безмолвник обратил в часовню, где вычитывал вседневное последование. Обустроив и несколько облагообразив место, ревнитель совершеннейшей жизни всецело предался тому, что составляет непремненное обрамление пустынного подвига и включает вседневное последование, иноческое правило, поклоны, чтение, молитву, рукоделие. Всегда мирная душа его вкушала безмерную радость. Что могло быть любезнее и слаще сопребывания Христу? Теснота внешнего существования не могла стеснить творческий дух подвижника, твердо знавшего, что добровольная нищета — начало беспечалия. Величайший из отцов Исаак Сирийский говорит об этом так: «Начало пути жизни — поучаться всегда умом в словесах Божиих и проводить жизнь в нищете»³³. Некогда секретарь Свято-Пантелеимонова монастыря, архондарь Ватопеда, ради всепревосходящей любви к смирению отвергший епископство, рассудительный и мудрый монах Даниил зарабатывал теперь на жизнь вязанием носков.

Что же до провизии, то он с немалыми трудами переносил ее от самой пристани на слабых своих плечах ровно столько, сколько требовалось для самого непритязательного обихода.

Немного дождевой воды, самодельная утварь — вот все, чем обходился он в своем нехитром хозяйстве.

Один, без послушников, без всякой человеческой помощи и утешения извне... Но умудренный свыше старец давно усвоил слова святого Исаака Сириянина: «Малая скорбь ради Бога лучше великого дела, совершаемого без скорби»³⁴. И, как сказано далее у того же отца, «святые, из любви Христовой, показали себя благоискусными в скорбях, а не в покое, потому что совершаемое без труда есть правда людей мирских, которые творят милостыню из внешнего, сами же в себе ничего не приобретают»³⁵.

В пустынном безмолвии и — что много важнее — в безмолвии умиротворенного сердца

старец-исихаст усовершенствовался в умной молитве, приобретал непрестанное памятование о смерти, сердечное сокрушение и, наряду с познанием тайн Божиих, учился распознавать бесконечные козни и прельщения бесовские.

Это принесло отцу Даниилу славу опытного и духовно просвещенного наставника. Несмотря на то что он не имел священного сана, иноки из всех монастырей и скитов Святой Горы, а затем и из всех уголков Греции стали приходить в его убогую каливу за руководством и советом. Рядом с ним все приходящие обретали внутренний мир и разрешение самых трудных вопросов. То же достигалось и при общении через переписку.

Милующее сердце старца не оставляло без ответа ни одного письма. И хотя дело это стоило многих усилий и бессонных ночей, отец Даниил исполнял его с радостью, видя в ободрении и облегчении чужих душ наиболее полное изъяснение любви к братьям во Христе. Поистине то было *чашею холодной воды* ³⁶, которую испрашивал у него Сам Господь. И старец в который раз сызнова усаживался на скамью, раскладывал бумагу прямо на коленях, и из-под пера его выходили слова духовного утешения и любви.

Он возобновил занятия иконописью, которой обучался еще в Свято-Пантелеимоновом монастыре. С каким благоговением и прилежанием совершался им святой труд изографа! Рука водила кистью, а благодатствованное сердце творило непрестанную молитву Жениху Иисусу и Пренепорочной Деве.

Позже, когда старец принял в свою каливу первых послушников и вокруг него собралась со временем синодия³⁷, он принялся обучать этому божественному ремеслу и братию. Так было положено начало Дому иконописи, мастера которого с благоговением и усердием продолжают свое святое дело и поныне. Здесь, в Доме иконописи братства Даниилеев, до сих пор хранятся иконы кисти преподобного.

Первым послушником старца стал иеромонах Афанасий из Патр, которого он принял наконец, после трех с половиной лет полного уединения. Еще через двенадцать лет прибавился второй послушник, отец Иоанн из Гревены, потом отец Даниил из Малой Азии — будущий преемник Даниила-старшего в начальствовании над каливой.

Исихастирий был очень мал, а братия умножалась. Поэтому в 1904 году началась напряженная и тяжелая работа по возведению нового здания. В результате возникло новое двухэтажное крыло с кельями, архондариком, иконописной мастерской и прекрасным храмом наверху в честь Всех преподобных Отцов, на Святой Горе подвизавшихся.

Средства на храм, возведение которого завершилось в 1905 году, в значительной мере предоставил иеромонах Кодрат из Каракалла, также известный святостью жизни.

Новое здание, по словам благочестивого писателя Александроса Мораитидиса, стало «красой и гордостью этого каменистого бесплодного взгорья, словно белоснежная лилия, что пробилась из сухой скалы, благоухая святостью и покоем». Но покуда «лилия в пустыне» возросла, инокам пришлось подъять немалый труд: так, воду для строительных нужд они доставляли на себе из самого скита Святой Анны.

В 1928 году, когда после многих трудов и затрат в каливу пришла наконец по трубам родниковая вода, святой старец так возрадовался духом, что приписал это событие чудесной помощи преподобных Афона.

Проведя воду, трудолюбивые иноки насадили оливковые деревья, развели небольшой огород для нужд исихастирия и посетителей. Распорядок жизни здесь был сугубо подвижнический. Подъем в два часа пополуночи, а в воскресные и велико-праздничные дни — в полночь. Трапеза поставлялась однажды в сутки, в девятом часу вечера. После повечерия — ежедневное откровение помыслов старцу, ибо, по слову аввы Кассиана Римлянина, «ничто так не вредит монахам и не радуется демонов, как сокрытие своих помыслов от духовного отца».

Старец Даниил был, по общему признанию, выдающимся и многоопытным духовником. Глубокий и чистый ум, доскональное знание аскетических писаний, великая любовь ко всякой притекающей душе, безмерная кротость и смирение образовали в нем дивный пастырский дар, помогавший собеседнику не только раскрывать свою душу, но и внимать спасительным советам.

Читатель непременно ощутит это при знакомстве с письмами отца Даниила к инокам, подпавшим бесовскому прельщению. Замечательный такт, с которым богатый духовным рассуждением старец, не желая смутить прельщенных, сперва хвалил их за ревность и лишь затем, с поразительным смирением и искусством, направлял на должный путь, показывает его чудным наставником и истинным кормчим душ.

Полагаем поэтому, что писания многомудрого отца должны стать предметом тщательного изучения специалистов в области пастырского богословия, как и самих пастырей. Ибо правильный подход к духовным проблемам возможен не на основе выводов безблагодатной психологии, а лишь под руководством царицы добродетелей — рассудительности и в соупотствовании ей теплой молитвы.

Никто из тех, чей ум неочищен, ни один современный психолог не сможет распознать обольщений демона, который явится в виде Христа, святого, Ангела Света, а то и самого Света, или станет поощрять инока на самочинный и неумеренный подвиг, ввергающий в гордыню.

Различение духов — высший из даров Духа Святого, перечисленных у апостола Павла: *Одному дается Духом слово мудрости; другому слово знания тем же Духом; иному вера, тем же Духом; иному дары исцелений, иному различение духов* (ср.: [1 Кор.12](#), 8—10). Итак, рассудительность — важнейшее из дарований Святого Духа, с чем согласны и великие отцы нашей Церкви.

Однажды, повествует авва Кассиан Римлянин, сошлись в Фиваиде, в келье [Антония Великого](#) многие отцы и заспорили, какая из добродетелей — наибольшая, так что обладателя ее и от сетей диавола сохраняет. И каждый называл важнейшую на его взгляд добродетель. Одни превозносили пощение и бдение, другие восхваляли нестяжательность и презрение к тварным вещам, третьи отдавали предпочтение милостыне. Напоследок же слово взял сам блаженный Антоний. «Все, что вы хвалите, необходимо и полезно для душ, взыскующих Бога. Но ни одной из добродетелей сих нельзя отдать первенства, ибо знаем многих, кто предавались непрестанному бдению и посту, раздавали обильную милостыню, но затем внезапно уклонились от блага и впали в прелесть. Итак, отчего потерпели они неудачу на иноческом поприще? Не оттого ли, думается мне, что не имели дара рассуждения? Ибо дар сей научает, шествуя царским путем, избежать впадения в обе крайности.

Рассудительность есть око и светильник души». С сим мнением преподобного Антония все отцы согласились. «Рассудительность,— продолжает авва Кассиан,— есть источник и корень, глава и связь всех добродетелей. А рождается рассудительность от истинного смирения; истинное же смирение приходит к монаху, который открывает отцам не только то, что делает, но и все помыслы, и который никогда не доверяет своим помыслам, но во всем следует советам старцев, веруя, что для души его только то хорошо, что им угодно одобрить».

Искушенный на путях нелицеприятного послушания и самоотвержения, ревнующий более всего о добродетели смирения, старец Даниил получил от Бога «неудободостижимое достояние рассудительности»³⁸.

Исчерпывающее знание аскетических творений, в которых сконцентрирован опыт святых отцов, и ежедневное соприкосновение с множеством душ, приходивших для окормления, отшлифовали этот дар пастырства и душеведения, премного содействуя славе старца как рассудительнейшего духовника. Поэтому не должно удивляться, что руководства его искали

многие знаменитые современники.

Выдающийся писатель и ревнитель девства Александр Мораитидис с острова Скиафос, к концу жизни принявший постриг с именем Андроник, постоянно навещал дорогого духовника и состоял с ним в регулярной переписке. В своем произведении «По северным волнам» (Выпуск 5. Афины, 1926. С. 149—153) он вдохновенно описал первую встречу с ним в «пустынных, любимых, возжеленных для каждого Катунаках». Благочестивый писатель вспоминает, как, достигнув Карули, решил, что уже приблизился к Богу, но после беседы с преподобным старцем уразумел, сколь далек от Него.

О высоте внутренней жизни блаженного старца Даниила более всего говорит глубокая духовная его связь с величайшим «святым наших дней», Нектарием Пентапольским, который, сияя добродетелью и чудесами, был хранителем не только Эгины, но и «повсюду верных».

Святитель Пентапольский достиг, вне сомнения, величайшей святости, за что и сподобился величайшей славы от Господа. Но у отца Даниила было больше опыта в устройении иноческой и подвижнической жизни. Вот почему дивный в смиренномудрии Нектарий, устроив на острове Эгина женский исихастирий во имя Святой Троицы, не усомнился испросить у известного ему катунакского старца общежительный устав для него, а позже и другие советы в виде наставления насельникам.

Столь же милостивый, сколь и сам пребывающий в постоянной нужде, святитель Нектарий никогда не упускал случая из последних средств помочь строительству каливы и храма в Катунаках. Умиляясь безмерному смирению, милосердию и неиссякаемой любви о Господе святого Владыки, отец Даниил искренне величал его «строителем, отцом и игуменом келлии Всех преподобных Отцов, на Святой Горе подвизавшихся».

Случилось, что бесхитростного катунакского подвижника постигла скорбь. Один посетитель, изысканно одетый господин, отрекомендовался ему издателем, готовящим новый многотомник святителя Иоанна Златоуста, и предложил подписку с предварительным взносом для частичного погашения «немалых затрат». Старец немедленно занял в Великой Лавре пятьдесят лир, которые и вручил «издателю». Прошло много времени, но никаких известий о книгах не поступало. Наконец выяснилось, что «издатель» — обыкновенный мошенник. Отец Даниил глубоко опечалился: он не только не получил желанного собрания, но и сильно задолжал, и долг этот тяжким бременем лег на без того скудную кассу его каливы.

Желая облегчить свою скорбь, он без промедления написал о случившемся святителю Нектарию. Святой муж ответил прекрасным и поразительным по духовной глубине письмом. Поистине случай этот был попущен Богом, чтобы преподать нам пример высокого видения искушений и скорбей.

Святитель Нектарий не мог оставить старца без утешения. Узнав о его заветном желании пополнить библиотеку исихастирия творениями великого отца, он тут же собрал большую посылку из принадлежавших ему самому четырнадцати томов венецианского издания Златоуста и послал в дар Катунской общине. Отец Даниил, который по отправлении письма Владыке внутренне укрепился и изготовился к мужественному несению предстоящих скорбей, при виде такой любви был растроган до слез.

Это произошло в 1903 году. Однако письмо святителя Нектария и в дальнейшем служило монаху Даниилу бесценной поддержкой во многих скорбях и искушениях от собственных послушников и от других людей, не познавших, по бесовскому наваждению, святости старца и сделавших его жизнь мишенью осуждения и клеветы. И если отцу Даниилу каждый день приносил венцы за незлобие, то досаждавшие ему и пребывавшие нераскаянными получили от Бога *праведное воздаяние*³⁹

Терпение обид и наветов — несомненный признак духовного совершенства. «Те, для кого

мир омертвел,— пишет авва Исаак Сирин,— переносят поношения с радостью. Те, для кого мир жив, не могут выносить обид. Смиренномудренно переносящий возводимые на него обвинения достиг совершенства, и дивятся ему святые Ангелы. Ибо всякая иная добродетель не так велика и трудноисполнима, как эта»⁴⁰.

* *

Духовной дочерью старца Даниила была также игуменья монастыря Кехровуни на острове Тинос — старица Феодосия, глубоко почитавшая своего наставника и постоянно переписывавшаяся с ним обо всем, что касалось жизни обители. Сохранилось около двухсот писем отца Даниила к тиносской старице.

Прочные узы внутреннего родства соединяли его с учеником святителя Нектария — также святым наших дней Филофеем (Зервакосом) с острова Парос и с другими отцами Лонговардского монастыря, которые обращались к нему за решением многих духовных и догматических вопросов.

* *

Эпоха, в которую жил премудрый старец, *подобный городу, стоящему на верху горы*⁴¹, *практически не знала новых книг о монашестве. И потому, желая раскрыть как «внешним», так и инокам-простецам смысл и высочайшее достоинство великого ангельского образа, а заодно привлечь их внимание к другим духовным проблемам, катунакский исихаст написал много сочинений, часть которых помещена в настоящем издании.*

Подобно всем великим подвижникам нашей Церкви, старец Даниил в непорочной глубине своего богоприимного сердца обладал не только тем, что, по слову святого Диадоча Фотикийского, есть «божественный дар богословия», но и неусыпно-пламенной ревностью о чистоте православной веры. Он оставил множество трудов, посвященных полемике с различными ересями и другим богословским вопросам: «Против Макракиса», «Голос Святой Горы по поводу ожидаемого Вселенского Собора», «Против хилиастов», «О спасении еретиков и неправославных», «Против евангеликов», «Против армян», «Против калапофакистов», «Письмо о пощении и о том, надо ли соблюдать пост перед приобщением Святых Таин», «Ответ на нечестивые утверждения Триан-дафилидоса», «Обличение противников Священного Предания», «О Таинстве Божественной Евхаристии», «О священстве», «О святых иконах», «Возражения на сочинение Поликарпа Псомиадиса об армянах», «Беседа католического священника с православным», «Утешительное послание Георгиосу Кремосу», «Фокиону Вамвасу, последователю Макракиса», «Опровержение мнений епископа Иерисосского Сократа», «Размышления по поводу возрождения христианской общественной жизни», «Опровержение некоего хулителя монашества», «Бывшему митрополиту Неврокопийскому Г. Георгиадису о том, подобает ли клирикам отращивать волосы», «О том, каким должен быть духовник», «Православным единоплеменникам, право правящим»⁴² «слово истины», «О нравах и обычаях Америки», «Против социалистов», «Редактору издающегося в Смирне журнала «Евсевия»», «К Александру Мораитидису о поминовении усопших и сорокоусте», «К монаху Евдокиму о спасении еретиков». Надеемся, при содействии Госпожи Богородицы представить их в следующем томе как «Противоеретические сочинения» старца Даниила⁴³.

«Цель монашеской жизни,— пишет авва Кассиан Римлянин,— чистота сердца, а конец — Царство Небесное. Без чистоты невозможно достичь сего конца». Блаженнейший старец Даниил в течение всей жизни особо ревновал об очищении сердца, противясь суетным помышлениям, которые изгоняют памятование о Боге, и не допуская даже тени злопамятства омрачить сердечное небо его любви. Прервавшееся на восемьдесят третьем году житие праведника до последнего вздоха оставалось «понуждением естества непрерывным и хранением чувств

неопустительным» [44](#).

В сентябре 1929 года отец Даниил сильно простудился и слег. Послушники ухаживали за ним с великим благоговением и сыновней любовью. До последнего часа старец сохранял ясность ума и безмятежность духа. В ночь на 8 сентября состояние больного ухудшилось. Он попросил причастить его Святых Таин, а потом со слезами на глазах и дрожью в голосе преподал молитву и последние наставления верным послушникам: «Христос да вознаградит труды ваши»,— молился он. И прибавил пророчески: «Бог не бывает несправедлив. Вы послужили мне, пошлет и Он Ангелов послужить вам. И распространится калива сия, и будет у вас два священника, и множество монахов приидет...». Наутро за Божественной литургией лицо его светилось радостью. Затем совершено было Таинство елеосвящения. И по елеосвящении возлюбленная Предстательница наша и Госпожа Богородица приняла его на небеса праздновать всечестное Ее Рождество со всеми святыми, от века просиявшими.

Весть об исходе старца повергла в скорбь всех духовных его чад, в особенности же послушников. Преемником отца Даниила назначен был тезоименитый ему послушник, благоговейнейший и ангелогласный иеромонах Даниил. Монахи Иконописного дома Даниилеев посвятили себя и другому служению — изучению и сохранению традиционно афонского стиля византийской церковной музыки.

В исихастирии Даниилеев все напоминает о блаженнейшем его основателе: здания, мастерские иконописцев, сушильня, книгохранилище, огороды, плодовые посадки, каменные скамьи... Но бесконечно ценнее другое достояние, которое оставил освященный и богоблагодатный его создатель — опыт «ангельского жития», сокровище поистине неоскудевающее, которое *ни моль, ни ржа не истребляют и воры не крадут* [45](#).

Соболезнования братству Даниилеев в связи с кончиной монаха Даниила

Соболезнующее послание Великой Лавры Святой Горы

Писано в Великой Лавре 9 сентября 1929 года

Вашему Преподобию отеческое о Господе благословение!

С глубочайшим прискорбием узнали мы о смерти досточтимого Вашего старца и нашего собрата, друга и советника. Кончина незабвенного старца Даниила — утрата не частная, но общая для всего нашего святого места, наипаче же для Вашей обители, составляющей гордость и украшение округи. В лице блаженного Даниила Святая Гора потеряла последнего выдающегося представителя нынешнего рода святогорцев.

Мы смертны, от смертных родились и совершаем [путь] смертного естества ради лучшего и блаженнейшего удела. Терний и страдания исполнено здешнее житие. Но блаженный старец и в многотрудном сем житии достиг того, что в старости маститой окружала его, как патриарха Иакова, великая любовь духовных чад, которая старость сию и саму кончину явила безболезненной и мирной. Поистине сбылось на честном старце божественное речение: *Смерть бо мужу покой*⁴⁶.

Посему, возлюбленные, переносите случившееся как истинно мудрые и благочестивые питомцы и благодарите Бога, ибо не умер блаженный, но перешел от худшего жития на лучшее, благочестно во Христе пожив и богоугодное пройдя жительство с такой синодией⁴⁷ любви, какая и в летописях Святой Горы не часто отыщется. Итак, хотя поневоле и испытываем боль от разлучения друг с другом, но печаль о смерти приснопамятного старца подобает преложить в хвалу и благодарение Богу, ибо усопший поистине совершенные блага узрел и синодией подлинного послушания и самоотвержения наслаждался.

Сего ради молимся, да подаст Вам Всесвятой Бог утешение, а новопреставленному — вечный покой и жизнь бесконечную.

*Эпитропы святой и честной обители Великой Лавры Святого Афанасия Его Преподобию господину Даниилу*⁴⁸, иконописцу в Катунках

Утешительное послание Дорофея из Каракалла, монаха и духовного сына новопреставленного

Писано в общежительном монастыре Каракалл 22 октября 1929 года

Многочестнейшее и любезное мне Преподобие Ваше братски лобызаю о Христе и вседушно увещаваю радоваться.

Иеромонаху и мусургу⁴⁹ господину Даниилу в каливу Всех преподобных Отцов, на Святой Горе подвизавшихся, что в Катунаках.

Ваше Преподобие! *Человек, яко трава дние его, яко цвет сельный, тако отцветет*⁵⁰.

Воистину *яко трава, но и яко цвет!* Достигнув зрелости и пожив повелением Божиим положенный срок, исполненный дней в старости маститой, но сохранивший крепость души и тела вкупе с остротой разумения, старец Даниил восприял во блаженном исходе мирную кончину живота. О том, что связано с новопреставленным отцом нашим Даниилом, всякому благомыслящему известно.

Жизнь его исполнена подвига и воздержания, житие его светозарно. Он был трудолюбивая пчела Церкви Христовой, светоч Святой Горы, путевождь монашествующим, послушникам просветитель, испытуемым детоводитель, а притекающим мирянам, здесь и в отдалении сущим, наставник в письмах преизысканных, цветоукрашенных и для всех, равно и для меня, на всякое время полезных. С рассуждением великим направляя ко спасению младых и старых, будучи всем для всех, он до глубокой старости и самой кончины преумножал вверенный от Господа талант силою и благодатью Божией, как и добрым своим произволением.

Ваше Преподобие! Недостанет времени исчислить все дары, отпущенные святому старцу Даниилу от Бога. Да и не под силу мне, некнижному и невежде во всем, достойно восхвалить наставника, вождя и просветителя моего, вооруженного обоюдоострым мечом⁵¹ и уста свои всегда имевшего уготованными к совету. Достодолжное слово о почившем отце да будет делом иных, я же — младенец, а посему младенчески и глаголю, и пишу. Итак, разделяю тяжкую скорбь и печаль, в которую повергла вас смерть отца нашего Даниила, безмерно полезного святой общине своей и всем притекавшим за утешением в многоразличных скорбях, всем окормлявшимся у него и в сладкогласных речах его, как самого Златоуста, сладость и умиротворение почерпавших. Один из них — автор убогого сего послания, которое он адресует теперь почившему своему благодетелю, как последнее и благодарственное, а вместе с тем и надгробное, в знак признательности и во исполнение священного долга. Се, реку: вечная твоя память, достоблаженне и приснопамятне старче Данииле, вечная твоя память! Отыди, отче, и покойся там, где уготовил себе благую часть многотрудным житием своим. Отыди от привременного к вечному, «идеже несть болезнь ни печаль», дабы приять сторицею воздаяние от руки всеильного Бога. На долю тебе выпали великий труд и попечение о святой синодии твоей, о вере православной, о Святой Горе и храме Всех преподобных Отцов, на Святой Горе подвизавшихся. Итак, покойся, где и преподобных сословие, коему ты принес в дар себя самого и дом, сиречь храм, во славу их освященный.

Сии убогие словеса да будут последним моим «прости». Остаюсь в глубочайшей скорби, любви и почтении к Вашему Преподобию.

Малейший в монахах Дорофей из Каракалла

Р. 5. Ваше Преподобие авва Даниил!

Хотя и почил о Господе преемник и последователь божественного Златоуста, хотя и повержен столп Святой Горы, но мы далеки от отчаяния. Ибо имеем преемником отцу нашему Даниилу — если не теперь, то вскоре — послушника его Даниила, а между старцем и

послушником его нет разнствия. И притом почивший старец Даниил был простым монахом, новый же Даниил большую имеет благодать, будучи и монахом, и иереем. *И вот, здесь больше Ионы*⁵².

Говоря об апостоле Павле, святой [Иоанн Златоуст](#) всех нас увещевает быть Павлами и присовокупляет, что достичь сего возможно, если захотим. Таковы убогие словеса мои, брат и отец Даниил. Молюсь и прошу у Бога явить тебя всеобщим образцом в меру старца твоего, делом и словом подобным, но и превосходящим, да прославится имя его и честная калива вкупе с благим его преемником, [новым] батюшкой Даниилом, и да явишься во всем соименным и единоправным тому. Сие буди!

Прилагаю просьбу: если Вы располагаете печатным изданием «Истории» с жизнеописанием почившего⁵³, пришлите нам с надежным братом в тщательно запечатанном пакете для передачи мне в собственные руки или через отца Гавриила, часовщика в Карее, который вручит его мне.

Всецело Ваш во Христе брат Дорофей из Каракала

Молюсь также о мире и благостоянии Церкви Христовой во отечестве.

Д. К.

Устав общежительного пребывания на основании святых определений Церкви Христовой

Господь и Спаситель наш [Иисус Христос](#), желая явить нам необоримую высоту общежительного пребывания, как и то, сколь полезно оно для ищущих добродетельного жития и в заботе о спасении вкупе с братьями подвизающихся, Сам первый в Пришествие Свое на землю избрал общее с апостолами жительство.

Явственнейший признак такового Его со святыми апостолами пребывания — общая трапеза и одежда, общая казна, общее соизволение и безраздельное во всем послушание учеников Господу нашему Иисусу Христу. Лишь Иуда, последовавший своему нраву и вознедуговавший непокорством и сребролюбием, превратился в труп смердящий.

В размышлении о божественном и спасительном пребывании общего жития, боговидные отцы Церкви, как истинные последователи Христовы, при учреждении лавр и общежительных их келлий⁵⁴ одно имели попечение, доподлинно зная, что подобным жительством непреткновенно достигается всякая добродетель и изгоняется всякое прилагаемое от своенравия действие лукавого сатаны. Где строго поддерживается общежительный уклад, там, без сомнения, воздвигается добродетель, ибо преслушание и согрешение не обретают себе пищи.

А поскольку главная цель инока или инокини, отринувших мир и все его наслаждения, есть Сам Господь, то ни к чему иному так не стремятся они, как к одолению главных трех супостатов — разумею мир, плоть и диавола. И потому лишь чрез общежительное пребывание с легкостью возмогут они прогнать не только пустынных врагов, но также три главные и сильнейшие страсти — гордыню, сладострастие (или чревоугодие) и сребролюбие.

Страсть гордыни последовательно истребляется общежитием, ибо в тех, кто трудятся над собою, отсекая свою волю и мудрование, бесовская хитрость не обретает почвы, чтобы всеять семена тщеславия. И если случится иночеству быть уловленными лукавством сатаны, то чрез епитимию от игумена или игумений, пострадав немного, получают совершенное исцеление.

Тем же жительством искореняется и сладострастие, ибо держащиеся общей трапезы и не имеющие дозволения вкушать наедине в келье приобретают воздержность в пище и таковым совместным воздержанием исторгают с корнем сластолюбивые помыслы.

Равным образом исторгается общежитием и страсть сребролюбия, ибо кроме рясы, и притом самой дешевой, не дозволено иноку никаких собственных вещей, от которых рождаются многие страсти и согрешения смертные.

Такова-то высота общежительного пребывания, такова-то польза общежития для всех, произволяющих упражняться в нем!

И поелику вы, богомудрые девы, уразумев высоту того жительства и единомысленно восхотев достигь его, обратились к моему недостойнству за общежительным уставом, дабы, руководствуясь им, непреткновенно шествовать тесною стезей покаяния и послушания благому и боголюбивому расположению своему, посылаю вам сей распорядок. При сообразовании с ним вы, и на земле пребывая, устремитесь к житию равноангельному и одержите победу над проклятым сатаной.

Должно знать, что демон своеволия всеми силами будет чинить вам препоны, ведая в своем нечестии, что святым тем жительством вы угасите все огненные его стрелы и исходатайствуете великую пользу девам, которые понесут подвиг в обители после вас. А для достижения сего жительства и достойного утверждения в нем подобает всем сестрам, — как только согласятся они в душеполезнейшем том деле, о коем речь, — единомысленно сойтись в келью к игумении и решиться с истинным самоотвержением вступить на поприще общего жития, ничего для себя не

требуя. Ибо вполне вероятно, что некоторые из вас пользуются неуместными в святой обители услугами или располагают средствами большими, чем другие. Сего да не будет, и вы в любви и единомыслии сложите по списку пред игуменией все, чем обладаете, имение ли, деньги или иное что, составляющее капитал, который соединится с прочим достоянием обители. И да будет тотчас же составлено письменное положение, под которым подпишутся все сестры, чем избегнете в дальнейшем нестроений и соблазнов.

И во-первых, да будет единая трапеза, которой держатся все, исключая немощных: и сама игуменья, и прочие во Христе сестры. И в воскресенье, вторник, четверток и субботу-разрешение на елей и малое количество вина, а вне постного времени — также на рыбу и сыр. В сии дни трапеза поставляется дважды: дневная — после Божественной литургии и вечерняя — после вечерни.

В понедельник же, среду и пяток да будет у вас одна трапеза без елея, знаменующая собою преполовение дня. Если же случится среди поста праздник, тогда разрешение на вино и елей, а в праздник Божией Матери — и на рыбу, как устав церковный повелевает.

Не могущие по болезни или старости соблюдать совершенное воздержание до девятого часа (то есть до вечера) испивают, по благословию игуменьи, теплоты с малым количеством хлеба. В Великую Четыредесятницу поставляется трапеза без елея единожды днем, по субботам же и воскресениям, когда бывает разрешение на вино и елей, — дважды.

Второе. Все монахини сообща занимаются рукоделием, кто какое знает, -портняжным, ткацким и всяким иным — для нужд обители и покрытия ее расходов. Вознаграждение за труд сей влагается в кассу и употребляется, наряду с прочими расходными статьями, на одеяние для каждой сестры, получаемое ею от игуменьи.

Третье. К общим богослужениям утрени, часов, Божественной литургии, вечерни и повечерия все сестры, кроме больных, при ударах била да сходятся с усердием в церковь, имея наиболее сведующую в уставе типикариссой⁵⁵. Сия же, согласно уставу, назначает поочередно из числа сестер [опытных] певчих для согласного пения в воскресения и праздники, а для пения вседневного — менее искусных. И для каждой седмицы отделяет она двух сестер: одну для канонархания (канонархИссу), другую — чтницу (анагнОстрию) для чтения часов, кафизмы Псалтири и возглашения «Господи воззвах» [на вечерне]. Обе да имеют также заботу о церковном благолепии и лампадах. Поскольку же число насельниц в обители невелико и к служению сему привлекаются лишь немногие, прочие сестры да помогают им. Но дабы не допускалось в богослужении церковном малейшего замедления, все сестры подчиняются типикариссе, ставящей одну на чтение, другую — на псалмопение и тому подобное, прочие же замечаний отнюдь не делают.

Сверх того на каждый день да назначается чтница за трапезой; сестры же, благочинно вкушая и не взирая по сторонам, с благоговением внимают чтению. Чтение бывает из житий, похвальных слов празднуемому святому, дням воскресным, праздникам Господским или Богородичным. И если в какой из дней святой не имеет синаксаря, а жития преждепразднуемых святых уже прочитаны, как то происходит Великим постом, полагается чтение из святых Иоанна Лествичника, [Ефрема Сирина](#) и аввы Доротея.

Четвертое. Для исполнения всякого послушания да поставляются сестры на месяц или пятнадцать дней; по две сестры — прислуживать за трапезой и по две — в поварню. Также одна сестра — в пекарню для замешивания теста и выпечки хлебов, в каковом послушании помогают ей и другие сестры. Также и в архондарике и игуменских покоях да прислуживает инокиня, известная добродетелью и строгостью жития. Привратницей же всегда да будет старица, дабы не вызывать соблазна.

Отнюдь не подобает оказывать гостеприимство сродникам или знакомым мужского пола.

Если же по нужде или обстоятельствам дела случится прибыть кому из благодетелей обители, такой да беседует о должном с игуменией в присутствии двух монахинь-стариц и затем покинет обитель. Если же будет ему нужда задержаться в монастыре для окончания своего дела назавтра, да проведет сию ночь вне стен обители в помещении, особо на то предназначенном.

Пятое. Для благопоспешествования делам святой обители и во избежание недоразумений и нареканий от других, подобает игумений иметь двух проэстосс⁵⁶ из числа пожилых монахинь, которые оказывали бы ей помощь в трудах управления. Сего ради да хранится у каждой из них по ключу от кассы или один ключ у обеих, другой — у игумении, дабы когда случится надобность оплатить расходы обители или инкассировать некую сумму, денежные средства изымались или влагались в общую казну под их наблюдением, что исключало бы всякое подозрение. И каждый год в день святителя Василия Великого да призываются все сестры в келью игумении для выслушивания отчета о годовых расходах и доходах обители. И если проэстоссы те заново избраны будут помогать игумении в управлении, да подвизаются и в наступившем году, в противном случае назначают других.

Шестое. Принятие новой сестры в общежитие бывает с согласия всех. Но надлежит испытывать ее в продолжение трех лет в послушании и тогда постригать. Не дозволяется сестрам держать по кельям, кроме сосуда с водой, ничего съестного и ни единой монеты, ибо творящие сие разрушают общежитие и подлежат наказанию с неразумными девами.

Седьмое. Все сестры да открывают (объявляют) свои помыслы пред игуменией или другой старицей, искушенной в делах духовных, чтобы та, распознавая природу каждого помысла, назначала сообразное врачевание, ибо козни бесовские многовидны. А сверх того надлежит им ревновать о любви, и когда приключится какое искушение или спор между сестрами, *солнце да не зайдет во гневе их*⁵⁷, но еще до наступления вечера предадут забвению все обоюдные недовольства и, сотворив друг другу поклон, испросят прощения, ибо закоснение в злопамятстве недобрые приносит плоды.

Восьмое. Сестра, ведающая поварней, с вечера вопрошает игумению о трапезе в наступающий день. Также и экклисиархисса⁵⁸, когда приблизится время вечерни и прочего последования, отходит сперва в келью игумении и, сотворив поклон, ударяет в било, призывая сестер собираться в церковь.

Девятое. Да будет точно определено время вечерни и дневного последования: вечерня всегда совершается летом в четыре часа, зимой же в два с половиной часа пополудни (по турецкому счету всегда в девять); утренняя же с последованием — ежедневно в два часа пополуночи, а в воскресные и в праздничные дни — ровно в полночь.

Десятое. Да будет в святой обители больница, где при необходимости и в случае болезни лечится всякая сестра и всякая труженица, не могущие разделять общую трапезу.

Таково начертание общежительного распорядка, которое надлежит нерушимо соблюдать. Он основан на Уставной грамоте⁵⁹ Великой Церкви, каковую имеют за образец киновии⁶⁰; внутренний же устав каждой из них содержит и строжайшие, от Великой Церкви воспринятые, епитимии для нарушающих правила общего жития. Итак, приступая к деятельному исполнению предложенного, всеусильно стремитесь достичь горнего сего жительствова, которое просветит светильники ваши и послужит сопричислению к неветшающему блаженству с мудрыми девами.

Как только, по исполнении с Богом всего вышеизложенного и объявлении обители вашей киновией, возьмете нужду в других моих советах, сие спасительное желание, при содействии Божиим, будет с готовностью мною удовлетворено.

Писано в Катунках на Святой Горе 12 октября 1910 года. Монах Даниил иконописец

Наставление желающему воспринять великий и ангельский образ монашества

Объятия Отча отверсти ми потщися,
блудно мое иждих житие,
на богатство неизживаемое взираяй щедрот Твоих,
Спасе, ныне обнищавшее не презри
сердце. Тебе бо, Господи, умилением зову:
согреших, Отче, на небо и пред Тобою.

Седален по 3-й песни канона в Неделю о блудном сыне (Постная Триодь)

Сию умиленную молитву воспримлет каждый из сынов Небесного нашего Отца, кто заплутал и удалился, как блудный сын притчи, от источника благодати Отчей, многие годы жил беспечно и расточительно, а ныне видит, что погубил родительское наследие, дойдя до пребывания со свиньями, то есть лукавыми демонами. Бедствуя так, алкая духом и не насыщаясь сладко-горькою снедью рожцев (или своеволия), блудный юноша постигает наконец, от какого богатства славы и в сколь жалкое состояние ниспал, приходит в себя и говорит: «Возвращусь опять к милосердному Отцу моему, под покровительством Которого множество наемников в избытке насыщаются хлебом, я же, называясь сыном Его, изнываю от голода!».

Сердечно раскаиваясь в блудной жизни, поспешно устремляется он к благому Отцу и из глубины души с истинным сокрушением вопиет: «*Отче, я согрешил на небо и пред Тобою и недостойн уже называться сыном Твоим*⁶¹; *молю, раскрой вновь отеческие объятия и прими меня как последнего из рабов Твоих*».

Возопив так, с горькими слезами, в сокрушении сердца и неложной чистоте, всякий, кто расточил небесные богатства Божественной благодати Отчей, но в глубоком покаянии обратился, вновь приемлется в объятия Отца, дарующие усыновление. И по повелению Божию, отбросив ветошь нерадения, заново облачается в одежду нетления, препоясуетя силою свыше, и дается обувь на израненные стопы его, чтобы приуготовить их к благовествованию мира. И омытый банею истинного исповедания и покаяния сердечного, ризу спасения получает от Отца. Ибо любоблагосердый Бог, *не желающий смерти грешника, доколе не обратится*⁶², дарует прежнее сыновство и закаляет для него упитанного тельца, веселясь со всем домом Своим.

Таковой благодати от Отца Небесного предлежит удостоиться и тебе, брат. И потому, возлюбленный, отверзи не только чувственные, но и духовные уши души своей и внемли гласу Жениха: *Придите ко Мне, все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас; возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим*⁶³.

В сих немногих словах заключены весь строй и все научение иноческого, а лучше сказать, ангельского жития. «Придите,— говорит Избавитель наш,— ко Мне, все труждающиеся и обремененные». Вот первый зов, которым привлекаемся унаследовать Небесное Его Царство. Этот призывающий глас и тебя научил оставить домочадцев, сродников, всякую тщету привременного и суетного мира и сопричислиться здешнему монашескому братству.

И ты пришел сюда, чтобы отрешиться и очиститься в купели подвига чистым, от всего сердца и души приносимым покаянием, истинным послушанием и покорением себя легкому игу Господа нашего Иисуса Христа, Который обещает упокоить нас от суетных и бесполезных трудов привременного жития в Небесном Его Царстве, «идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание»⁶⁴, нет мучительства неразумных страстей, но жизнь бессмертная и нескончаемая.

«Придите ко Мне,— говорит Жених наш,— и Я упокою вас». Но упокою, если и вы

упокоите Меня неложным исполнением Божественных Моих заповедей. «Возьмите,— глаголет Он,— иго Мое на себя». Возьмите, возложите на свои плечи собственное Мое иго — крестную смерть, которую Я прежде претерпел, чтобы восставить вас от мертвых дел и тления плотских страстей, подать вам дар нетления чрез ангело-подражательное жительство.

Взять Честной Его Крест означает для нас распять *земные члены наши*⁶⁵, то есть умертвить страсти плотские, душу нашу умерщвляющие, и искоренить страсти душевные: кичение, самопревозношение, лицемерие, гордыню, досаждение, ярость, гнев, клевету, обиды, осуждение, многословие и празднословие, подозрительность, самомнение, самолюбие, любоначалие, прекословие, небрежение, сварливость, дерзость, ненависть, злопамятство, злонравие, срамословие, смехотворство, беспечность, безразличие, леность, многоспание, многоядение, тайно- и безмерноядение, пьянство и все прочие страсти души и тела, кои, будучи неисчислимы, порождают сынов и дочерей с потомством их.

Итак, Он призывает умертвить все обуревающие нас страсти души и тела, достичь очищения покаянием и отвержением мира, чистым исповеданием и неленостным исполнением заповедей Божиих.

Но спросят: «Как возможем мы, плотяные и облеченные в страстное тело, победить безудержные порывы душевных и плотских страстей?». На это Сам Спаситель наш далее отвечает: *научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим*⁶⁶.

Вот двоякое оружие, крепчайшее и непобедимое, оружие, которым наделяет нас, как воинов Своих, Царь Небесный,— и оружие это кротость и смирение, матерью своею имеющие венец всех добродетелей, то есть любовь.

Неложная и пламенеющая любовь прежде к Богу, затем к ближнему обладателя ее делает кротчайшим и смиреннейшим во всех испытаниях, какие приключаются ему попущением Божиим, показывает его боящимся Бога и трепещущим словес Его в опасении лишиться любви и отпасть богатства благодати Божией.

Так и к ближнему любовь по Богу творит человека кротким, тихим, смиренным и ревнующим о том, чтобы непрестанно усовершенствоваться в евангельском учении и философии⁶⁷ святых отцов для благотворения братьям нашим. В обращении с ближним остерегается он опечалить или оскорбить не только любящих, но и ненавидящих его, при тишайшей кротости всегда являя и крайнее смирение, с каковыми добродетелями легко достигает высшего совершенства. А потому преуспевший в стяжании главных добродетелей — любви к Богу и ближнему, кротости и блаженного смирения — приобретет с ними и все богатство прочих добродетелей. Как любящий Бога всегда трудится и употребляет усилие, чтобы сотворить волю Божию, и, сколько может, со страхом и трепетом молится Ему, боясь преступить единую от заповедей и огорчить Владыку своего, так и любящий ближнего ради любви к Богу стремится всегда быть кротким и ко всем благорасположенным. Высшим и старейшим повинуетя он как отцам и братьям, воздавая честь и уважение, с меньшими же обходится как старший брат, не дерзостно, но с лаской и братолюбивым чувством.

Такой отнюдь не воспрекословит укорам не только начальствующих, но и низших братии, отвечая тем и другим кротко и смиренномудренно. Из осмотрительных уст его не исходят слово жесткое и брань, клевета и пустословие, могущие опечалить или оскорбить брата, но во всякое время тихо и без вражды угашает он раздоры и соблазн, водворяя в братстве своем мир, любовь и согласие.

Названные добродетели невозможно стяжать носящим в себе себялюбие и гордыню-страсти, от которых своеволие и прекословие, гнев и превозношение. Они-то и ожесточают человека, коим обладают, выказывая его дерзким на язык, грубым, высокомерным, а с братьями, старейшими или меньшими, донельзя гневливым, грубым и безрассудным. Все сие — признаки

действующих в нем себялюбия и гордыни, каковые не только мешают преуспеть в добродетелях, но одержимых ими в другие трудноискоренимые и наказанию повинные страсти ввергают.

Посему и ты, возлюбленный, без всякого понуждения, но собственным свободным расположением и произволением ища воспринять великий и поистине ангельский образ, потрудись достоподобно и с великим старанием вникнуть в страшные обеты, кои тебе надлежит исполнять. Ибо обеты эти изрекаются тобою в присутствии не только служителя Бога Вышнего и окрест стоящих свидетелей, но Самого невидимо пребывающего здесь Спасителя Христа и Ангельских Сил, записывающих твое исповедание, о котором воздашь ответ Господу в страшный день нелицеприятного Суда.

Итак, уразумей высочайшую почесть и благодать, неизживаемое богатство великого таинства, какого сподобил тебя Бог, желая вновь соделать сыном и наследником Небесного Своего Царства. Посему и то, что выслушаешь из уст служителя Его, есть великое свидетельство Божия о тебе промышления, Божественный и небесный дар.

О нового звания! О дара тайны! [О новое призывание! О дарование таинства!] *Второе крещение приемлешь днешь, брате, богатством Человеколюбца Бога даров [от богатства Человеколюбца и Бога дарований], и от грехов твоих очищаешься, и сын света бывавши, и Сам Христос Бог наш срадуется со святыми Своими Ангелы о покаянии твоём, закаляя тебе тельца упитаннаго. Достоино прочее звания ходи [поступай впредь достойно сего призыва], устранись от суетных пристрастий, возненавиди в дольняя влекущую тя похоть, все твое желание преложи к небесным, отнюд не возвращаясь вспять, да не будешь столп сланный яко жена Лотова, или якоже пес на своя блевотины возвращаясь, и исполнится на тебе [дабы не исполнилось на тебе] слово Господне, глаголюще: яко никтоже, возложив руку свою на рало и обращаясь вспять, управлен есть в Царствии Небесном. Нестъ бо тебе мала беда обещавшемуся ныне вся предреченная хранити, потомже нерадити о обетовании, или на первое житие возвратится [немалая опасность для тебя — пообещав ныне соблюсти все вышесказанное, впоследствии обещание это презреть и устремиться к прежней жизни], или отца твоего духовного разлучитися и спостящихся [соподвизающихся] братии, или пребывающую нерадиво дни твоя: понеже тяжчайшее обрящешь осуждение паче первых, на страшном и неумытном Судищи Христове, елико множайшия благодати насладишися ныне [ибо тем большому наказанию на страшном и нелицеприятном Судилище Христовом подвергнешься, чем большей благодати вкусил прежде]: и добре ти бе [лучше бы тебе было], по реченному, не обещатися, не жели обещатися и не отдати. Ниже паки мни, яко в мимошедшем времени здешняго пребывания довольно подвизался еси к невидимым силам вражиим [и не думай, будто в прежнее время земной твоей жизни достаточно подвизался против невидимого врага], но веждь, яко наипаче отныне примут тя множайшии подвизи к брани на него [но узнай, что отныне наследуют тебя много большие подвиги борьбы с ним]. Никакоже бо на тя возможен ограждений ты обретаяй, к наставляющему ты верою крепкою и любовию, и ко всякому послушанию и смирению правотою [ибо он никогда не превозможет тебя, застав огражденным крепкою верой, любовью к наставнику и правотою во всяком послушании и смирении]. Сего ради да отыдет от тебе всякое непослушание, прекословие, гордыня, рвение, ревность, зависть, ярость, клич [крик], хула, тайноядение, дерзновение [дерзость], особое дружество [особая к кому-либо приязнь], ласкание⁶⁸ [потворство], любопрение [спорливость], роптание, шептание, притяжание особое окаянныя вещи [приобретение в собственность чего-либо неподобающего], и другия вся злобныя виды, ихже ради приходит гнев Божий на таковая деющих, и вкореняется начинает в них душ тлитель [и все иные разновидности порока, из-за которых грядет гнев Божий на творящих такое, и укореняется в них растлитель душ]. Паче же вместо сих стяжи подобающая святым: братолюбие, безмолвие, кротость, благоговение,*

поучение божественных словес [размышление о словах Божиих], чтение, соблюдение сердца от скверных помыслов, делание по силе, воздержание, терпение даже до смерти: на негоже отца обетования твоя возложил еси, первое и последнее исповедание сердечных тайн твоих, якоже Божественная Писания глаголют: «Крещаях убося, глаголет, исповедающе грехи своя» [о чем отцу духовному обетования давал прежде и сердечных тайн твоих совершенное откровение, как Божественные установления повелевают. Ибо говорится: Крестились, исповедуя грехи свои ⁶⁹].

Внемли со всей тщательностью начальным словам: «О новаго званія! О дара тайны! Второе крещение приемлещи днешь, брате, богатством Человеколюбца Бога даров», как и последующим, также достойным величайшего внимания. Ибо новым сим от Божественного и неизреченного Промысла исходящим призыванием и обновляешься, и новым человеком соделываешься, чистым душою, словно младенец, исходящий из купели Святого Крещения.

И во время Святого Крещения, которое есть величайшее Таинство, крещаемый во имя Святой Троицы обещает чрез восприемника сочетаться Христу и жить свято, праведно, православно. Но возможно, что крещеные дети впоследствии не будут должным образом наставлены на сей путь ни родителями, ни восприемниками, невежественными в делах веры, и, уклонившись в дурные сообщества, осквернят одежду крещения и станут чуждыми Богосыновства и небесного наследия. Пришедший в такое состояние захочет, наверное, оправдаться тем, что не нашлось человека, который наставил бы и научил его хранить обеты Святого Крещения. Когда же, по благодати Божией, удостоится он в Таинстве покаяния как бы второго Крещения, принимаемого не в младенческом, но в зрелом возрасте, чем оправдается, если вновь преступит обеты, принесенные пред Богом и людьми уже не в неведении, но сознательно и свободно?

Посему, возлюбленный, сподобляясь столь великой благодати, обезопась и огради крепкою стеною душу и тело от злокозненных прилогов душепагубного змия, который отныне ополчится на тебя с возросшей яростью и умножившейся ненавистью, чтобы, если возможно, и в другой раз лишит тебя новой одежды — одежды второго усыновления.

Имей же всегда стражем и оградой ума своего страшную тайну, открывшуюся душе великого отца нашего преподобного Антония. Ибо когда та, сопутствуемая святыми Ангелами, проходила воздушные мытарства и демоны с лютым неистовством и гневом испытывали содеянное преподобным в жизни, Ангелы отвечали: «Оправданием согрешений его, бывших до отвержения мира, стало совершенное их оставление в Таинстве покаяния и восприятии монашеского ангелоподражательного жительствова; если же найдете что достойное осуждения с тех пор, как начал он подвизаться, то укажите». Демоны же, не имея что указать и не найдя повода к обвинению, со стыдом отступили.

Итак, потребны великое трезвение и внимание, чтобы толикое богатство дарования Божия соблюсти от напасти невидимых разбойников-душегубцев. Сам же Призвавший тебя

всещедрый <... > Бог и многомилостивый, пречистыя утробы неизследимыя благодати Своим отверзаяй всякому приходящему к Нему, желанием и любовию теплою, рекый: Аще бы и жена забыла исчадие свое, аз же не забуду тебе, и твое ведый желание, и к предложению твоему прилагая яже от Себе силу ко исполнению заповедей Своих, да восприимет, и объимет, и защитит тя, и будет ти стена тверда от лица вражия, камень терпения, утешения вина, благомоция Податель, благодушия Снискатель, мужества Сподвижник, свозлегая, свостая, услаждая и веселя сердце твое утешением Святаго Своего Духа, сподобляя тя и части святых и преподобных отец наших Антония, Евфимия, Саввы и иже с ними, и всех святых, с нимиже и наследии Царство Небесное, во Христе Иисусе Господе нашем, Ему же слава и держава, и Царство, и сила, со Отцем и Святым Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь. [Всещедрый и многомилостивый Бог, Который всем приходящим к Нему с желанием и пламенной любовью

таинственно отверзает чуждую скверны глубину неисследимой Его благости и говорит: «Скорее мать забудет чадо свое, чем Я забуду тебя»,— и твое знает желание, и к произволению твоему прилагает от Себя силу ко исполнению Его заповеди, да примет и обымет, и покроет, и да будет тебе стеною неодолимой от лица вражия, камнем терпения, утешения основанием, силы Подателем, благодушия Снискателем, мужества Споборником, с тобою возлежающим, восстающим, услаждающим и веселящим твое сердце призыванием Святого Его Духа, сподобляющим тебя удела святых и преподобных отцов наших Антония, Евфимия, Саввы и иже с ними, и всеми святыми, с коими и унаследуешь Царство Небесное во Христе Иисусе Господе нашем, Ему же слава и держава, и царство, и сила со Отцем и Святым Духом. Аминь.]

Введение. Монашеское во Христе жительство

Жительство иноческое не нуждается в наших ходатайствах, похвалах или оправданиях, в себе самом являя высочайшее свое достоинство, воспеваемое неисчислимым множеством уст — от богомудрых отцов и святых мужей до Вселенских и Поместных Соборов, коими оно удержано и святыми правилами ограждено. Более того: Православная наша [Церковь](#) Христова признала в нем одно из святых ее Таинств⁷⁰, составив особый чин пострижения и канонически закрепив все, что образует суть сего Таинства.

А о том, какие Божественные плоды принесло оное жительство в Церкви и во всем [православном] сообществе, свидетельствуют сами дела. И во-первых, через боговидных учителей Церкви — тех, что по окончании сего училища подвига и крайнего безмолвия горным устремлением ума явили себя как превысшие страстей и всего земного, а деянием и созерцанием — как сосуды Духа Святого, Церкви светочи, Святой Троицы богословы, чьи бессмертные писания утвердили верных, лютых же волков, то есть еретиков злославных, далече от стада Христова отгнали. И во-вторых, поскольку жительство то есть исполнение неложного законоположения евангельского, все проходившие поприще, с иноческим согласное, достигли победы над лукавым сатаной, соделались «светом миру» и примером христианского шествия для мирян.

А так как весь путь монаха подразумевает смерть для мира и дел его, желающий подвизаться в боголюбивом жителстве иноческом должен оставить, по велению Святого Евангелия, родителей, сродников и друзей, а сверх сего — душу свою, то есть желания и мнения, взять крест Христов и последовать Ему со всяким самоотвержением. И это — не каждого удел, но тех, кто, пребывая в мире, хотят проводить жизнь добродетельную и Христу угодить. Не могущие в греховных условиях мирских насытить высшие стремления духа, очиститься от страстей и заблуждений, спешают они к уединенному пребыванию, одну имея заботу — спасение души. С этим согласно и речение Спасителя нашего: *какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?*⁷¹.

Вот почему направляемые такой любовью к Богу и живым ощущением Его не погрешили против цели, но достигли ее при содействии благодати Божией и, на земле будучи, показали путь равноангельный, по которому и монашеское житие именуется «ангельским».

Но хотя житие то и явило столь выдающиеся плоды, хотя чрез него и возшло на горизонте Церкви множество небожественных и богоносных отцов, не только деяниями и чудесами, но и бессмертными писаниями всячески нас облагодетельствовавших,— однако имеется у него немало недругов, и не только из среды злославных еретиков (ибо те, разлучившись с благочестием и отпав от тесного и прискорбного пути Евангелия, должны, само собой, и на монашество нападать), но, к несчастью, и из наших многие, которые, похваляясь ученостью, святой образ иноческий хулят и порицают. Они не стесняются дерзко заявлять, что в средние века путь сей многие благородные души ввел в прельщение, что ввиду угнетенного положения народа большинство монашествующих оставляло мир из нужды⁷², что монашество не вытекает из заповедей Святого Евангелия и потому есть грубое заблуждение. Но глаголющие и мудрствующие так не видят, что при свете чистой истины оказываются предателями, чуждыми Церкви.

Пусть скажут они, какие житейские тяготы понудили Антония Великого, все имение раздавшего в один день убогим и нищим, водвориться в пустыне? Какой гнет привел к тому, что и Григорий Богослов, и Василий Великий, и [Амфилохий Иконийский](#) по окончании обучения своего предпочли горы Понта? И из других преподобных — будь то Евфимий Великий, Савва

Освященный, Харитон Исповедник, Феодосий Великий и множество иных мужей величайшей святости,— избрал ли кто пустыню под гнетом внешней необходимости? Равным образом все проходившие пустынное жительство на горе сей, именуемую Святой: Афанасий и Петр Афонские, Максим Кавсокалит, Павел Ксиропотамский, Симон, оба Григория — Синаит и Палама — весь сонм преподобных афонских сделали это, как доподлинно известно, не по принуждению, но единственно из любви к горнему. Взыскуя безмолвия, все они оставили мирские занятия, как корень бесчисленных зол, и облобызали иноческое жительство, дабы в нем посвятить себя Богу и по очищении души и тела от всякого сластолюбия неослабно работать Ему постом и молитвой.

Но что всего удивительнее, превосходнее и, сверх того, обнажает высшую природу философии иночества, есть сам корень смиренномудрия сих святых, в преизбытке почерпнутого из самого, так сказать, существа Евангелия. Ибо они отринули мир и все сущее в мире не для суетной славы, но по презрению к ней и во избежание душепагубной похвалы. Всех просиявших на небосводе монашества и прославленных Церковью святых отличала общая забота — скрыть свои добродетели. Но чем глубже таились, тем большую славу получили от Бога (чему свидетельством их жития), так что великое бесчестие вменилось им в честь, а безвестность — в торжество.

А что для монаха сие — наиважнейшее, усматриваем из слов преподобного [Макария Александрийского](#), ибо тот на вопрос некоего усердного подвижника, полезно ли для души вкушать дважды в седмицу и спасется ли он, отдавая половину рукоделия своего нищим и совершая ежедневно триста молитв, спросил в свой черед: «Вменяешь ли бесчестие в честь и бесславие в славу?». И услышав «нет», молвил: «Ничто из названного тобою не принесло тебе пользы».

Вот, собственно, и цель, и главный признак деятельного монашеского жития. Почему и необходимо, чтобы упражнению в подвигах сопутствовали, в первую очередь, долготерпение и смиренномудрие. В заботе о том отцы утвердили основанием монашества нищету духа, то есть блаженное смирение с послушанием, которые, будучи достигнуты, изгоняют окаянное тщеславие и приуготовляют инока к исполнению остальных заповедей блаженства.

А что иноческое жительство укоренено в Святом Евангелии, сами же иноки — истинные последователи апостолов, явствует из обращения Господа к первоверховным Его ученикам: *идите за Мною, и Я сделаю вас ловцами человеков*⁷³.

Следуя тому же зову, оставляют и монахи по любви к Спасителю родителей, братьев, сродников, всех близких, не говоря уже о славе и богатстве житейском, и мужественно возлагают на себя крест Господень с единственной целью — шествовать за Христом. Нищими и нагими вышли апостолы на проповедь Христову; нищими и нагими простираются монахи на борьбу со страстями и тремя главными супостатами — миром, плотью, дьяволом. Христос, призвав учеников следовать за Ним, не сулил ни услад, ни славы, ни широкого пути, но путь тесный и прискорбный: лютые гонения, злобу врагов, многоразличные тяготы, а в конце — мученическую смерть. Верные тому же правилу, шествуют на подвиг и монахи, соделываясь небесными согражданами апостолов и сподобляясь многих дарований от Бога.

Но возможно, недруги монашества приведут и такой довод: «Апостольский и монашеский пути нимало не схожи! В самом деле, апостолы, наученные и посланные на проповедь Самим Господом, собрали дивную жатву, пленив язычников в познание Христово; монахи же, хвалясь тем, что отвергли мир и последовали Христу, не подражают апостольской [проповеди](#), но, подобно трусливым воинам, бегут с поля битвы в пустыни и монастыри, не сотворив достойного плода».

От кого исходят такие упреки? От людей душевных, к кому относится слово Писания:

Душевный человек не принимает того, что от Духа Божия, потому что он почитает это безумием⁷⁴. Таковым неведомо истинное различие между апостолом и монахом, учителем и учеником, начальствующим и подначальным. Но согласившись принять его и вникнув в замысел Господень, признали бы они, несомненно, и то, что сии два рода жизни, апостольский и монашеский, имеют общим законоположником Самого Христа.

Поясним сказанное. Призванные Христом, апостолы тотчас, без колебаний, но с твердою верой отправились вслед Ему, умертвив свою волю, мнения и предпочтения, всю былую жизнь. Взяв крест, взирали они с той поры лишь на Богочеловека Иисуса, Спасителя мира, а посему, премного возлюбленные от Господа и дивно Им облагодатствованные, победили все страсти и прилоги врага.

Иисус Христос, как прямой Наставник апостолов, наделил их многими дарами, а в день Пятидесятницы ниспослал Духа Святого. Вкупе с прежними величайший сей дар сообщил им силу проповедовать, глаголать иными языками и творить превосходящие всякое естество чудеса.

И не удивительно! Ведь им надлежало выйти, подобно овцам среди волков, на великий подвиг — проповедовать Евангелие всем народам. А сколько их было? Двенадцать ближайших учеников Спасителя, да других семьдесят. Итак, без преизобилующей и неизреченной благодати возможно ли было в столь краткое время и при самых неблагоприятных условиях просветить евангельской вестью все концы вселенной? Но, сопоставляя апостолов с последующими святыми, богоносные отцы ясно показали, что один апостол равен по силе Вселенскому Собору. Да и могло ли быть иначе? Ведь каждый апостол, обходя, как на облаке, города и обширные области, проповедуя и поставляя там епископов и священников, обращал и крестил целый народ. А в наши дни и тысячи миссионеров, если таковые найдутся, не совершат малой доли того, что достигнуто проповедью одного апостола! Отсюда видно, что сия превосходящая естество благодать дана была лишь апостолам, стяжавшим чрез наитие Духа Святого всю полноту дарований и совершенств, тогда как бывшие по ним святые Церкви Христовой сподоблялись дарований Божиих постепенно и последовательно, по мере возрастания в добродетели и боговидном жительстве.

Монашество тогда лишь согласно со всесвятой волей Божией, когда ревнует об исполнении Евангелия; напротив, сведенное лишь к одеянию, без подвига и усердного исполнения обетов, не исходатайствует оно душам нашим никакой пользы.

Как стены гимназий и аудитории университетов сами по себе, без должного преподавания наставников и прилежания учащихся не доставят знаний, так без постоянного упражнения в иноческих добродетелях невозможно монаху стяжать победные венцы.

О высоком предназначении и достоинстве иноческого образа

Величайшее предназначение его открывается, как мы уже сказали, не только в размышлении о высоте равноангельного жителства и произнесении формулы обетов, но в неуклонном исполнении страшных сих обещаний, приносимых пред святыми Ангелами и Самим Христом, Которому дадим ответ в том на Страшном Суде.

Как [молитва](#) Господня «[Отче наш](#)» дарована не затем, чтобы удовольствоваться буквой ее, но чтобы черпать в ней, как в источнике приснотекущем, образец всех прошений наших к Отцу Небесному, так молитвословия и все последование ангельского образа, включая и сами формулы обетов монашеских, нимало не послужат стяжанию святости без вседневного памятования о них и непрестанного самопонуждения к исполнению делом. Настоящее рассуждение предполагает в качестве монашеского руководства, по возможности, сделать это доступным всякому добросовестному монаху, чтобы возжечь в нем сознание высоты сего таинства, как и ответственности за то, чтобы всегда быть его достойным. Отсюда и забота наша об истолковании сего таинства не столько по букве, сколько по духу и существу, ибо все надлежащее его последование и относящиеся к нему молитвы нашей Церкви доступны даже некнижным инокам, возымевшим произволение получше в него вникнуть.

Обратимся же к изъяснению и истолкованию ангельского образа в помощь боголюбивым инокам, подвигающимся исполнить его в жизни, дабы всякий день воспламенялась ревность их и возгорался светильник навстречу Жениху.

О таинстве совершенного и святого образа

Согласно уставу о святом ангельском образе, как излагают его отцы Церкви, и в особенности Василий Великий, ищущий пострига должен ревновать не только о стяжании рясы и схимы. Равным образом да не будет, чтобы мира отвергающийся мир сей почитал греховным! Ибо не мир зол, а побуждения, в нем действующие. Но достойно оставляют мир лишь искатели жития непорочного и всецело чуждого интересам мирским, дабы в несении благого ига Христова и совершенном отчуждении от всего внешнего спасительное произволение свое делом исполнить.

В жизни иноческой преуспеют окрыленные такой любовью и ради нее мир отвергшие, но отнюдь не те, кто сделал это с иной целью. Посему отцы Церкви установили всем ищущим монашества трехлетний испытательный срок, кроме редких исключений, которые сами же порой допускали.

Но для кого допускались подобные исключения? Без сомнения, не для юных телом и разумом, но для искушенных в добродетели и еще в миру приготовивших себя к иноческому пути упражнениями духовными.

Итак, всех приступающих к монашеству и причисляемых, согласно правилам, к общежитию, пустынножительству и прочим видам иноческого пребывания, надлежит, после того как уверились они, что имеют силы и усердие к исполнению спасительного своего намерения, со многим рассуждением к постригу приуготовлять.

Точное изложение последования святого и великого ангельского образа⁷⁵

Накануне вносят монашеские одежды постригаемого в святой алтарь и полагают у подножия престола. И при совершении поутру Божественной литургии становится постригаемый против Царских врат непоясанный, необутый, с непокровенною главою. После Малого входа и пения антифонов читается дневной кондак на *Славу*, а на *И ныне* ныне поется умиленный тропарь *Объятия Отча*. Во время пения не должно оставлять без внимания точный смысл тропаря и цель, коей ради Церковь Христова установила петь его при пострижении. Сей тропарь, как всем нам известно, восходит к притче о блудном сыне, который расточил полученное от отца богатство, то есть впал в бездну разврата и растлил греховной жизнью все сокровище душевных сил, погубил сыновнее достоинство, все дарования Божий, пленен был ненавистником добра, но, опамятавшись, увидел, откуда ниспал и в какой беспросветный хаос погрузился, вспомянул безмерное человеколюбие отца своего и со слезами раскаялся в том, что по неразумию содеял. И устремился к милостивому родителю, еще издали взывая: *отче, я согрешил против неба и пред тобою!*⁷⁶. Но отец, предварив, обнял его и ввел в прежнюю честь. И поскольку в монашеском пострижении вспоминается возвращение блудного сына, постригаемый предстоит алтарю нагим⁷⁷, с великим трепетом (о, трепет умиления!) и сокрушением сердца, но и в надежде стяжать Божию милость, отринуть вкупе с мирским одеянием все ненавистные ему ныне заблуждения мира и, взяв крест свой, с готовностью последовать Господу и Спасителю Иисусу Христу.

Итак, песнопение *Объятия Отча*, как и предваряющие его умиленные антифоны, положено здесь не без цели, как всего лишь вводная часть уставного последования,— нет, но показывает приступающего самим блудным сыном, который вопиет: «Согреших, Отче, на небо и пред Тобою!». И кто, имея единомысленный разум и внимая столь умиленному чину, не восскорбит и не исповедует со слезами безмерную высоту настоящего таинства? Кто не содрогнется при виде юноши в полном расцвете умственных и телесных сил, добровольно приходящего необутым и непокровенным ко святому алтарю в присутствии многих иноков и иных свидетелей для снискания милости Божией и обещания шествовать тесным и скорбным путем, на котором отвержению подлежат все улады и радости мира?

Но вернемся к началу. По исполнении антифонов, священных сих песнопений, постригаемый⁷⁸ входит со всяким трепетом, непоясанный и необутый, во святой храм⁷⁹ и, поклонившись святым иконам Господа нашего Иисуса Христа, Владычицы нашей Богородицы и святого обителя, полагает поклоны на оба клироса, тайно испрашивая молитвы святых отцов. Затем творит поклон настоятелю (или старцу, взявшему на себя обязанность восприемника), находящемуся у иконы Спасителя, и, словно осужденник, становится пред Царскими вратами, крестообразно сложив руки.

Вопрос: *Что пришел еси, брате, припадая ко святому жертвеннику [алтарю] и ко святей дружине [святому сообществу] сей?*

Ответ: *Желая жития подвижнического*⁸⁰, честный отче.

Что означает слово «подвижнического»? Оно происходит от существительного «подвиг» и глагола «подвизаться»; иными словами, постригаемый желает монашеского жития — упражняться, или «подвизаться», в добродетели.

Вопрос: *Желавши ли сподобитися ангельскому образу и сочетатися [быть причисленным к] в лик монашествующих?*

Ответ: *Ей, Богу содействующу [да, при Божием содействии], честный отче.*

На вопрос, почему Церковь допускает именование монашеского образа ангельским, укажем несколько причин. Во-первых, потому, что Силы Ангельские, будучи бесплотны, соблюдают девство и всецелую непричастность плотским уладам и страстным помыслам. Равным образом истинные монахи, хотя и носят плоть, но всячески ревнуют о том, чтобы чрез совершенный подвиг и боголюбивую брань достичь таковой чистоты ангельской.

Во-вторых, Ангелы день и ночь непрестанным занятием своим имеют славословие

Бога. Сему подражают и монахи, денно и ноцно Его славословящие. Ибо, кроме установленных молитв, боголюбивые иноки непрестанно глаголют в сердце своем: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас, грешных» и так, словно Ангелы, Богу беседуют.

В-третьих, поскольку нет у Ангелов ни гордыни, ни взаимной зависти, ни вражды, но одна лишь любовь великая, смирение и братолюбие, то и верных сему правилу иноков справедливо зовут «равноангельными».

В-четвертых, Ангелы не знают иного попечения и помысла, кроме исполнения воли Божией, в чем должны подражать им и монахи.

В-пятых, боголюбивые деяния, всяческое благородство и прочие ангельские добродетели стремятся приобрести и иноки, для чего, будучи естеством телесны, употребляют свободное произволение и на пути том достигают бесстрастия.

Итак, образ иноческий по достоинству называют ангельским, что выяснится далее и при истолковании символического значения кукуля.

Иерей на вышеприведенный ответ постригаемого глаголет: *Воистинну, добро дело и блаженно избрал еси, но аще и совершиши ё [если только исполнишь его]: добрая бо дела трудом стяжываются [приобретаются] и болезнь исправляются [и тяжкими усилиями достигаются].*

Вопрос: *Не от некия ли нужды или насильства?*

Иными словами: не из корысти ли, не с иной ли какой целью и не по чужому ли принуждению?

Ответ: *Ни, честный отче.*

Вопрос: *Вольною ли твоею мыслию приступавши ко Господу?*

Ответ: *Ей, Богу содействующу, честный отче.*

Вопрос: *Отрицавши ли ся мира и яже в мире, по заповеди Господней?*

Видите ли, что говорится здесь — что отвержение мира происходит по заповеди Господа, рекшего: *если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя*⁸¹.

Ответ: *Ей, Богу содействующу, честный отче.*

Что означает «Богу содействующу»? То, что какие бы добродетели ни стяжал монах, не себе должен их приписывать, но помощи Божией, без которой ничего невозможно достичь.

Вопрос: *Претерпиши ли всякую скорбь и тесноту монашескаго жития Царствия ради Небеснаго?*

Ответ: *Ей, Богу содействующу, честный отче.*

Вопрос: *Сохраниши ли себе в девстве и целомудрии, и благоговении?*

Ответ: *Ей, Богу содействующу, честный отче.*

После сих страшных обетов постригающий начинает святое оглашение. Несмотря на возможность отослать заинтересованных монахов к Святому Евхологию⁸², мы все же приведем его как оно есть, с малыми лишь упрощениями для большей внятности, чтобы они, имея его под рукой, черпали оттуда вещество к воспламенению святого своего желания 5 .

Смотри, чадо, какие обеты приносишь Владыке Христу. Предстоят здесь невидимо Святые Ангелы, записывающие исповедание твое, которое взыщет Господь наш в день

грядущего Суда. Итак, указую тебе (то есть советую и увещаваю) последовать совершенному житию, в котором открывается путь подражания Господу, свидетельствуя (то есть утверждая через свидетельство) о том, чего подобает держаться и чего избегать. Отвержение мира (то есть отречение от него) воистину не иное что есть, как несение креста до смерти. Итак, знай, что от настоящего дня распнешь и умертвишь себя для всех услад мира через совершенное отвержение [их]. От сего дня отвергаешься родителей, братьев, жены, сродников, товарищей, друзей, обязательств [житейских], мирских сует, попечений, приобретений, имений, пустой и суетной славы; и не только вышеназванного отвергаешься, но и собственной души, по слову Господа, рекшего: **Кто хочет по Мне идти, пусть отвергнется себя, возьмет крест свой и последует Мне**⁸³. Итак, если воистину восхотел Ему последовать и желаешь неложно назваться Его учеником, уготовься отныне не к похвалам, не к беспечальному пребыванию, не к наслаждению или иному чему из земных радостей и услад, но к броням духовным, укрощению плоти, очищению души, нищете совершенной, плачу непорочному, всяческому скорбям и трудам радостотворной жизни по Богу. Будешь и жаждущим, и наготующим, и оскорбляемым, и поношаемым, и гонимым, и искушения многие претерпевающим, ибо в таковых испытаниях являет себя жизнь по Богу. И когда все сие претерпеваешь, радуйся, ибо велика будет награда твоя на небесах. Итак, радуйся и веселись, ибо ныне избрал тебя Бог, отлучил от мирской жизни и поставил как пред лицом Своим, в предстояние монашеского чина и в воинство ангельского жития, на высоту небесноподражательного жительствова, чтобы ангельски поклоняться и служить Ему, помышлять и искать горнего, согласно Апостолу: **Наше же жительство — на небесах**⁸⁴. О новое призывание! О дарование таинства! Ныне ты принимаешь, брат, второе Крещение от преизбытка даров Человеколюбца Бога, которыми очищаешься от грехов и сыном света соделываешься, и Сам Христос и Бог наш радуется с Ангелами твоему покаянию, закаляя откормленного тельца. Итак, поступай достойно сего призывания. Наблюдай, чтобы избавиться от пристрастий суетных, возненавидь похоть, к дольному влекущую, все желание свое к небесному устреми. Никогда не озирайся вспять и не будь как жена Лота или пес, пожирающий собственную блевотину, дабы не исполнилось на тебе слово Господне: **никто, возложивший руку свою на плуг и озирающийся назад, не благонадежен для Царствия Божия**⁸⁵. И в самом деле, немалая есть опасность, что ты, пообещав хранить обеты сии, впоследствии, по небрежению или беспечности, опять устремишься в мир и отлучишься духовного отца и подвизающихся с ним братии или, оставаясь в святой обители и [по видимости сохраняя верность] жизни подвижнической, жить станешь нерадиво. Много строже ответит такой на Страшном и нелицеприятном Судище Христовом, и лучше бы ему не обещать, чем нерадиво нарушать обещания, чтобы не исполнилось на нем речение: «Лучше не клясться, чем клясться и не воздать»⁸⁶. И не помысли в себе, что во время малого твоего испытания достаточно поборолся с невидимой силой вражией, но узнай, что от сего дня еще большую борьбу подымеешь для отражения врага. Никогда не сможет он одолеть тебя, ибо застанет огражденным верой духовному отцу и правым во всяком послушании и смирении. Посему пусть удалятся от тебя непослушание, прекословие, гордыня, ревность, зависть, крик, хула, тайноядение, дерзость, любая особая приязнь, болтливость (то есть пустословие и суесловие), спорливость, ропот, нашептывание, приобретение какой-либо вещи в собственность и все иные виды порока, из-за чего грядет гнев Божий на сие совершающих, в ком начинает укореняться ненавистник душ наших демон. Но приобрети вместо сего то, что подобает святым: братолюбие, безмолвие, долготерпение, благоволение, размышление о Божественном Писании, хранение сердца от скверных помыслов, сильное делание, воздержание, терпение до смерти, о чем отцу [духовному] обещание давал прежде, и полное

откровение тайн сердца твоего, как Божественные установления Церкви предписывают. Ибо говорится: крестились, исповедуя грехи свои⁸⁷.

Вопрос: Все, что исповедал с надеждой на силу и благодать Христову, обещаешь ли сохранить до скончания своей жизни?

Ответ: Да, с Божия содействия, честный отче.

Затем иерей глаголет молитву:

Всецелый убо Бог и многомилостивый, пречистым утробы неизследимыя благодати Своим отверзаяй всякому приходящему к Нему, желанием и любовию теплою, рекый: «Аще бы и жена забыла исчадие свое, аз же не забуду тебе», и твое ведый желание, и к предложению [расположению] твоему прилагая яже от Себе силу ко исполнению заповедей Своих, да восприимет, и обьимет, и защитит тя, и будет ти стена тверда от лица вражия, камень терпения, утешения вина [причина], благомощия Податель, благодушия Снискатель, мужества Сподвижник, свозлегая, свостая [с тобою возлегая и восставая], услаждая и веселя сердце твое утешением Святаго Своего Духа, сподобляя тя и части святых и преподобных отец наших Антония, Евфимия, Саввы и иже с ними, и всех святых, с нимиже и наследии Царство Небесное, во Христе Иисусе Господе нашем, Емуже слава и держава, и Царство, и сила, со Отцем и Святым Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Иерей трижды осеняет крестным знаменем главу постригаемого и, обратившись на восток, произносит: Господу помолимся. И молитву:

Сый Владыко Вседержителю, вышний Царю Славы, Иже с живым и ипостасным Твоим Словом и от Тебе исходящим Духом истины, господствуяй всякою теорию, видимою же и невидимою; Боже, седяй на Херувимех и трисвятым гласом от Серафимов воспеваемый непрестанно, Емуже предстоят тысящи тысящ и тмы тем святых Ангел и Архангел воинства. Ты еси Свет, просвещаюй всякаго человека, грядущаго в мир; умоляемь от Святыя Богородицы и Приснодевы Марии и всяя Небесныя Твоя Церкве первенец [Церкви первенствующих] во Иерусалиме! Призри милостивным оком на смирение раба Твоего (имярек), иже возложи и исповеда пред многими свидетели; совокупи дарованному ему от прародителей дару сыноположения и Царствия Твоего Святым Крещением [присоедини к данному ему от прародителей дару усыновления и Царствия Твоего через Святое Крещение⁸⁸] монашеское сие и ангеловидное обещание непоколебимое, совершенное на краесекомом и духовном камени еже в Тя веры; укрепи его в державе крепости Твоя и облецы его во всеоружие Святаго Твоего Духа, яко несть ему брань к крови и плоти, но к началом, ко властем, к миродержителем тмы века сего, к духовом [духам] лукавства. Препояши чресла его силою истины и облецы его в броня правды и радования, и обуи нозе его во уготовление благовествования мира. Умудри его восприяти щит веры, в немже возмозет вся стрелы лукаваго разжжженныя угасити; и шлем спасения прияти, и меч духовный, еже есть глагол Твой. Заступаяй неизглаголанная сердца его воздыхания, сопричти его избранным Твоим, да будет Твой сосуд избранный, сын и наследник Царствия Твоего, сын света и дне, мудрости, правды, освящения, избавления⁸⁹. Сотвори его орган доброгогласен, псалтирь красен Святаго Духа, яко да отсюду по преспеянию совлекся ветхого человека, тлеющаго по сластолюбию прелестника многообразного змия⁹⁰ [чтобы, духовно преуспеваю отныне, совлек с себя ветхого человека, подвергшегося тлению из-за сластолюбия, которое всеял ему оболститель-змей, принимающий разные обличия], облечется в нового Адама, по Богу созданного в преподобии и правде. Утверди его всегда язвы и крест Иисусов носити на теле своем, имиже ему мир распяты и той мирови. Вообрази в нем добродетель истинную водити, а не на угождение человек или на самоугодие [запечатлей в нем способность проводить жизнь истинно добродетельную, а не для человекоугождения или

самоугождения], в терпении благочестие, во благочестии же братолюбие и послушание. Облагодати его бодрствующа, делающа, спяща, встающа во псалмех и пениих и песнех духовных [облагодатствуй его и в бодрствовании, и в трудах, и во время сна, и при восстании от него для псалмов, пения и песнопений духовных] ангельски зрети Тя чистым сердцем и поклоняются Тебе единому живому и истинному Богу, в радость его неизглаголанную. Яко Твое есть Царство, и держава, и власть, и Тебе подобает всякая слава, честь и поклонение Отцу, и Сыну, и Святому Духу, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Затем иерей простирает руку к Святому Евангелию⁹¹ и говорит наставленному:

Се Христос невидимо zde предстоит: виждь, яко никтоже тя принуждает прийти к сему образу; виждь, яко ты от предложения [по внутреннему расположению] хочещи обручения великаго и ангельского образа.

Ответ: *Ей, честный отче, от предложения.*

И после сего уверения глаголет ему иерей:

Возми ножницы, и подаждь ми я [их].

И когда наставленный, взяв ножницы, передаст их настоятелю, иерей забирает их у настоятеля со словами:

Се, от руки Христовы приемлещи я. Виждь, Кому приходиши, Кому обещаваешися и кого отрицаешися.

И по получении ножниц от настоятеля иерей произносит:

Благословен Бог, хотяй всем человеком спастися и в познание истины прийти: Сый благословен во веки веков. Аминь.

После сего постригает наставленного крестообразно, глаголя:

Брат наш (имярек) постригает власы главы своея, во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Рцем [возгласим] о нем: Господи, помилуй!

Но для чего установлено Церковью Христовой пострижение волос? Объясним и это. Пострижение волос и перемена имени установлены не случайно, не всуе, но в ознаменование того, что человек, над которым это совершено, не считается более мирянином (или лАиком), и как воин Христов призван строго блюсти иноческий устав и позабыть все мирские пристрастия, заботясь лишь об одолении и сокрушении мысленного змия. Далее еkkлисиарх⁹², взяв из алтаря, подает иерею первое черное монашеское одеяние, то есть подрясник ⁹³, который тот принимает со словами:

Брат наш (имярек) облачится в ризу⁹⁴ правды и радования, великаго и ангельскаго образа во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Рцем о нем: Господи, помилуй.

И пока новопостриженный облачается, братия поют *Господи, помилуй*.

Почему одеяние сие названо «ризой правды»? — Поскольку «правда» [праведность] означает всякую добродетель, облачаемый в него с молитвой должен подвизаться во всякой добродетели и, взирая на то, во что облачен, утверждаться в плаче о грехах и отвержении мира.

Затем иерей подает ему аналав⁹⁵, то есть многокрестчатую схиму, глаголя:

Брат наш (имярек) приемлет аналав во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, восприемляй крест свой на рамах и последуй Владыце Христу. Рцем о нем.

И поется опять: *Господи, помилуй*.

Усмотрим из слов сих значение аналава. Ибо новопостриженный возлагает его на плечи с намерением нести крест Господень; изображение же на нем не одного, но многих крестов, как бы окружающих отовсюду тело инока, знаменует собой ограждение и укрепление от нападений вражеских и пожеланий греховных.

Далее иерей подает ему пояс кожаный со словами:

Брат наш (имярек) препоясует чресла своя силою истины во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа.

Пояс, препоясующий «силою истины», удостоверяет, что получивший его воистину совершит предлежащее ему поприще духовной борьбы. И как пояс воина есть знак воинского достоинства, так и пояс инока показывает, что чресла его ограждены и уготованы на предстоящую брань.

Затем, подавая ему сандалии, священнослужитель говорит:

Брат наш (имярек) обувается в сандалия во уготовление благовествования мира, во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа.

Сие означает вот что: как исправный воин всегда обут и тщательно завязывает свою обувь для скорого шествия по горам и стремнинам, так и этот воин Христов, уготовляясь на брань с невидимым врагом, должен быть защищен отовсюду.

Затем иерей подает ему паллий великого ангельского образа, или рясу⁹⁶, со словами:

Брат наш (имярек) приемлет паллий великаго и ангельскаго образа во одежду нетления и чистоты, во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Сие означает лишь то, что новопостриженный будет упражняться отныне во всех добродетелях и неуклонно соблюдать обещанное, для чего и дается ему одежда нетления и непорочной чистоты.

Затем, при облачении новопостриженного в кукуль⁹⁷, то есть накамилавник, иерей глаголет:

Брат наш (имярек) облачится в кукуль беззлобья, в шлем спасительного упования, во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа.

Кукуль назван одеянием «беззлобья» и «шлемом», будучи символом Горних Воинств и знаменуя собой крылья Ангелов (на что указывают длинные его края). Ибо и Ангелы закрываются крыльями, воспевая неприступному трисолнечному Божеству небесную Трисвятую песнь.

И наконец, ради Великой мантии, в которую облачают его напоследок, иерей возглашает: *Брат наш (имярек) прият великий ангельский образ во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа.*

И по пении Господи, помилуй, доколе тот облачится, братия поют настоящие тропари четвертого гласа:

Облецытеся в ризу спасения, препояшитесь поясом целомудрия, примите знамение креста; ноги умныя вооружите воздержания оружию [оружием] и обряцете покой душам вашим. Да возрадуется душа моя о Господе, облече бо мя в ризу спасения и одеждею веселия одея мя. Яко на жениха возложи на мя венец, и яко невесту украси мя красотою.

Иерей же произносит следующие молитвы:

Господи Боже наш, верный в обетованиих Твоих, и нераскаянный в дарованиих [не отменяющий дарований] Твоих, и неизреченный в человеколюбии Твоем, призывавый создание Твое званием [призыванием] святым, и приведый раба Твоего (имярек) в духовное Твое житие! Дажь ему живот благообразный, жительство добродетельное и незазорное, да во освящении жительствовав, несквернен соблюдет, в онъже силою Твоею облечеса образ [соблюдет непорочным образ, в который облекся силою Твоей]. И убо ризою в правду одеваясь, поясом же умерщвление тела и целомудрие в себе обнося [всегда нося], кукуль же шлем спасения возложив, аналавом же крестом и верою украшаемь, одеянием [облечением] же в ризу нетления вооружаешь, сандалиями же да наступит на путь мира и спасения, яко да будет страшный супротивным, не емлемь ратными [неодолимым для врагов], всякия сласти и срамныя похоти чуждь; послушанием наказуемь [наставляем], воздержанием проходя, постничества содержа правило, да во псалмех, и пениих, и песнех духовных хвалит всечестное и великопое имя Твое, стопам последуя великаго пророка Илии и святаго пророка Предтечи и

Крестителя Иоанна, яко да достиг [чтобы достигнув] меру совершенства, течение [шествие] скончает, веру соблюдет и облечется нетлением ангельским, и сопричтется святому Твоему стаду, и получит деснаго Твоего предстояния, и услышит блаженный глас: «Придите, благословеннии Отца Моего, наследите уготованное вам Царство от сложения мира». Егоже и нас наследники сподоби быти, Боже, Твоею благодатию. Яко Бог милости, щедрот и человеколюбия еси, и Тебе славу возсылаем, Отцу, и Сыну, и Святому Духу, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

И по возглашении Мир вам и Главы ваша Господеви приклоните иерей произносит конечную молитву, как бы запечатлевающую все преждереченное и утверждающую новопостриженного в монашеском звании:

Господи Боже наш, введи раба Твоего (имярек) в духовный Твой двор и спричти его словесному Твоему стаду, очисти его мудрование от плотских похотей и тщетныя прелести жития сего и даждь ему непрестанно поминати подлежащих благ [дай ему непрестанное памятование о благах, которые подлежат] любящим Тя и распеним себя житию сему Царствия ради Твоего. Ты бо еси Пастырь и Посетитель [блюститель] душ наших, и Тебе славу возсылаем, Отцу, и Сыну, и Святому Духу, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Из вышеприведенных молитв, как и из всего последования ангельского образа, ясно усматривается высота его и цель. И Церковь Христова, показывая всецелую каноничность сего Таинства, окружила его боговдохновенными молитвословиями, благословила дивными песнопениями и особыми прошениями мирной ектении. О том, сколь почитается ею иноческое звание, говорит сам порядок этих прошений. Ибо начав с возглашений Миром Господу помолимся, О свышнем мире и так далее и дойдя до Об архиепископе нашем, Церковь немедленно вслед за тем присовокупляет:

О брате нашем (имярек) и еже от Бога покрова и помощи его, Господу помолимся. О еже непорочно, неосужденно и непреткновенно совершити ему намерение [достичь цели] монашескаго образа, Господу помолимся. О еже просветится души его в воздержании и постничестве, Господу помолимся. О еже изменится [избавиться] ему от всякия мирския похоти и еже по плоти сродников пристрастия [и привязанности к родным по плоти], Господу помолимся. О еже пребыти ему во всяком благочестии, и благоговении, и чистоте, Господу помолимся. О еже отложити ему ветхаго человека и облещися в новаго, по Богу созданнаго, Господу помолимся. О оставлении грехов и прощении согрешений его, и еже быти ему выше мирских мудрований, Господу помолимся. О еже избавитися ему и нам от всякия скорби, гнева, и нужды, Господу помолимся. Заступи, спаси... Пресвятую, Пречистую... И по возгласе Яко свят еси поется Елицы во Христа креститесь, во Христа облекостесь и чтется Апостол к Ефесеянам⁹⁸:

Братие, возмогайте о Господе и Евангелие от Матфея ⁹⁹: Рече Господь: иже любит отца или матерь паче Мене, несть Мене достоин, каковыя чтения имеют самое прямое касательство к монашествующим.

По прочтении Святого Евангелия новопостриженный становится пред Царскими вратами, иерей же вручает ему крест, глаголя: Рече Господь: аще кто хочет последовати Мне, да отвержется себе, и да возмет крест свой, да последует Мне¹⁰⁰.

Дает и свечу зажженную со словами: Рече Господь: тако да возсияет свет ваш пред человеки, яко да видят ваша добрая дела и прославят Отца вашего, Иже на небесех¹⁰¹.

Все это знаменует собой совершенное отречение монаха от мирских дел. А братия в конце Божественной литургии, приступая по старшинству, целуют держимый новопостриженным крест с пожеланием соблюсти обеты и до конца пребыть в подвиге.

Во время целования поется настоящая стихира первого гласа:

Познаим, братие, таинства силу, от грехабо ко отеческому дому востекшаго блуднаго сына преблагий Отец предусрет [заранее встретив] лобзает, и паки Своя славы дарует познание, и тайное горним [непостижимое для Ангельских Сил] совершает веселие, закалая тельца упитанного, да мы достойно жительствуим, заклавшему человеколюбному Отцу и славному Заколению, Спасу душ наших [дабы мы жили достойно принесшего жертву Человеколюбца Отца и славной Жертвы, Спасителя душ наших].

Вот изъяснение или, лучше сказать, раскрытие чина святого и ангельского образа, на пользу всякому боголюбивому монаху, который пожелает к нему обратиться. Сей труд предпринят затем, чтобы внимательно размышляющие о поименованном Таинстве укреплялись духовно, восходили все выше и ближе к Богу.

И поскольку предмет сего размышления — высочайшие истины и обязательства величайшие, полезно нам, монахам, как можно чаще с крайним вниманием и трезвением, приводить на память себе страшные наши обеты. Ибо воспоминание это возбуждает страх Божий и укрепляет к посильному исполнению обещанного. Как не может согрешить посещающий кладбища и тем поддерживающий память о смерти, так не может не обуздывать влечений греховных боголюбивый монах, возбуждающий в себе памятование иноческих обетов и на черные погребальные одежды свои взирающий.

И хотя из ранее приведенных ясных и неопровержимых доводов вполне очевидно, сколь высоко монашеское делание и какие страшные обеты должен исполнять истинный монах, нахожу своевременным, радея о пользе самых усердных, раскрыть самую, так сказать, суть иноческого рода жизни.

Сей род жизни не исчерпывается уставным одеянием и благочестивыми повестями о старцах, как думают некоторые, но утверждён на гранитной скале, основание которой — само Евангелие Христово, имеет высочайшее назначение, и врата адовы не одолеют его!

Имеющий пред очами бесценную вещь, хотя бы и алмаз редчайший, не оценит его по достоинству, если он не специалист и не углубился тщательно, и умом и на деле, в подлинную его ценность. Так и относительно жительства иноческого: никто, хотя бы и величайший мудрец, не сможет без научения делом уразуметь, какая высочайшая сокрыта в нем философия.

И потому, приступая к священному сему и возвышенному роду жизни без главных его условий, то есть истинного самоотвержения и невозвратного мироотречения, равно как и без опытных наставников, нимало не преуспеем. Как пояс и меч не доставят награды воину без победы над врагом, так и облечение в ангельский образ не принесет нам пользы без законного подвига, к коему должен стремиться, соответственно месту и силам, каждый монах.

Но дабы, во-первых, сполна оценить великое достоинство иноческого пути и плоды, принесенные им в Церкви Христовой, и, во-вторых, указать нужное направление избравшим сей путь в наши дни, рассмотрим беспристрастно и непредвзято, в чем преимущества монашеского жительства и какие уроки может оно преподавать.

Да, мирские учебные заведения регулярно знакомят воспитанников с философскими учениями, церковным правом и разного рода научными теориями. Но незнание практической по преимуществу философии не дает учащимся, что называется, обрести полное дыхание и выйти из школы истинными последователями Христа о двух крыльях, каковы деяние и созерцание. А между тем училище монашеской жизни, имея неложными наставниками Самого Христа и преподобных отцов, явило миру богопросвещенных богословов Святой Троицы, великих учителей, исповедников и дивных риторов Церкви, явило, наконец, небесных человек и земных Ангелов, которые, во плоти ходя, бесплотных демонов низложили.

Итак, дело не в том, чтобы облечься в иноческие одежды и заключиться в монастырских стенах или дикой пустыне, а в главной цели монашества, ибо на нее одну взирая, питомцы

иноческого подвига достигают божественных добродетелей, каковые невозможно им было приобрести в мирских условиях. А если кто из просиявших знаменами и чудесами достигал добродетелей сих в миру, то, по обыкновению, уже после того, как подвизался в иноческом делании. Но и другие, явившие себя чудотворцами без удаления в пустыню, телом хотя и были в миру, по духу пребывали всецело ему чуждыми. Ибо они упражнялись в пощении, молитве и всех божественных добродетелях без всякого послабления себе, как сущим в миру, за что и сподобились славы от Бога.

И чтобы показать, сколь велики блага иночества, намного превосходящие блага мирские, предложим беспристрастное сопоставление жития мирского и монашеского. Поступая так, мы нимало не намерены первое осуждать (сего да не будет!) или второе превозносить, но обозначим лишь свойства обоих.

О пребывающих в миру, но из благочестия и ревности ко спасению исполняющих и хранящих заповеди Святого Евангелия, скажем, что такие творцы воли Божией услышат: *добрый раб и верный, войди в радость Господина своего!*¹⁰² — и ничто большее с них взыщется. С инока же взыщется много, ибо он, избрав уединенное жительство, добровольно отвергся мира, чтобы неложно последовать Господу нашему Иисусу Христу. И поскольку жительство это избрано свободно, без понуждения, то и ответ за него несравненно строже, и венцы с наградами больше, чем у мирян.

А что главное преимущество иноческого пребывания прямо восходит к заповедям Святого Евангелия, видим из притчи о богатом юноше. Он, вопросив Господа нашего Иисуса Христа, какое благо сотворить ради жизни вечной, и услышав в ответ: *соблуди заповеди, и спасешься*¹⁰³, возразил: *все это сохранил я от юности моей; чего еще не достаёт мне?*¹⁰⁴. Иисус же сказал: *если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за Мною!*¹⁰⁵.

Вот идеал совершенства, которому должен следовать монах, всецело отвергшийся мира, и не может следовать мирянин, связанный супружеством, детьми и множеством попечений житейских. Итак, ясно, что свобода от мирских тревог и забот, обретаемая иноком вместе с самоотречением ради следования Господу, обязывает его неуклонно блюсти заповеди, день и ночь пребывать в молитве, пощении, бдении и душеполезном чтении, уготовляться на борьбу со страстями и на отражение стрел мысленного змия — дьявола. Посему пребывающий в истине и осмысленно проходящий сие училище иноческого воспитания всегда внимает себе, желая не только победить страсти, но и корни их исторгнуть, на что у большинства живущих в миру недостает времени и сил.

Чтобы противодействовать душевным и телесным страстям, инок должен упражняться в безмолвии и отвержении земного, научаясь обоим вещам у боговидных отцов Церкви и наиопытнейших в том аскетов. А благодаря искушениям и сам узнает на опыте, что лстивый сатана не все страсти в человеках возбуждает разом, но, сообразуясь с возрастом, занятием и силой каждого и выбирая подходящее время, приводит в действие надлежащую. Прикровенно говорит о том и пророк Давид: *на пути сем, по немуже хождах, скрыта сеть мне*¹⁰⁶, под путем разумея жизнь, а под *сетью* — различные козни лукавого.

И во-первых, всеивает враг в душу человека тайное самомнение, то есть непомерно высокое о себе понятие, а потом и себялюбие, и часто одно предваряет другое. В умы легковверных и невнимательных (если не сказать: безумных) самомнение зароняет мысль, будто и они нечто значат и если какое добро сотворили, так это лишь их заслуга. То же пишет и блаженный Феодорит: «Ветру свойственно прах земной на воздух взметать, а самомнению — людей пустых»¹⁰⁷. Самомнение — страсть столь тонкая, что и уязвленным ею неприметна она без

тщательного рассмотрения. Зарождается же оно от себялюбия¹⁰⁸, то есть от неразумной и бесчинной самоприязни, о чем и у богоносного Максима Исповедника говорится: «Себялюбие есть начало всех страстей, а конец их — гордыня¹⁰⁹; отсекий его отсек и все происходящие отсюда страсти» ([Главы о любви] 3-я сотница, гл. 57). И у того же отца несколько выше: «Самолюбие <...> является причиной всех страстных помыслов. От него рождаются три главных помысла: помысел чревоугодия, помысел сребролюбия и помысел тщеславия»¹¹⁰ ([Главы о любви] 3-я сотница, гл. 56).

Наученный всему этому инок, легко избежав прельщений десных и шуих¹¹¹, достигнет победы над врагом, тогда как чуждые сих боголюбивых изысканий люди мирские без труда уловляются сетью врага, исключая, понятно, тех, кто и в миру проводят жизнь иноческую.

Истинность сего обнаруживается из самого существа дела, ибо, по слову святого Максима Исповедника, «достижения мирских людей суть падение для монахов»¹¹². И это тем очевиднее, что у мирян в обычае кичиться своей славой, богатством, благополучием; монахи же сих вещей чураются как чуждых самой цели иноческого служения. У мирян ставятся всем в пример победители соперников, отмстители обидчикам или те, кто достиг власти подкупом и угрозами; монахам же подобные дела исходатайствуют лишь осуждение, а слава их в противном: имея законное право и силу отомстить, понести вместо сего немощь, неприязнь и прямую злобу недруга, дабы всемерной кротостью и снисхождением приобрести его¹¹³, не воздавая злом за зло.

Итак, видим, что иноческое жительство изгоняет самолюбие и мерзкое самомнение, ибо законно подвизающиеся в нем упражняются в бдении, пощении, многообразных подвигах и блаженном послушании. Мир же обильно насаждает в чадах своих себялюбие и тщеславие. То и другое незаметно усваивается ими через родителей и дурные обычаи.

Ибо детей, вместо воспитания их в духе Христовом и приучения, по примеру прежних боголюбцев, к посту и молитве (поначалу хранением среды, пятницы и всей Великой Четыредесятницы), сызмальства окружают роскошью, негой и всевозможными излишествами, прививая привычку внимать лишь страстям своим.

А между тем с детства наставленные в должном воздержании и страхе Божиим будут облагодатствованы Богом, явят себя мужами славными и премудрыми, как три отрока и пророк Даниил в Ветхом Завете, а во времена христианские — великие учителя Василий Великий, Григорий Богослов, Иоанн Златоуст, воспитанные благочестивыми родителями и соделавшиеся сосудами Духа Святого.

Итак, если старшие сами исполнены христианских чувств и чад своих воспитывают в правилах благочестия и воздержания, то, и в миру находясь, сберегут души их от окаянного себялюбия, которое влечет человеческий род на широкую стезю самоугождения, приводя к истощению душевно-телесных сил и конечной гибели.

Страсти самомнения и тщеславия неприметно, подобно болезнетворной инфекции, усваиваются и через навыки самих детей, возлюбивших мир, то есть наряды, лесть, первенство над сверстниками, а по окончании курса наук — успех и видное положение в обществе. Во всем том движет ими попечение не о душе, но о внешнем человеке. Воспитанных в подобном духе влекут наружный блеск, выгодное супружество, театр, синематограф и иные увеселения. И вот, имея время позаботиться о душе и должном ее украшении, христиане все более уклоняются на ложный путь к краю бездны.

Наученные же от юности евангельским блаженствам, то есть блаженному смирению, по слову: *Блаженны нищие духом, блаженны кроткие*¹¹⁴ и тому, что узок и скорбен путь, ведущий в жизнь¹¹⁵, — а этому сполна научают Святое Евангелие и жительство иноческое, — в

большинстве своем, если не сказать все, вовек не оставят поста и молитвы, а значит, и падений нравственных избегнут, от которых и богопротивные страсти, и всяческое растление. Напомним, что мы имели целью не осуждение христиан, в миру пребывающих, как и не восхваление монахов, но указание отличий, каждому роду жизни присущих. Ибо если миряне, обремененные множеством забот и обязанностей, лишь изредка и с великим трудом находят узкий и прискорбный путь, то свободные от сего бремени иноки к поприщу своему приступают налегке и потому большего осуждения заслуживают, если не подвизаются сообразно с целью его.

Помимо названных преимуществ, коими украшено иноческое жительство, монахи преподают нам важнейший пример постоянного внимания к тричастному устройству души, а именно к разумной, раздражительной и пожелательной ее силам, или способностям. Не внимающие сему монахи — как превозносящиеся духовными познаниями и подвигами, так и едва вступившие на путь иночества — подобны бывают плывущим во тьме и (о горе!) разбивающимся о подводные рифы.

И дабы уяснить основные элементы тричастного сего устройства и то, какая добродетель какой душевной способности сродна или чужда, рассмотрим вкратце назначение и характер каждой. Говоря «тричастное», не рассекаем душу нагрое, ибо она неделима и проста, но вслед за отцами различаем три силы (способности), в которых находит проявление умная и словесная ее природа и обнаруживается расположение человека, доброе или греховное.

Итак, разумная часть, или способность, души, называемая отцами также *господственной или первенствующей*, наделена от Бога следующими добродетелями: благоразумием, верой (каковая есть врожденное некое благо), смирением, благочестием и противлением хульным помыслам. Против всех сих окаянный демон, супостат душ наших, вооружается через дух самомнения, действующий в неразумных и всеивающий им всевозможные хульные помыслы, суемудренное желание до конца постичь тайны Откровения и пути Бога Вышнего. Отчего и впадают те, влекомые потоком эгоизма и себялюбия, в различные ереси и учения нелепые.

А ведомые твердой волей, истинным благоразумием и должным смирением достоинство души своей от ядовитых помыслов невредимым соблюдают, шествуют неуклонно, разумными заслуженно именуются, будучи и на деле таковы.

Раздражительная способность, наблюдаемая и у совершенных, дана от Бога, чтобы испытывать ненависть к самому диаволу, страстям и заблуждениям, но отнюдь не к ближнему или любому собрату по человечеству, хотя бы те и тысячекратно нам досадили.

Ожидая такой победы нашей и желая явить нас победителями, Богочеловек Иисус наказал: *любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас, да будете сынами Отца вашего Небесного, ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных. Ибо если вы будете любить любящих вас, какая вам награда? Не то же ли делают и мытари?* ([Мф. 5:44-46](#)).

Можно ли яснее сказать об одолении врага и хранении раздражительной части души?

Равным образом дана душе часть *пожелательная*, чтобы алкать небесных благ, возвышать ум к «божественному желанию» и к горнему востекать. Но ненавистник добра через обольщение покушается уклонить пожелательную силу души в безрассудные порывы, развратные вожделения и богомерзкие дела. И увы! Не внимая себе, отрясают люди богообразие и богоподобие свое, уподобляются скотам бессловесным и, соделавшись хуже тех, повинны бывают вечному мучению.

Но неукоснительно следуя евангельским законоположениям, жительство иноческое всякого усердного монаха обязывает постоянно и неленостно обзирать сию тричастность души в

заботе об отражении вражеских козней и очищении ее должным хранением заповедей от всякого злоторного недуга. Посему инок, блюдуший разумную часть души, приобретает, наряду с безмолвием, зоркость духовную и постоянно себя испытует: не подвергся ли он действию тайной страсти самомнения? не впал ли, ревнуя о многовѣдении, в некое вредное новшество? не принял ли хульного помысла об Откровении Божиим и догматах веры? не провел ли день без боголюбивых дел? Не надмевался ли? не говорил, не писал и не учил ли чему, ища славы себе, а не Богу? Не осудил ли кого как грешника, самого себя почитая праведным и добродетельным? И если на что из сего покусился,— ибо безгреховность, по святому Григорию Богослову, лишь Богу одному свойственна,— то в печали и слезах да молит Его о прощении и впредь остерегается впасть в те же сети и состояние противоразумное.

Назирающий раздражительную часть души старается и ближнему своему все отпускать, хотя бы и седмижды семьдесят раз против него согрешившему. И даже законное право имея гневаться на него, скажет в себе: *«Ради любви Христа моего не отвергнусь любви, но последую речениям царя и пророка Давида: Онемех и смирился, и умолчах от благ¹¹⁶ и: Уготовихся и не смутихся¹¹⁷; поступаю же так, буду кроток и тих, как истинный друг Христов».* На таком почит Дух Святой, обретающий вход в сердце его, по слову Писания: ***И на кого воззрю, токмо на кроткаго и молчаливаго и трепещущаго словес Моих?¹¹⁸***.

А переходя к пожелательной силе души, что видим? Сам мысленный змий, злоумышляя против небесного ее достоинства и предназначенности к горнему восхождению (ибо ожидает душу небесное шествие), вместо пожелания горних благ всеивает сюда жажду низменных наслаждений, мимолетной славы и скоротекущего богатства и, что всего хуже,— желание сатанинское. И дабы достичь своего, сколько уловок употребил сей многокозненный и скольких низверг в бездны греха!

Но если трезвящийся инок, зная об этом, блюдет пожелательную способность души, то, распознав корень возникающих у него влечений греховных и помыслов скверных или заметив в себе удобопреклонность к созерцаниям, надмевающим ум, немедленно отсечет первопричину и так, прежде чем возник прилог, предвосхитит победу противлением и молитвой.

Каковы первые прилоги вселукавого змия?

Это исполненные яда младенцы вавилонские¹¹⁹, что, не внушая поначалу опасения, располагают к беседе с собой, но вскоре вырастают в исполинов, склоняя принявших их к бесчисленным безумствам и делам нечестия.

Поэтому главное оружие, убивающее и искореняющее сих «младенцев» (то есть лукавые помыслы при самом их зарождении),— немедленное прогнание молитвой Иисусовой¹²⁰ и совершенное к ним презрение. Но зная, что у лукавого много приемов, которыми он прельстил и доньше прельщает многих, обратимся ради укрепления подвигающихся и ограждения беззащитных к урокам победителей страстей и обольщений диавольских — к святым отцам.

Одна из тончайших уловок демона сладострастия употребляется им против невнимательных иноков, испытывающих расположение к юным. Сей юный или юная, видя такого-то инока радеющим о спасении их, желают, как новоначальные, и наставлениями его пользоваться, для чего учащают свои посещения. Инок же тот, не распознав вражия умысла, приступает к наставничеству и стремится доставить всяческую пользу вопрошающим. Общение их производит вскоре обоюдную приязнь и «духовную» с виду любовь, отчего неприметно для обеих сторон возникает одно из трех зол, описанных **Григорием Богословом** и **Василием Великим**: «Обретающийся с женою или юным впадет в одну из трех страстей: либо в сладострастие души, либо в пристрастность ума, что зовется слепым влечением, либо в страстное разжжение телесное»¹²¹.

Но откуда уразумеет рассудительный инок, что приязнь сия — заведомая добыча сети вражией? Из того, что либо в себе ощутит нетерпеливое желание видеть благочестивого совопросника и давать советы, либо в нем заметит искание новых встреч под предлогом бесед о молитве, душеполезном чтении и тому подобном. Итак, ясно, что приязнь эта — воистину сатанинская и надлежит стараться о скорейшем ее исторжении, зная, что чистая любовь с пристрастием не смешана. Приучаясь так блюсти страсти души, питомцы сего училища иноческой ревности бывают недостижимы для дьявольских сетей и большими любомудрами, чем сами философы.

И вот что говорят об этом аскеты и Церкви наставники Каллист и Игнатий Ксанфопулы: «Раздражительную силу души обуздывай любовью, пожелательную — воздержанием угадай, разумную же окрыляй молитвою, и свет ума твоего не омрачится вовеки. Узда для раздражения — благовременное безмолвие, для похотения же бессловесного — пища с воздержанием». И далее: «Три суть добродетели, которые во всякое время доставляют свет уму: не примечать зла ни в ком из людей, переносить невзгоды без смущения и благотворить причиняющим зло. От трех названных добродетелей происходят другие три, большие сих: непримечание человеческого зла порождает любовь, благодушное терпение невзгод производит кротость, а благотворение злотворящим созидает мир. И опять, три нравственных состояния главнейшие у монахов: первое — ни в чем не погрешать делом, второе — не оставлять без внимания страстных помыслов в душе, и третье — бесстрастно созерцать в уме лики жен и причинивших печаль». Таковы уроки истинного иночества, в которых всякий приступающий к ним с искренним расположением, не для научения других, но ради соблюдения обетов монашеских и смиренного познания себя, без всякого знакомства с внешней философией обретает бесценный бисер и небесным любомудрием венчается. То же видим из самого существа дела и из истории церковной, где монашество явило без числа мужей небошественных и боговидных, и наряду с многокнижными такими, кто внешней мудрости вовсе был чужд.

Для совершеннейшего разъяснения сей истины и защиты ее от позитивистов и рационалистов, которые отвергают эти преестественные достижения как выдумки и домыслы прельщенных монахов, прибавим следующее. Поскольку настоящее рассуждение имеет в виду высоту и, главным образом, суть монашеского жительствова, то мы весьма погрешим, не изблещив всю ложность подобной хулы. К этому побуждает нас необходимость, во-первых, ободрить верных, наипаче же питомцев иноческого жительствова, и, во-вторых, дать отпор хулителям иноческого делания.

Собрав воедино истины, почерпнутые у сих боговидных отцов, хочу предложить напоследок своего рода урок некоей высшей науки¹²², которую не могут уразуметь позитивисты и философы мира сего. Не могут же оттого, что, желая проникнуть в вышеестественную сию науку силою падшего разума, находят ее совершенно несовместимой с требованиями «здорового рассудка». Но если б познали, что «идеже хочет Бог, побеждается естества чин»¹²³, то благоговейно склонились бы пред волей

Вышнего, которая и в Ветхом, и в Новом Завете являла угодников своих мужами великими, дивными наставниками и чудотворцами ради их достоинства, превосходящего человеческое естество.

Чтобы уяснить исключительное достоинство сих святых и то, как сподобились они преестественных дарований Духа Святого, исследуем со всяким благоговением, чего ради столь почтены они Преплагим Богом и почему потратившие жизнь на изучение не только богословия, но и философии и вообще внешней премудрости остаются, напротив, без дара видения (то есть прозорливости) и действия чудес, коими обогатил Бог пророков, апостолов, а с ними и великий сонм ревнителей иночества.

Разрешение сей апории¹²⁴ мы отыщем лишь тогда, когда освоимся с учением¹²⁵, лучше всего раскрывающем суть истины. Что же это за учение и что за причины побудили Всеблагого Бога и Спасителя нашего явить столь несомненное промышление и расположение Свое на [избранных] мужах обоих Заветов, наделив их таковыми дарованиями? Свидетельство об этом приносит Сам Творец неба и земли, Препоблагой Бог, Чья любовь преклоняет собственное Его правосудие сполна воздать возлюбившим Бога всей душой и всем сердцем, по слову Писания: *Мне же зело честни быша друзи Твои, Боже*¹²⁶. Ибо премного возлюбившие Бога и сами без меры возлюблены Им.

Но дабы учение то разъяснилось вполне, прибавим следующее. Все мы, питомцы Православной Церкви Христовой, веруем и исповедуем, что Творец и Зиждитель вселенной и рода человеческого — Сам Всеблагий Бог, премудро приведший мир к бытию и подчинивший его Своему промышлению. И, научаемые от Него, видим, что бытие тварного мира продолжается при исполнении всяким созданием данного ему послушания в гармонии [с остальным], в неизреченном повиновении [Творцу], с такой дивной согласованностью и строжайшей неуклонностью, что существу разумному впору лишь изумляться бессловесной твари, крепко хранящей предназначения Божий и пути, ей назначенные. Созерцая это, боговдохновенный пророк Давид восклицает: *Яко возвеличишася дела Твоя, Господи, вся премудростию сотворил еси*¹²⁷.

Исповедуем также, что Творец и Зиждитель человека — Сам Бог. И что при этом видим? — Что Бог наделил [Адама](#) всеми сверхъестественными дарованиями, в том числе мудростью (и притом не мудростью павшего естества, но высшей и дивной), богатством ведения, благородством, рассудительностью и бесстрашием — словом, всеми дарами Духа Святого. Но увы! Преслушанием заповеди человек погубил все дары и, изгнанный из рая, вынужден был заняться измышлением всевозможных навыков, двигаясь путями «прогресса», коими и донныне бредет человечество.

И хотя Адам, как и [Ева](#), создан совершенным, видим, что род человеческий подпал тем законам естества, какие Бог ввел по преслушании прародителей. Оттого и бытие человека начинается с младенчества; и хотя младенец по всему, а значит и по душе, совершенен, силы и способности душевные раскрываются в нем лишь по мере телесного роста. И без должного воспитания и обучения не раскрыться младенцу в своем достоинстве разумного существа, почему и даны от Бога школы, университеты и попечение родителей о воспитании чад.

Однако беспредельное милосердие Божие многоразличными способами — то через писанный закон и верующую совесть, то через пример и наставление в разное время являвшихся святых мужей и пророков, но более всего через заповеди Святого Евангелия — неустанно содействует духовному воспитанию человека. И лишь ленивые и небрежущие о нем не могут последовать спасительным заповедям евангельским, которые показывают возлюбивших Христа небесными человеками и земными Ангелами.

Цель всего сказанного — во-первых, обозначить «естественную» колею, которой движется человеческий род, и, во-вторых, напомнить, что свойство добродетельных — не расточать достояние, принадлежащее им как разумным созданиям Божиим, но возрастать в нем на пользу себе и обществу; расточители же его в погибели своей сами повинны. Так, посещающие мирскую школу и получающие доброе воспитание восхваляются как благоразумные и достойные назначения человека. Избравшие же наставником, по великой их любви к Богу и Евангелию, Самого Господа и Спасителя нашего Иисуса Христа, хотя бы и некнижными были, все равно окажутся превыше [всякой] философии и обладателями дарований, о которых наученные внешней мудрости и помыслить не могут.

Наиболее ясно видим то у праотцов и пророков, а за ними — у ближайших учеников и

иных истинных последователей Христа.

Первым назовем патриарха Авраама. Сей, хотя и не ведал ни ветхого, ни евангельского закона, душу свою сохранил нерастленной, за что и просвещен был от Бога, Которого познал как Творца всяческих. Оттого-то и вера его вменилась ему в праведность, и другом Божиим сподобился стать, и обетование получить: *благословятся о семени твоём еси языцы земни*¹²⁸.

Укажем, во-вторых, на многострадального угодника Божия Иова — совершенный образ всякой добродетели. Превосходя богатством всех в стране Авситидийской¹²⁹, муж сей нимало не повредил тем душе своей, ибо снедала его любовь к Богу¹³⁰. Потому и страшные испытания, которые претерпел, пожираемый червями и уязвляемый нападками врага, не подвигли его на ропот и богохульство. Тело праведника гнило заживо и невыносимо смердело, душа же оставалась светлее солнца, имея Насельником Самого Бога. И, просвещаемый свыше, сподобился он сверхъестественных созерцаний и откровений. А взирая на жизнь и деяния пророка Божия и царя Давида, что видим? Безвестного пастуха, который внезапно на царство помазуется, над многочисленным народом получает власть, безмерные тяготы и заботы подъемлет. И притом являет себя молитвы ревнителем, седмикратно день и ночь Господа славословящим, строгим блюстителем заповедей Его... Кроткий и смиренный, чуждый гордыни и злопамятства, часто пребывает он в горах и, невзирая на царский сан, предается посту и бдению. Добродетельный и боголюбивый Давид сам возлюблен был Богом и вдохновлен от Него на составление Псалтири — книги, заключающей в себе все деятельное и созерцательное богословие. В ней находим преестественные откровения и основы учения о мироздании. Ищущий обретет здесь похвалу божественным добродетелям и обличение всех кознодейств лукавого. Священная сия книга научает нас, в чем полагать благо души и тела и как сетей льстивого змия избежать. Говоря вкратце, Псалтирь есть живительный источник, предвещающий Святое Евангелие, дабы сделать всех имеющих уверовать во Христа чуткими и удобовосприимчивыми к законоположениям евангельским. Сколь велико значение священной Псалтири, усматриваем из самого места, какое отвела ей Церковь Христова, почерпнувшая оттуда тексты для всех своих чинопоследований и прибегающая к ней ежедневно.

Итак, какая наука и какая академия научили пророка и царя сложить преестественную сию книгу, запечатлевшую все видения и откровения его? Но всякому известно, что составлена она без малейшего посредства пораженной грехом «естественной» мудрости или учения человеческого. Будь Псалтирь детищем земного мудрования, мудрецы последующих времен создали бы нечто превосходнейшее. Но она внушена Самосущей Премудростью — Самим Богом, Который в ответ на веру, любовь и верность Давидову открыл ему преестественные те учения.

Ибо таково свойство Всеблагото Бога: видя душу очищенную и чуждую порока, обретя человека, возлюбившего Его всей душой и всем существом своим, вселиться в чистое сердце, по слову Евангелия: *Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят*¹³¹. И человек тот, ученый и некнижный, богатый и нищий, знатный и простолюдин, непременно получит «диплом» небесной премудрости и, наученный Самим Богом, соделается доброгласной псалтирью Духа Святого.

В мирских училищах в следующие классы переводятся и успевающими считаются более способные и вовремя вносящие плату за обучение, прочие же исключению подлежат. Но из училища Божия не исключается ни один. Всякому пришедшему сюда, какого бы звания ни был, довольно уверовать всей душой, возлюбить Бога и неуклонно блюсти заповеди Его, чтобы сообразно понесенным трудам получить «диплом» — дарования Божии. И такие-то — пророки и праведники обоих заветов, что просияли как светильники немеркнущие и столпы богословия деятельного, стяжав благодать чудес и тайнозрений, — такие-то и получили «диплом» от Самого

Христа, ибо премного возлюбили и всего отверглись, не исключая собственной души. Сей урок сполна преподал нам Спаситель, придя в мир и обещая оставившим все ради Него *дать уста и премудрость, которой не возмогут противоречить ни противостоять все противящиеся*¹³².

Вспомняв святых апостолов, которые, будучи простецами и некнижными, деянием и созерцанием явились превыше всех мудрецов мира, обратим взор к тем, кто подвизался в горах и пещерах¹³³, сияя премудростью духовной, знамениями и чудесами. Всего Христа ради отвергшись, избрав непроходимую пустыню и тесный путь воздержания, скорбей, изнурения плоти, сподобились и они даров Духа Святого, коих весь мир *не был достоин*¹³⁴.

И видим, что неиссякаемая любовь Божия подает их не одним пастырям и учителям, которые ближних своих явно облагодетельствовали, но и тем, кто [тайно] подвизался во внутренней пустыне. На таковых еще большую замечаем любовь и благоволение Господне, ибо благодати Его свойственно с избытком воздавать душе, до конца возлюбившей Бога и одного лишь желающей — пребыть странницей в мире и до конца верной Ему. И всего лучше говорит о том пример преподобных Павла Фивейского и Онуфрия Великого, которые, несмотря на совершенное уединение, превзошли святостью многих величайших подвижников. Равным образом и святой Алексей человек Божий, всегда безмолвствуя и лишь Богу собеседуя в пощении и молитвах, из любви к Нему различные унижения от собственных домочадцев терпя и крепко противясь диаволу, явился выше всех, и был глас Божий к народу, дабы позаботились обрести его прежде кончины как могущего сотворить молитву о граде и людях.

А что скажем о преподобной Марии Египетской? Некогда орудие диавола, она по обращении полностью предала себя Богу, претерпев ради Него все ужасы пустыни, и пришла в такую меру святости, что прославленный «деянием и видением» авва Зосима видится рядом с нею как муравей пред львом.

Все это ясно указывает нам, в какие души вселяется Бог и сколь угодно Ему иноческое жительство ради преподобных угодников, от века предустановленных на пользу христиан.

Не смея и взирать на сих земных Ангелов и небесных человеков, постараемся хотя бы смирить себя, как подобает приступающим и новоначальным, дабы изо всех сил держаться священных обетов ангельского нашего образа. И человеколюбнейший Спаситель, видя таковое смирение и труд, дарует нам совершенное спасение.

Не желая оставлять свою попытку незавершенной и ревнуя о пользе усердного читателя, полагаю уместным еще одно наставление, весьма важное для желающих знать, каких добродетелей последовательно достигали святые отцы, восходя в духовную сию меру.

Твердо сознаю, что подобные наставления — дело тех, кто сами «деянием и видением» достигли таковой меры; мы же, пресмыкающиеся во прахе и земные (из коих первый — я сам), недостойны и приступать к ним, дабы не услышать: *Грешнику же рече Бог: вскую ты поведавши оправдания Моя и восприемлеши завет Мой усты твоими?*¹³⁵. Но в дерзновенном уповании на молитвы святых потщимся, ничего от себя не прилагая, передать лишь то, чему научились от них.

Итак, все законно подвизавшиеся достигали сперва нищеты духа со многою верой, то есть блаженного смирения. Затем, при посредстве смирения и подобающего терпения, приобретали они блаженный плач, который подается смиренномудрым и умоляющим Бога о милости. Далее прилагалась им кротость, по слову: *Блаженны кроткие*¹³⁶. По достижении и этой добродетели, не ведающей, что значит судить или осуждать ближнего, являлось огненное желание прочно утвердиться в четвертом блаженстве, ибо *блаженны алчущие и жаждущие правды*¹³⁷, — иначе говоря, приобрести всяческую добродетель. А по исполнении и сего наступает черед блаженства пятого: *Блаженны милостивые, ибо они помилованы*

будут¹³⁸. Но так как, по слову святого Златоуста, «есть много различных видов милосердия, и заповедь эта обширна»¹³⁹, инок же через совершенное отвержение мира заповедь эту еще прежде всеусердно исполнил (ибо оставил, что имел), то и верен ей остается он лишь по мере хранения обетов монашеских, послушания, к ближнему любви, больных посещения и других добродетелей на пользу недугующей душе.

И тогда настает время очищения сердца, по слову: Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят¹⁴⁰. Узрение Бога не иное что есть, как упокоение в очищенном сердце Духа Святого, то есть Самого Бога, рекшего: **Вселюсь в них и буду ходить в них**¹⁴¹.

Но состояние это предваряют три вещи, из коих первая именуется благодатью просвещающей, другая — благодатью очищающей и третья — благодатью совершительной. И если просвещающая и очищающая благодать предваряет очищение сердца, то благодать совершительная последует ему. И если просвещающая благодать просвещает ум подвижника к уразумению сути не только тварных вещей и смыслов, но и самой истины (что открывается лишь угодникам Божиим), то благодать очищающая стирает всю скверну, все страсти и заблуждения ветхого человека, после чего в чистом сердце подвижника зрится Сам Бог.

Благодать совершительная приходит по очищении сердца. Но тогда «престают» уже сами заповеди и, с упразднением в человеке того, что было «по образу» Божию, начинает действовать ставшее в нем «по подобию» Его, чтобы соделать облагодатствованного вместилищем Божественных озарений, то есть наделить его преестественными дарами чудотворения, видения (или прозорливости) и бесстрастия — состоянием, какого достигли стяжавшие их святые.

Такова в общем виде умопредставляемая лестница, которую законоположил Всеблагой Бог. И восходящий по ней неуклонно и с благим рассуждением соделывается богом по благодати, для людей душевных непостижимым.

Из сказанного ясно, что монашеское жительство — не собрание отвлеченных идей, не род безумного учения, но восхождение к небесному состоянию при богопросвещенном руководстве и подвиге с рассуждением. И блажен монах, внимательно проходящий сие училище и всякий день размышляющий над своими обетами. Такой если и не возможет достичь совершенства, до конца победить все немощи и заблуждения, избегнет все же действия страстей, а через самоукорение и смиренное познание себя сподобится утешения от Бога.

Писано в Катунках на Святой Горе 14 января 1924 года. Малейший в монахах Даниил

Послание об уставе монашеского общежития, писанное по настоянию Высокопреосвященнейшего митрополита Пентапольского господина Нектария (Кефаласа) инокиням его на Эгине

Святой игуменнии госпоже Ксении и ее во Христе сестричеству

Полное воссоздание святой обители вашей и строго общежительный ее порядок, учрежденный неусыпным попечением и покровительством Высокопреосвященнейшего Владыки нашего господина Нектария, с известных пор исполняют смиренную мою душу радостью, которую невозможно передать чернилами и тростью.

Чья, спрошу я, боголюбивая душа не подивится и не прославит Всеблагото Бога, видя в нынешнем охладевшем к иноческому подвигу поколении сонм божественных дев, подвизающихся в стяжании добродетелей и ангельском житии?

Если сравнить древние времена, в которые благая ревность христиан воздвигла множество святых обителей, с нынешними, когда подобная ревность о спасении, увы, иссякла, то какой награды удостоитесь вы от Спасителя нашего Иисуса Христа, показав приличное горнему сему поприщу и сообразное с ним жительство?

Пребывая в толикой духовной радости, я, смиренный ваш послушник, в письме своем почел всенепременным долгом передать Высокопреосвященнейшему вашему, как и моему, духовному отцу и Владыке приветствие и пожелание здравия, желая и Вам преуспеть во всяческих боговидных добродетелях, каких достигают на пути ангельского сего жительства все неложно в нем подвизающиеся.

Между тем в ответном своем письме Его Высокопреосвященство побудил меня — не знаю уж, по какой причине — написать духовное увещание, могущее укрепить вас, духовных его чад, на стезе горнего восхождения, которую вы избрали.

И, конечно, не мне, невежде, в слове и деле не преуспевшему, предлагать советы и наставления боголюбивым девам, кои пребывают под неложным и попечительнейшим руководством отца, известного божественной мудростью и благодатными дарованиями, и посему не имеют нужды в иных наставниках, тем паче столь ничтожных и недостойных, как моя худость. Но наученный от преподобных и богоносных отцов Церкви нелицемерно и сверх сил повиноваться начальствующим, а вместе с тем опасаясь и пагубы преслушания, поспешаю, убежденный просьбою отца вашего, изложить то малое, что усвоил из длительного общения с многоопытными духовниками и что, без сомнения, известно и вам благодаря постоянному и внимательному чтению.

Относительно же порядка общежительного пребывания твердо уповаю, что он соблюдается у вас в непреложном согласии с уставом Церкви. Но поскольку исполнение его затруднено многообразными кознями лукавого сатаны, позаботимся дать на сей счет некоторые разъяснения.

Однако еще до обличения сих козней нахожу полезным указать сперва главные добродетели, приобретаемые общежительным пребыванием, и затем уже описать уловки, к которым успешно прибегает враг душ наших ради прельщения дев, подвизающихся в святых обителях.

Как доподлинно известно всем избравшим совершенное сие и боговидное жительство, добродетели, бывающие от соблюдения заповедей Спасителя нашего Иисуса Христа, но не сопутствуемые блаженствами Святого Евангелия, не только с благой и всесвятой волей Божией

не согласны, но и для тех, кто самочинно приступил к такому подвигу, душепагубны.

Ведая о том, богоносные отцы Церкви возложили на монашествующих блаженное послушание, сопутствующее нищете духа, сиречь первому блаженству. Итак, иноку или инокине, желающим непреткновенно восходить по лестнице добродетелей, подобает, во-первых, заключить в объятия нищету духа, или смирение, с корнем исторгнуть желания и мнения свои и так, через блаженное сие послушание, приобрести впоследствии и другие блаженства, из прочих добродетелей составляемые.

Но намереваясь достичь подобающего послушания, каждая сестра по оставлении мира обязана без рассуждения повиноваться всем повелениям игумении, а также открывать, ничего не утаивая, помыслы, дела и намерения свои. И те помыслы, что настоятельницей и отцом духовным сочтены благими и спасительными, да принимаются и новоначальной; те же, что имеют вид благих, но настоятельницей осуждаются, подлежат совершенному с твердой верой оставлению, ибо у диавола в обычае прельщать новоначальных помышлениями по видимости благовидными.

И дабы обезопасить себя от сих сетей, всем инокиням надлежит иметь в уме пять наставлений об истинном послушании, какие предлагают святые отцы, в частности же Каллист и Игнатий Ксанфопулы. А они гласят: «Пребывающим в истинном послушании подобает, как нам кажется, блюсти со всей непреложностью пять сих добродетелей, и во-первых, веру — лучше же сказать, иметь чистую и нелукавую веру к наставнику своему настолько, чтобы взирать на него и повиноваться ему как Самому Христу <...>. Во-вторых- истину, иными словами — истинствовать [поступать по истине] делом, словом и строгим исповеданием помыслов. В-третьих, не творить свою волю, но всегда отсекаать ее добровольно, то есть без понуждения [духовного] своего отца. В-четвертых, не прекословить и отнюдь не быть спорливым, ибо прекословие и спорливость благочестивым не свойственны, как пишет и величайший во святых Павел: *А если бы кто захотел спорить, то мы не имеем такого обычая, ни церкви Божии*¹⁴²<...>. *Пятая же добродетель, какую надлежит блюсти, есть тщательное исповедание [грехов] пред настоятелем, как и при пострижении, словно у Престола Христова, дали мы обет [в том] пред Богом и Ангелами*».

Итак, если истинная делательница послушания, держа в уме вышеназванные заповеди, прилежно их сохранит, то в краткое время достигнет духовного преуспевания и легко отсекает греховные обольщения мира с душевными страстями, ею распознанными (под каковыми страстями разумею самолюбие, самовыказывание, гордыню, прекословие, любопытство, осуждение, своеволие, самоугождение), взамен же приобретет благое терпение, крепость в скорбях, обуздание языка, молчание достохвальное, неотступность в молитве и, сверх того, блаженный плач, который есть исполнение второго блаженства: *Блаженны плачущие, ибо они утешатся*¹⁴³.

Преуспевшими дознано: где действует совершенное послушание, там прилагается от Бога и радостотворный плач, омывающий греховные скверны и изгоняющий бесчинные видения. Эти последние всеивает деве-подвижнице лукавый сатана, желая уловить ее согласием с греховными умопредставлениями. А когда при помощи Божией навькнет инокиня такому плачу, является кротость третьего блаженства: *Блаженны кроткие* ¹⁴⁴.

Кротость и в самом деле сопутствует смиренномудрым, послушливым и плачущим о грехах своих, ибо приобретается смирением, блаженным послушанием и плачем, которые показывают христианина истинным последователем Спасителя нашего Иисуса Христа, по глаголу Его: *научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем*¹⁴⁵.

От кротости проистекают и следующие два блаженства: *Блаженны алчущие и жаждущие*

правды и Блаженны милостивые¹⁴⁶. И вот что скажем о первом: едва взойдя на степень кротости, окрыляется инокиня святым желанием Бога, воздевает и алчет стяжать все добродетели, ибо слово «правда» означает, по толкованию святых отцов, всякую добродетель. И о втором: поскольку, по божественному Златоусту, «многовиден образ милостыни и широка заповедь сия», то через отвержение мира инокиня заповедь эту еще прежде со тщанием исполнила, оставив все именование свое. Что же до утверждения в сем блаженстве, то и оно достигается ею хранением обетов монашества — будь то неленостная молитва о ближних или неусыпное служение (безмездно и в евангельском духе совершаемое) прочим сестрам и во **дворех Господних**¹⁴⁷ деннонощное пребывание.

Итак, блаженства, последовательно достигаемые, возводят к чистоте сердца, которая прилагается, по слову самого Златоглаголивого, тем, которые «не сознают за собою никакого лукавства»¹⁴⁸. Пришедший в такую меру христианин — инок ли, мирянин ли — исполнит, по глаголу святых отцов, все заповеди Господни, ибо «узрит Господа», то есть ясно усмотрит в сердце своем действия (энергии) Духа Святого. И, просвещенный ими, соделается неложным путевождем для других и уразумеет сокровенные речения Писания, равно как суть вещей и самой истины. А стало быть, тайнозрения и бесстрастия достигнет, коих наравне с боговидными отцами Церкви сподобился и сонм преподобных жен: святые Макрина, Мелания, Евпраксия, Ксения, Мария Египетская, Пелагия, Матрона и иные. И отсюда уже действие Божественных откровений и чудес.

В сей-то чистоте сердца исчезает ветхий человек и зрится новый, иными словами, с упразднением того, что «по образу», начинает действовать «по подобию», ибо сказано: «Деяние — к видению (созерцанию) восхождение»¹⁴⁹.

Таковы вкратце главные добродетели, возводящие человека в описанное состояние. Но поскольку, как было сказано, есть и кознодей душ наших диавол, коварно строящий всевозможные западни для подвизающихся, то да будет каждая сестра, наряду с упражнением в добродетели, особо внимательна к тем ухищрениям лукавого, какие особо часто проявляются в сестричествах Христовых.

Первое. Надлежит тщательно очищать душу от сладострастных помыслов, всеиваемых злоискусником в разум девы, дабы осквернить его. Таковые помыслы отражаются молитвой и призыванием имени Владычицы Богородицы, очищающей души истинных дев.

Цели сей много содействует смирение, совершенное послушание и тщательное откровение помыслов. Потребно, сверх того, и великое усилие обуздать плотскую часть воздержанием, возлежанием на голой земле и хранением себя от мирских умопредставлений. Равным образом надлежит остерегаться общения с родными и близкими, а при возможности не покидать обитель вовсе, кроме особой нужды. Ибо как телу всегда сопутствует нечистота, а железу — ржавчина, так и из обители исхождение может помрачить благородство души инокини. Но и пребывая на месте, пусть избегает часто посещать кельи других сестер под предлогом душевной пользы. Ибо склоняемые к тому наущениями лукавого змия, многие инокини впадают в дерзость, а затем утрачивают и страх Божий.

Юные сестры тем паче да позаботятся не иметь частного общения со сверстницами, ибо к приязни такого рода легко примешиваются козни врага, о чем хорошо осведомлены и сами ревнительницы истинного девства, и многоопытные наставники душ. Если же у какой сестры явится надобность — ради совместного послушания или распоряжения игумении — беседовать с другой, то беседа сия да будет весьма осмотрительной и краткой, сводясь лишь к тому, что должно сказать. Однако и самому молчанию их подобает быть не угрюмым или презрительным, но любовью растворенным.

Второе. В час псалмопения и общей молитвы да хранят все благоговейно и усердно

уставной распорядок, подчиняясь типикариссе обители, и, когда назначает та сестер на пение или чтение, оказывают ей нелицемерное послушание. И если отдаст какой их них предпочтение, прочие да не ропщут и не вопрошают, отчего ту или другую им предпочла, ибо таковые замечания и любопытство отнюдь не к созиданию единомыслия и взаимной во Христе любви, но к неприязни и самоугождению.

Ту же мертвенность и бесстрастную отчужденность да проявляют относительно всех иных послушаний, не домогаясь и не ища того или другого, но во всяком повинуюсь велению игумении.

Третье. Если же по зависти бесовской случится меж сестер какая ссора, надлежит строжайше понудить одну из них, чтобы по отложении всех самооправданий, идущих от лукавого, улучила минуту и, взяв вину на себя (хотя бы и неповинна была), обратилась к другой со словами: «Благослови и прости мне Господа ради все, что я, как безумная, рекла!». Но всегда приличнее младшей сестре упреждать в том старшую; если же младшая строптива и не внемлет правилу «Познай самого себя!», пусть совершит сие другая, как разумнейшая, игумения же вразумляет неисправную, и *солнце да не зайдет*¹⁵⁰ без должного их примирения.

Четвертое. Если какая сестра на молитве придет в умиление со многими слезами, да молится усердно о том, чтобы вместе с помыслом о совершенстве своем не принять беса самомнения, и просит Пресвятую Богородицу даровать ей смиренное познание себя, ибо слезы — достояние плачущих и изведавших свою немощь. И если во время молитвы благоухание некое ощутит, свет внутри или вне [келии], Ангела, святого, а то и Самого Христа узрит, таковых видений отнюдь не должно ей принимать ни наяву, ни во сне, ибо лукавый подобным мечтанием многих искусил.

Обличая сей бесовский обман, святой [Григорий Синаит](#) пишет: «Ты же, если добре безмолвствуешь, надеясь с Богом быть, ничего не принимай никогда из того, что увидишь: будь то чувственное или духовное, внутри или вовне, хотя бы и образ Христов или Ангела и святого лик, или свет уму то ли представится, то ли запечатлется [в нем], ибо и ум сам от себя по природе имеет мечтательную способность и легко может создавать образы <...>. Посему внимай, как бы не поверить поспешно чему-либо из представившегося, хотя бы и благому, до вопрошения опытных и тщательного исследования, чтобы не повредиться». И чуть далее: «Созерцающий нечто в уме или чувственно, хотя бы то и от Бога было, и без [вопрошения] опытных с готовностью приемлющий прельщается или прельщен будет, как предрасположенный».

Пятое. Когда с горизонта иноческого удалились стрелы лукавого и совершается неложное по Богу жителство, ненавистник сего окаянный демон, наряду с иными прилогами, зароняет в душу подвизающейся дух печали. Печаль та проникает в нее не через прилог и сосложение, как прочие помыслы, какие всеиваются лукавым, но непосредственно через тончайшую оболочку души. И облекая собою душу и все силы ее, соделывает окаменелой и умиления чуждой. Отъемлет у нее всякую решимость и веру, а ум лишает всякого расположения ко спасению. По преподобному Иоанну Кассиану, печаль склоняет душу «избегать всякой благой беседы, не допуская ни единого слова совета от искренне любящих принять и даже к мирному или благоприятному ответу им не располагая». Ибо «когда лукавый сей дух охватит душу и всю ее помрачит, то не позволяет ни молитву с усердием совершать, ни чтений Священного Писания душе на пользу держаться; возбраняет человеку кротким и благоумильным с братьями быть и всех занятий привычных и самой обязанности жития [иноческого] ненавистником его соделывает».

Сей дух находит по преимуществу на души усердно противящихся диаволу. И попущением Всеблагого Бога лукавому демону дозволено бывает на некий миг грудь грудью сойтись с

таковой душой. Миг тот есть время испытания для истинных рабов Божиих, кои, лишаясь [на время] всякого утешения и улады¹⁵¹ духовной, в терпении и воздержании выстаивают брань, по слову Писания: претерпевший же до конца спасется¹⁵² I , и так достигают победы над супостатом. Посему дух безвременной печали побеждается и изгоняется не иначе как крайним терпением, усердным поучением в Священном Писании, молитвой и упованием на Бога.

Но есть и иная печаль, проникающая в души самоугодливые и тщеславные. Когда проявляется сия отнюдь не полезная печаль? Когда, к примеру, возникнет у сестры пристрастие к пожеланию чего-либо духовного или благочестивого или [просто] вещественного¹⁵³, а игумения сего не одобрит, то если опечалится та сестра и в досаду впадет, ясно, что недугует названной страстью. И для избавления от стеснившего душу недуга подобает ей спешно отсечь всякое свое желание и мудрование. Также и когда при других сестрах порицаема будет — за дело или безвинно — и огорчение затаит, печаль ее не полезна, но душепагубна. И для победы над ней да покажет обуреваемая смущением и горечью сердечной пример всяческого самопонуждения и, положив без промедления поклон, сама себя во всем укорит. И таковым любомудрием не только победит страсть превозношения, но со временем и для прочих сестер наставницей добродетели явится.

Шестое. Кроме нападения поименованных духов, ум инока часто пленен бывает страстью подозрительности. И чем безвреднее представляется она вначале, тем сильнее обнаруживается и к горшей пагубе приводит, оставленная без внимания. Сию страсть лукавый змий внушает, по обыкновению, душе легковерной и пустой, чаще же всего, когда видит ее уязвленной ненавистью и злопамятством. Вняв голосу подозрительности, сестра поначалу призывает в помощницы лукавую пытливость, а под конец что подскажет ей помысел, то и на деле увидит совершившимся. Жертва сей страсти тщательно вникает в слова, движения и намерения других. И при виде сестры смущенной, опечаленной или угрюмой, а иной раз веселой и приветливой, беспричинно подозревает ту как втайне над ней насмехающуюся. Подозрительность не различает истины, видя во всем лишь чуждое оной. Недугующая ею всякое доброе побуждение превратно толкует. Припоминая советы и остережения любящих и избирая противное, не то приемлет она, что правдой и подлинным состоянием дел указано, но лукавого подсазки. По укоренении же сей страсти враг, ради конечного прельщения, всеивает в душу сестры всевозможные мечтания, и так приходит она в исступление ума, от чего да сохранит нас Всеблагий Бог.

В таком многоплачевном состоянии замечаем мы, увы, и здесь многих. И потому, чтобы не впасть в омерзительную сию страсть, инокине надлежит с первых шагов избегать ее как смертоносного яда, пригвождая к позорному столбу частым откровением помыслов и блаженным самоукорением.

Седьмое, и последнее. Произволение к усовершению в добродетели да возгревается у инокинь усердным чтением книг, добродетель сию изображающих, страсти обличающих и душу к горнему шествию возводящих. Помимо книг общеизвестных и адресованных монашествующим, — каковы «Эвергетинос», творения святых Иоанна Лествичника, Ефрема Сирина, аввы Дорофея, [Феодора Студита](#) и «Добротолубие», — полезно иметь, как величайшую драгоценность, божественные книги, созданные святым отцом нашим¹⁵⁴, — «Антиоховы Пандекты» и «Познай самого себя», много содействующие успеху иноческого жительства.

В заключение сего малого труда смиренно молю со вниманием его изучить (при условии, что он вполне одобрен отцом нашим). И если произойдет от того хоть малая польза, воздайте славу Всеблагому Богу, Который и через недостойных рабов Своих подает благопотребное и полезное, меня же помяните в молитвах пред Ним, да избавлюсь от утесняющих душу недугов.

Писано в Катунках на Святой Горе 8 июля 1918 года. Монах Даниил иконописец

Ответ монаха Даниила Маркиану, монаху Иверского скита¹⁵⁵, об отвержении мечтаний

Досточтимому брату во Христе Маркиану радоваться!

Приняв с великой признательностью драгоценное Ваше послание от второго числа сего месяца с приложением рукописи, излагающей видения и откровения великого простеца¹⁵⁶ старца Евфимия, усердно возблагодарил и прославил Всеблагого Господа, ибо давно желал вникнуть в преестественные сии видения, про которые слышал от разных лиц много превратного. И ныне премного благодарю тебя¹⁵⁷, возлюбленный, за ознакомление с сим трудом, откуда можно почерпнуть много душеполезного и спасительного. Поэтому, уступая Вашей просьбе, я предпринял тщательный разбор упомянутой рукописи со стороны не только содержания, но и самого существа дела.

И во-первых, должен заслуженно похвалить Вас. Ибо едва лишь у препростого¹⁵⁸ сего христианина и на этом месте¹⁵⁹ открылись видения, как Вы из опасения десных прельщений объявили то духовным отцам, которые признали бывшие ему явления истинными, что и подвигло Вас старательно записать их для пользы чтущих.

Во-вторых, хотя я, несмотря на всю Вашу любовь ко мне, не заслуживаю толикой чести, Вы, по бесконечной скромности своей, ищете и от меня указаний, истинны ли описанные видения. И да будет так, ибо Вы, дружества верх и высочайших похвал достойный, содержите в памяти наставления святых отцов о рассудительности, и в частности, аввы Моисея, который говорит: «Невозможно тому, кто сообразует жизнь с суждением и волей преуспевших, подпасть прельщению демонскому, однако подобает все же не случайным встречным <...> открываться, но старцам духовным и рассуждение имеющим, и не таким, которые от времени [лишь] состарились, ибо многие, взирая на возраст и открывая [им] свои помыслы, по неискушенности «старцев» вместо исцеления в отчаяние пришли»¹⁶⁰.

Скажу и о дарованиях Духа Святого: если те из них, что известны издревле, увидим в наши дни не на безмолвниках и духовниках знаменитых, а на простецах, некнижных, а зачастую и мирянах, то не должно нам негодовать или завидовать. Ведь дарования Божии неотменны и подаются не наобум, не всуе, но неизреченным образом и одному Богу известными судьбами, ибо Он доподлинно знает доброе расположение человеков, могущих вместить благодать. И всякий из зависти покушающийся сие опровергнуть богоборствует и хулит Духа Святого. Довольно и откровений [которых они сподобляются], чтобы признать то бывающим от Бога, а не от глумления бесовского.

Имеем без числа примеров, которые подтверждают истинность сих слов. И среди первых обратимся к великому во святых Спиридону. Не был ли этот некнижный муж до архиерейства своего пастырем овец? Но будучи притом доброгласной псалтирью Духа Святого, превзошел дерзновением к Богу многих высокоученых отцов. И не только победил Ария, но и чудовищного идола александрийцев, коего множество отцов святых не могло поколебать, один со дерзновением ниспроверг и уничтожил.

Вспомним и святого Захарию, простого башмачника, который, имея жену, не в горах и пещерах, но посреди мира греховного пребывал, и то, как сами собой отверзлись пред ним двери храма Святой Софии, а по окончании молитвы его чудесно затворились. А об Евфросинеповаре что сказать? Сей, из-за хромоты и некнижности своей, был в монастыре предметом бесконечных насмешек и заушений от братии, но еще при жизни сподобился райского наслаждения, апо смерти стал известен как многих славнейший. Взирая на такие примеры,

негоже нам подвергать сомнению нелицеприятные суды Божии. Нельзя, однако, и всем подряд необычайным явлениям без тщательного исследования доверять, ибо многие иноки — не только простецы, но и прославленные добродетелью величайшей, подвигами, а также знамениями и чудесами,— впоследствии осмеяны были от бесов и повергли нас в безутешную скорбь. Посему святые отцы, как искуснейшие в делании аскеты, усиленно призывают нас к трезвению. Известно ведь, что все дерзнувшие без истинного наставника принять подобные видения и слышания впали затем в многоплачевную прелесть.

Итак, по учению отцов, да будет у нас испытание строгое и всяческая осмотрительность касательно самых истинных даже и неложных [по видимости] откровений, ибо распознать лукавство проклятого сатаны — дело наитруднейшее. А поскольку недостойнство мое, благодаря многолетнему опыту и внимательному обучению у неусыпно подвизавшихся отцов и духоносных старцев, несколько осведомлено в сем предмете, дерзаю сообщить Вам свое смиренное суждение.

Прошу также иметь в виду, что нижеследующие смиренные слова не суть порождения убогого моего рассудка, да не явлюсь хоть сколько-нибудь мудрее или выше моих духовных отцов, известных добродетелью и боголюбием (сего да не будет!), но всего лишь бесстрастно изложу (ради великой Вашей любви и во исполнение воли Божией, повелевающей угождать не человекам, но Богу) то малое из многого, что встретилось мне в нашем роде, и сопоставить знамения истинные и противоположного свойства.

Довелось мне знать старцев, преуспевших в подвиге и невидимых сетей бесовских избегших отсечением собственной воли и мудрования, равно как и других, известных высотой жителства, но впоследствии люто уязвленных и потерпевших поражение от демонов. Воистину многие сподоблялись вначале изрядных дарований Божиих, но затем, по самонадеянности и недостатку внимания, стяжали всеобщую известность плачевным своим концом, о чем Вы прочтете далее. Здесь же скажу о препростом Евфимии. Приемлю и разделяю все, что Вы пишете о добродетельной его жизни и великой простоте. При всей скудости познаний духовных и незнакомстве с азами христианской веры муж этот сызмальства обнаружил безмерную преданность Богу, а потому все бывшее с ним при обретении храма¹⁶¹ совершилось по неизреченному домостроительству Всеблагого Бога. Известно: где обретают Божий храм, там в людях, подобных старцу Евфимию, проявляется и действие Божие, которое помогает обретению всего остального. Действительно, храмы, подобные сему, как и чудотворные иконы, доньше открываются во многих местах на Востоке и Западе. И происходит это не только через невинных созданий и малых деток, что не столь необычно, но порой через грешников и нечестивцев, которые сподобляются ночных видений и получают повеление от Бога велегласно возвещать об увиденном.

В самом деле, на многих таких явлениях сбилось речение святого Василия Великого: «Бог и через противляющихся творит волю Свою»¹⁶². Не буду здесь ни на мнение духовников многочисленных и братии во Христе моих ссылаться, ни человека того прельщенным именовать, ибо от мнений и именовании святость не умаляется и заблуждение не укореняется, истина же самим делом явлена бывает.

Мы исповедуем и святые отцы учат, что лукавый сатана из ненависти к проводящим святую жизнь всемерно тщится обольстить их различными заблуждениями. Когда же заметит в ком склонность к созерцаниям и видениям, хотя бы и истинным, то принимает облик Ангела Света и, хитроумно навязывая от себя фантазии и мечтания, делает подвижника сего *позорищем для Ангелов и человеков*¹⁶³.

Вот и у сего несчастного простеца по прибытии сюда начались видения, которые постоянно возобновлялись. И духовные отцы и ближайшие друзья его, напомню Вам, не воспрепятствовали

дерзости и не выказали должного трезвения, но сами засвидетельствовали ему, — не знаю, по какой причине, — что все это истинно. Итак, несчастный сей во сне и наяву, за работой и в пути созерцает многочисленные видения, сиречь «явления»¹⁶⁴ Христа, Пречистой, бесчисленных сонмов ангельских, парящих в высоте крестов, Константина и Петра (постоянно!) и других лиц, каковые видения да будет позволено мне, к великому моему прискорбию, объявить плодом прелести, но никак не истины.

Вникните, умоляю, в жития всех боговидных отцов и убедитесь, что они наполнены знамениями, чудесами и дивными подвигами, но крайне скудны видениями и откровениями, которые если и случались, то лишь при величайшей в них нужде. И сообщали о них те святые очень немногим, тогда как ложь дьявольская распространяется с быстролетностью аэроплана, поспешая явить себя невеждам и, что намного горше, прельстить мужей боголюбивых и духоносных, славных добродетелью и благочестием.

Сопоставьте неложные видения святых отцов с рассмотренными и узнайте, сколь высоки и всяческого доверия достойны первые и сколь дерзостны, если не сказать безумны, те.

Вспомним небесного человека и земного Ангела, великого Максима Кавсокаливита, сильного деянием и видением, одержавшего победу над древним запинателем. Сей лишь однажды сподобился узреть Владычицу нашу Богородицу¹⁶⁵ и часто восходил на вершину Афона поклониться месту явления Ее, хотя Госпожа Богородица не удалялась оттуда и могла являться ему чаще. Но признак знамений неложных — особого рода убедительность, знамения же ложные легковесны и одновременно навязчивы. Последнее тем очевиднее, что одержимый таковыми мечтаниями Евфимий постоянно зрит одни и те же рисующиеся ему лики «святого» (то бишь Константина или Петра), «Ангелов», «Архангелов» и прочих. И не только во время молитвы [являются ему], но в дороге и повсюду, порой в образе случайных людей, требующих от несчастного их почитателя, к вящему его прельщению, икон и свечей, порой в образе иереев литургисающих и Ангелов доринносящих. И вместо угождения Богу и восхваления Святой Троицы воздается почитание — о горе! — лукавому сатане. А как пример неложных знамений у мужей облагодатствованных вновь укажем башмачника Захарию. Сей, как мы знаем, приходил по ночам в храм Святой Софии, и, когда начинал молитву, двери церковные сами собой отверзались, а по окончании ее дивно затворялись. Но святой, избегая прославления от человеков, скрывал высочайшие свои добродетели, а когда те сделались известны преподобному иноку Иоанну, покинул город из опасения погубить сие сокровище суетной славой. Также и святой Евфросин, доколе был у всех в поношении, благодушествовал и не оставлял обители; когда же святость его открылась, не замедлил уйти. Впавшие же в прелесть без стеснения открывают видения свои, как и собственные немощи, не только духовникам, но всякому встречному и духовно непросвещенному, полагая то делом богоугодным, и так приходят в самое жалкое падение.

Одно из главных прельщений Евфимия, ставшее источником остальных, связано с явлением «святого Евдокима». Поводом к сему послужил, как сами Вы пишете, спор его с неким плотником о родине святого. По мнению плотника, тот происходил из Халкидики, благоговейный же Евфимий непременно желал видеть в нем уроженца Эпира, а в доказательство предлагал рассмотреть череп святого и удостовериться, что впадина на затылке его сильно скошена. Ухватясь за сей повод, многокозненный змий, словно некий фонограф, отлично приноровленный к обольщению, на другой же день представил ему «святого Евдокима» в виде иерея, который повелел именовать себя Петром. С той поры диавол, как в синематографе, не перестает показывать сего «святого» то на рыжем коне, то в каком-то древнем головном уборе и грубошерстном одеянии, озаренного ослепительным светом. Является порой и как иерей литургисающий (объявляя, что по недостойнству прочих иереев он один лишь

литургисает), и как старец маститый, повелевающий называть его не Евдокимом, а Петром. «Я, — твердит, — эфирот¹⁶⁶, древней Стики уроженец. Много вас, эфиротов, ежедневно бывает здесь, но ни один не пришел поклониться мне, о чем весьма скорблю. Ступай к священнику и вели написать мою икону». И иные, подобные сим речи произносит, истинному святому неприличные. В другой раз повелевает Евфимию заказать две иконы «святого Петра» и серебряные к ним лампы, а обратиться за этим к духовнику Иверской обители, чья душа (как открыли в другом видении «архангелы Гавриил и Рафаил») просияет словно солнце.

Все это, как представляется мне, да и из самого дела явствует, суть плоды прельщения. И я глубоко опечален тем, что они задевают честь многих добродетельных мужей, если только не всей Православной Церкви Христовой. Посему полагаю необходимым вкратце изложить Вашей любви некоторые детали полного жития святого Евдокима.

Ваш смиренный послушник, как Вы знаете, до тридцати пяти лет пробыл в святой Ватопедской обители, где основательно изучил жизнеописание преподобного. Слышал я и рассказы почтенных лиц, которым довелось присутствовать при перенесении мощей святого Евдокима в 1848 году. То были, в частности, Иаков Симицис, Григоракис- псалт¹⁶⁷ и Диако-Даниил из Иериссоса, часто вспоминавшие при мне это событие. При обретении были также три архиерея: Иосиф, бывший Варненский, [Григорий]¹⁶⁸ Адрианопольский и Хрисанф Смирнский, который и обратился к народу, стекшемуся туда во множестве, со следующим словом: «Отцы и братия, здесь не должно быть места сомнению в святости сего угодника Божия, ибо он, провидя свою кончину и избегая славы человеческой, пришел сюда с желанием предать дух Богу, а неоскудевающее благоухание святых мощей свидетельствует, что он свят. Но поскольку имя сего подвижника нам неизвестно, наречем его Евдокимом¹⁶⁹, ибо святые мощи, которые видим, обретенны по благоволению Божию».

В тот же день составили последование, и уже вечером, во время Всенощного бдения, начались чудеса. Первым получил облегчение, а к утру и совершенно исцелился инок из Култуша, проведенный до этого пять лет в параличе. Затем воззвал к святому и страдавший глазами врач Иверской обители отец Григорий: «Если сделаешь меня здоровым, без промедления сооружу серебряную раку для святых твоих мощей!». И явившийся в ту же ночь святой исцелил его, о чем напоминает до сих пор серебряная рака с выгравированным именем жертвователя. Спустя несколько дней святой явился одному келлиоту из Гифтадика и, исцелив его, сказал: «Мое имя — не Евдоким, а монах Савва. Но скажи отцам обители, чтобы именовали меня [по-прежнему] Евдокимом».

Подлинное имя святого по домостроительству Божию открылось для того, чтобы ясно стало и звание его. Братья, обследовавшие библиотеку обители, обнаружили большую старинную [рукописную] книгу с пространним житием Саввы Ватопедского¹⁷⁰. Сей многоученный муж процвел во второй трети XIV столетия, в золотой век Святой Горы, который обогатил ее историю именами великих угодников Божиих, в том числе святых [Григория Паламы](#), Григория Синаита, Максима Кавсокаливита, Игнатия и Каллиста Ксанфопулов. Придя на Афон из Фессалоники, он поступил сперва в послушание к старцу, известному крайней суровостью, после чего безмолвствовал с двумя другими послушниками в местах напротив ватопедской Каламицы. Старец заповедал Савве не произносить ни слова, пока не окончится двадцатипятилетнее безмолвническое его послушание. Но так как после набега сарацин монахи разбрелись, а старец умер, святому пришлось безмолвствовать и далее.

Возложив на себя подвиг юродства, он исходил многие местности и за безмерные труды, соединенные с боголюбивым странничеством, сподобился дара чудотворений. Но совершив чудо, святой всякий раз старался умалить его, представляясь безумным и избегая людского

почитания. Держась такой жизни на протяжении многих лет и обойдя в совершенном безмолвии Кипр, Иерусалим и Заиорданье (где подражал преподобной Марии Египетской), он совершил величайшие и превосходящие естество подвиги. По прошествии двадцати пяти лет Савва явился в Константинополь, где прервал безмолвие и юродство, призванный защищать Церковь против свирепо ополчившихся на нее еретиков-мессалиан¹⁷¹. Вместе со святым Григорием Паламой он показал себя великим поборником Православия, так что освященный собор и благочестивейший василевс Андроник Палеолог¹⁷² постановили рукоположить его во пресвитеры и немедленно вслед за тем возвести на патриаршество (то было до поставления патриархом Константинопольским господина Филофея¹⁷³). А поскольку святой не желал этого, рукоположение втайне от него назначили на ближайший праздник, за которым ожидалось присутствие всего священноначалия. При наступлении сего дня несколько иереев и диаконов в присутствии царя и большинства иерархов, улучив миг, схватили Савву под руки и повлекли в храм для совершения хиротонии. Но сей, поравнявшись с царским местом, уцепился за край порфиры Андроника и, сильно дернув, воскликнул: «Царь, друзья в нуждах полезны да будут¹⁷⁴, а Савве иереем не быть!». При этих словах государь вздрогнул, лишился сил и, испросив у преподобного прощения, приказал тотчас его отпустить. После возвращения на Афон Савва опять водворился в Ватопедской обители. Позднее он был послан протом¹⁷⁵ в Константинополь по делам Великой Церкви и Святоименной Горы, а последний период жизни провел в неизвестности.

Извещенный о времени своего отшествия и *приобретя всех*¹⁷⁶, святой удалился в дальнюю часть кладбища, где и предал дух Богу.

Такова вкратце подлинная история святого, чье пространное житие находится в Ватопедской обители, а копия его — в книгохранилище скита Святой Анны. Всем вышесказанным ясно обличаются происки и лукавая ложь дьявола, который подстроил видения сего «эпирота» (мнимого сродника злосчастливого Евфимия) и, что еще хуже, понудил простеца заказать иконы «новоявленного» Петра. И если бы Церковь наша наряду с видениями одного и ложью другого легковерно допустила вводить новых «святых», произвольно менять им имена и писать иконы, сколь ужасно было бы сие заблуждение! Но нет: Православная Церковь не только не допускает ничего подобного, а, напротив, назначает за это епитимии.

Но, пожалуй, кто-нибудь спросит меня: «Возможно ли сему быть от прелести, если являвшиеся святые Константин и другие повелевали Евфимию сотворить крестное знамение, каковым и сами себя пред ним осеняли? И откуда повторяющееся видение гигантских крестов, светлейших солнца? И отчего при многократном совершении им крестного знамения видения те не исчезали?».

На это спешу заметить, что именно к такого рода доводам и прибегает ложь, ибо ангел тьмы представляется Ангелом Света. И когда замечает человека, склонного к подобным мечтаниям, является ему в образе Христа распятого, Пречистой или святых.

Когда же увидит наконец, что христианин сей принял это за истинное и облобызал как содеянное Богом, побуждает его без конца творить крестное знамение, посещать храмы, предаваться бдению, а если прельщенный имеет иерейский сан, то и литургисать ежедневно. И тогда сила крестная не то что изнемогает — нет, но прекращает свое действие, поскольку прельщенный изменил Кресту. Когда же уразумеет несчастный заблуждение свое и духовники уверят его, что сие от прелести, благодать Креста начинает действовать вновь и видения сатанинские отбегают.

Лучшим подтверждением сказанного да послужат два [сравнительно] недавних происшествия. Около сорока лет назад, как вы знаете, автор сих строк находился в Русике, где

проживал тогда хорошо-известный многим иеродиакон Иерофей, не так давно скончавшийся иереем в Кутлумушском скиту. Будучи в ту пору молодым, он предался самочинному бдению, проводя ночи в непрестанной молитве с бесчисленными поклонами. Видя это, легкий на подъем диавол начал изо дня в день предлагать ему (в точности как и несчастному Евфимию) множество видений: «Христа», «Пречистой», «Ангелов» и тому подобное. А дабы уверить Иерофея, что все это от Бога, говорил: «Я воистину Христос и желаю сподобить тебя великих дарований. Остерегайся лишь беса гордыни и всегда твори крестное знамение для прогнания действия вражьего». Часто являлся он Иерофею под видом Распятого, перед которым тот осенял себя истово крестным знамением и совершал правило. Немало иных «видений» и «откровений» показывал ему лукавый, в том числе и о пороках других братии.

Но по милости Божией Иерофей часто открывал сие на исповеди. Духовники же, слыша о крестном знамении, взирая на его смирение и удаление от праздных бесед, стали почитать иеродиакона за «святого наших дней». И кто же были духовники, одобрявшие его? Варфоломей из Ватопеда, Нифонт из Ватопедского скита, русский Иероним из Пантелеимоновой обители и, наконец, великий батюшка Савва. Наконец, сам же отец Савва придумал средство: «Когда явится называющий себя Христом, предложи ему открыть задуманное мною, о чем никому больше неизвестно, и если откроет, то все явления эти — благодатные, если же нет — от бесов». Он сообщил тайно задуманное одному Иерофею, и когда тот обратился с условленными речами к мнимому Христу, лукавый был посрамлен. Тогда прельщенный воспылал гневом: «Не ты ли являлся мне как Христос? Но нет: ты диавол!». И тотчас предстал ему сам враг: «Я — сатана, которому ты столько лет служишь и которому дал залог — свою подпись!» (ибо Иерофей мысленно не раз клялся пред ним и [как бы] удостоверял то своей подписью). Изрыгнув сие, он устремился на монаха. Бывшие поблизости подхватили и едва привели в чувство Иерофея, который, придя в себя, принялся горько оплакивать свою беду. И хотя после многократного отчитывания видения постепенно отошли, узнайте, что, и расставшись с сими прельщениями, оставил он с тех пор все монашеские обеты, и усмотрите из сего, какой плачевный конец восприял!

Предложу Вашему вниманию и другую историю, показывающую силу лести диавольской. Лет двадцать пять назад меня посетил, по рекомендации одного лица, муж большой учености, поначалу стеснявшийся открыть свое сердце. Я же по виду и речам распознал в нем какой-то психический недуг и, набравшись смелости, сказал: «Рад вам, ибо ожидаю услышать нечто для души моей полезное!». При этих словах он подскочил от восторга: «Благодарю, отче! Наконец обрел я человека, равного моему призванию. И так как я в избытке наделен благодатью, то и не утаю ничего».

«Я,— продолжал он,— родился в Фессалии, неподалеку от Олимпа. Имея страсть к учению, окончил гимназию в Фессалонике, затем поступил [учителем] в немецкую школу, где увлекся новой системой преподавания, и был хорошо обеспечен, получая ежемесячно (помимо частных уроков) десять оттоманских лир. Одновременно занимаясь на благо общества изучением Священного Писания обоих Заветов, пришел к мысли, что должен проводить христианскую жизнь, согласную с моим предназначением. И первой заботой стали для меня молитва и пост.

Как-то ночью, предстоя иконе Божией Матери и слезно умоляя Ее облагодатствовать меня, я узрел пламя. Исшедшее от иконы прямо мне в сердце, оно исполнило его безмерной радости, и с тех пор не иссякает в нем молитва Иисусова. Радость сия понудила меня простираться все далее, к многочасовой молитве, после чего очищенный ум стал созерцать различные видения во сне и наяву.

Вскоре явился мне Ангел блистающий и сказал: «Вот я послан от Бога всегда быть твоим помощником. Итак, подобает тебе много поститься и молиться Богу». Проведя всю ночь в

молитве с книгой Ветхого Завета в руках, я молил Господа сподобить меня одного из видений пророка Иезекииля и тотчас, придя в исступление, узрел то же, что дано было видеть ему. На другую ночь сподобился я откровений, бывших Исаие, Даниилу и другим пророкам, а также тех, какие описаны в Апокалипсисе святого Иоанна Богослова, о чем впоследствии ежедневно размышлял. Заметьте, я победил сон и чрево: спал лишь час в сутки и вкушал не чаще двух раз в неделю немного сухарей и воды».

На вопрос, имеет ли он духовного наставника и прибегает ли к исповеди, гость ответил: «Нет, лишь вам ощущаю надобность поведать об этом. Ибо часто является мне Христос и остерегает: «Смотри, не сказывай никому, ибо нет теперь истинных духовников и подвергнешься многому хулению'''».

Я же, заметив, что зрение его сильно повреждено, а на левой руке, обожженной и изуродованной, недостает двух пальцев, спросил: «Объясни, молю, отчего пострадали очи и рука твоя, ибо угадываю здесь какую-то тайну». Он же, сочтя меня провидцем, сказал: «Не скрою и этого. Очи мои пострадали, когда я долгое время ежедневно, с полудня до двух часов, особенно в летний зной, пока ученики отдыхали, непрерывно взирал на солнце, не смежая век. Отсюда начались у меня видения Ангельских Сил и святых всякого чина, на каждый день разных. Несмотря на сильнейшую боль и жгучие слезы, я терпел, ибо таково было повеление Ангела. И всякий раз, когда видения прерывались, начинал осенять себя крестным знаменем.

С рукой же было так. Ангел заповедал мне читать по ночам [Ветхий Завет](#) с зажженной свечой в руке, гася ее, когда она превратится в малый огарок, что я и исполнял. И вот, в день святого Спиридона, стоя по обычаю с горящей свечой, узрел я комнату свою ясной как солнце и самого святителя Спиридона, будто на иконе, в облистании ослепительных лучей. «Радуйся, подвижнике Николае,— сказал он (ибо таково мое имя).— Благодарю за великое ко мне усердие и желаю, чтобы ты в сию же ночь стяжал мученический венец. Как только пламя свечи коснется твоей ладони, сожми ее изо всех сил, хотя бы и казалось, что рука обгорает. Будь мужествен, и победишь началозлобного змия!». С этими словами он стал невидим. Я же, когда пламя опалило ладонь, ощутил сперва несказанное благоухание, да и потом не чувствовал ни малейшей боли, покуда не прорвались пузыри ожогов. А позже, сильно страдая, услышал голос: «Днесь собери языком кровь с руки твоей, ибо она равночестна Крови Христовой!'''».

Далее несчастный поведал, как, не выдержав боли, вынужден был прибегнуть к врачу, которому объяснил, что обжегся по неосторожности, задремав у огня. Руку, по счастью, удалось спасти.

Но послушайте далее, чего достигает над таковыми пронырливый бес. Подчинив Николаоса своей воле, он снова является ему в образе Христа и говорит: «Еще одно осталось тебе совершить, чем премного меня удовлетворишь. Крещение, что дали тебе родители — неистинное, ибо древний его апостольский чин изменен Вселенскими Соборами. Итак, поспеши в Фессалонику и прими подлинное крещение у немецких протестантов, которые удержали его от времен апостольских». И вот, прибыв в тамошний немецкий госпиталь, тот объявил о своем намерении креститься по лютеранскому обряду и принял «погружение». Вскоре, однако, пришел ему помысел пойти в Милопотам и открыться в содеянном безмолвствовавшему там Патриарху Иоакиму III. Что и исполнил, умолчав, однако, о преждебывших прельщениях. Патриарх же после достаточного обличения отослал его к духовнику отцу Нифонту и затем, по совету того, совершил над отпавшим чин миропомазания. Но вскоре ложные видения возобновились.

Дабы не утомлять Вас, скажу, что, терпеливо выслушав на протяжении шести часов историю чудовищных заблуждений, я в последующей двухчасовой беседе доказал своему гостю на основании многих мест Священного Писания и доводов разума тяжкую их пагубность, так

что он, вняв сему, отвергся наконец всех былых прельщений. Но, хотя и извлек пользу из происшедшего и в дальнейшем противился подобным мечтаниям, следы прелести замечались в нем до конца жизни. Заболев через некоторое время чахоткой, он скончался на Святой Горе в мирском чине.

Сей истории довольно для обнаружения истины и обличения прелести. И если ты с должным вниманием прочтешь настоящее письмо, соблаговоли передать его в Иверский монастырь духовнику батюшке Парфению, который, без сомнения, уразумеет, где истина, и вдвоем с ним позаботьтесь отклонить заблудшего Евфимия от греховных мечтаний. И если возможно, избавьте его от прелести, ибо тому, кто скрижаль ума своего превратил в запечатлевающий таковые мечтания фонограф ангела тьмы, нелегко полностью их отвергнуться.

Тщательно наблюдайте и за тем, чтобы не появлялись у вас иконы ложного Евдокима, то бишь «иерея Петра», дабы не оскорблять Духа Святого. Ибо таковое изображение будет к поношению истинного святого Евдокима и к вящей радости лукавого. Если же не прислушаются к беспристрастным моим советам, придет время и увидите конец человека сего, но будет поздно и весьма горько, ибо Вас и всех, поддерживавших то заблуждение, обличит собственная совесть пастырская.

Самое же последнее видение, которое Вы недавно мне описали (когда он видел «святого» литургисающим, между тем другие иереи объявлены были недостойными литургисать), есть наигоршая ложь, ибо приемлющий ее заводит ересь в Церкви Христовой. Возможно ли, чтобы святые являлись по смерти как литургисающие на том основании, что в нынешних иереях благодать бездейственна? Сие — чудовищное заблуждение ересиарха Макракиса, который считал священнодействия грешных священников безблагодатными и учил последователей своих, отыскав иерея праведной жизни, заново от него креститься, ибо прежнее Крещение, вполне вероятно, совершено было грешником!

Приношу наиглубочайшие извинения, если чем досадил, и остаюсь в совершенной к Вам любви.

Всецело Ваш друг монах Даниил иконописец

Ответное письмо монаха Иверского скита Маркиана иконописца на послание Даниила монаха от 12 января 1918 года об отвержении видений

Иверский скит, 20 февраля 1918 года

Преподобный отче! С величайшей радостью получили мы долгожданный Ваш ответ на посланную рукопись и со всей возможной тщательностью и самым пристальным вниманием изучили его. Весьма подивились козням сатаны, опутавшим многоизвестного Иерофея и несчастного Николаоса, а теперь и препростого старца Евфимия, с которым, без сомнения, приключилась бы беда, не отправь мы Вам для пресечения зла означенную рукопись. Ибо он под конец, можно сказать, почти «освоился» с бесом, предустроившим это отнюдь не ко благу несчастной своей жертвы. Но благословен Бог, сберегший донныне трезвенных и исполненных рассуждения духовных отцов, которые предвосхищают подобные обстоятельства и разрешают проблемы самого тонкого свойства, ускользающие от внимания других священников и духовников!

Посему безмерно благодарны тебе, возлюбленный во Христе брат, за то, что вывел нас из заблуждения, хотя справедливости ради должно сказать, что мы, оставаясь настороже, не подпали ему в такой степени, как старец Евфимий. Сей был главным действующим лицом и подвергся несравненно большей опасности; но простота, благоговение, добронравие, смирение и особенно готовность всегда открывать духовнику тончайшие свои помыслы спасли его, и человекоубийце диаволу не удалось распространить свои действия далее, поскольку мы сразу и давно уже узнали о содержании Вашего ответа Аверкию¹⁷⁷. Немедленно изменив тактику, мы наказали Евфимию в другой раз не слушать «святого», о чем бы тот не говорил, а если проявит настойчивость, сказать, чтобы шел показывать все это другим, а коли он святой — пусть сотворит чудо; и сказавши это, посмотреть, что тот предпримет. Заповедали ему также отложить попечение о часовне и обо всем остальном. И к великой нашей радости старец Евфимий принял все это с полным бесстрашием.

Зная от Вас о конце Иерофея и Николаоса, мы опасались, что старец не покается и либо утвердится в показном благочестии, либо охладает совершенно. Он же сказал: «Как до нынешнего дня ни единой заповеди вашей не преступил, так и теперь, что велите, исполню. Я невежда, а вы, духовники и монахи, знаете мою веру и скажете, как поступать». Так, подобно мыльному пузырю, лопнули все ухищрения сатаны и расточились всеу действия его.

Ныне молим Бога на всякое время сохранять Вас, дабы Вы и впредь побеждали мысленного супостата и вызволяли из плена создания Божий, уклонившиеся по простоте и невежеству от правого пути. Веруйте, что безмерно большую мзду получите от Мздовоздаятеля Бога и вечную благодарность от нас. И если все предпринятое покажется Вам для скорейшего исправления недостаточным, сотворите любовь и просветите нас, да положим делу добрый конец. Примите бесконечную признательность и почтительную преданность моих собратьев.

Монах Маркиан иконописец

Об умной молитве. Письмо старца Даниила Каллистрату

(Один престарелый инок, свыше сорока лет проходивший поприще аскезы в палестинской обители Святого Саввы, явил в горах и пещерах¹⁷⁸ многообразные подвиги и победы над врагом. Но подпав, как человек, десному прельщению, муж сей в пространном письме моей худости просил указания, право ли совершается им путь горнего восхождения. Сам же он, по его словам, был извещен свыше, что посещающие его действия происходят от благодати, а не от прелести.)

Его Преподобию старцу Каллистрату радоваться о Господе!

Получив двадцать восьмого числа минувшего месяца святое твое послание, исполнился радости, а тщательно вникнув в содержание его, возвеселился духом при виде великого смирения, которое подвигло тебя описать моему недостойнству все свое житие вкупе с боголюбивыми трудами и подвигами из благочестивого опасения, не вотще ли ты бежишь¹⁷⁹, дабы, представив дело во всей ясности, с безраздельной верой испросить смиренное мое мнение.

Хвалю, святой старче, многое твое благоразумие и добrorассудную скромность за то, что ты, непритворно повинувшись установлениям и неложным советам отцов Церкви (которые внушают «ни в чем своему помыслу не доверять, но во всем следовать словам старцев, веруя, что лишь то одно хорошо, что ими одобряется; ибо невозможно впасть в прелесть бесовскую мужу, жизнь свою согласующему с судом и мнением преуспевших»¹⁸⁰) и ревнуя об истине, поспешил открыть мне все свои помыслы.

Полагаю, честный отче, что с твоей стороны неразумно было прибегать ко мне, недостойному и весьма далекому от познания деятельного и созерцательного. Но при содействии благодати Божией вера вопрошающего и чрез недостойных устрояет дела благопотребные и спасительные. Посему, уступая, ради любви твоей, боголюбивым вопрошениям, спешу удовлетворить благочестивую душу наставлениями отцов, оставивших нам, как неотъемлемое богатство, непогрешительные и подробные указания. Из них и узнаём мы, каковы неложные признаки людей, в добродетели божественной преуспевающих и, напротив, врагом спасения уловляемых.

Но прежде чем начать, убедительнейше прошу Вашу святость отнестись к тому, что последует, с подобающим вниманием. Сие, не будучи порождением нашего пресмыкающегося по земле разума, исходит от богомудрых отцов Церкви, от многовекового опыта и тонкого умения различать соблазны с десной и шуей сторон. Особо же остановлюсь на том, что совершено действием благодати Божией в наши дни, и на жертвах десного прельщения лукавого сатаны, каковые примеры доставят бесконечное утешение светозарному Вашему благоразумию, готовому вознаградить меня — верую в это! — молитвой и благопожеланиями.

И во-первых, хвалю божественную Вашу ревность, ибо, едва удалившись от мира, ты явил должное самоотвержение тем, что предпочел, по примеру преподобной Марии, тесный путь уединенного пребывания и, когда бы не запрет духовников, поспешил бы, без сомнения, в непроходимую и исполненную угроз пустыню.

Во-вторых, хотя подобная ревность похвальна, ты выказал себя достойным еще большей похвалы, вняв совету духовническому и не порываясь ступить на сей путь самочинно. А между тем многие, прежде подчинения опытным духовникам, силились подражать преподобной Марии и, не ведая о многоплетенных сетях лукавого сатаны, впали в различные обольщения и еще при жизни стали подобны жалким мертвецам. Но святыми отцами научены мы таковых печальных примеров отвращаться. Похвалы достойно и все бывшее с Вами по зачислении в

обитель Святого Саввы, когда Вы старались избегать соблазнительного общения с иеромонахом Поликарпом, учившим уклоняться от монастырского послушания.

И после сего, находясь в Кораки [181](#), ты подъял такие подвиги и труды, что совершенно удалил от себя всякое действие сатаны, покушавшегося обольстить подвижника видением света. И достойный за то всяческой похвалы, всем тем обязан ты благодати и человеколюбию Всеблагого Бога, которые и соблюли тебя невредимым от лукавых ухищрений врага-злонаачальника. Ибо тот всего яростнее ополчается на проходящих подвиг безмолвия в святых обителях, особенно в нынешние трудные времена, когда по грехам нашим оскудели, увы, подлинные наставники. Посему немалой опасности подвергают себя все самовольно подвизающиеся и не состоящие под руководством духовным. Подобной опасности не знали иноки, избравшие стезю безмолвия в золотую эпоху монашества, когда в Палестине сияли преподобные Евфимий, Савва, Феодосии, Герасим, Георгий Хозевит и множество иных. Ибо во всех духовных нуждах прибегали они к покровительству равноангельных отцов и, открывая им свои помыслы, научались одни принимать, других избегать, каковое руководство приносило дивные плоды. Сие воистину так.

Скажем теперь и о «действиях Божиих», которые ты описал мне столь подробно и с такой доверительностью и которые, оставаясь непонятными даже во Христе братьям Вашим, вызвали среди них соблазн. Сия «благодать Духа Святого», как ты пишешь, начала посещать тебя явным образом, день ото дня умножаясь и сопутствуя тебе во всякое время на всяком месте. И спишь ли, трудишься ли, слушаешь ли поел едование сБожественной литургией, сердце и все тело твое непрестанно содрогаются, а ум зачастую приходит в исступление и бывает восхищен. Таковое возмущение и трепет сердца, производимые умом в состоянии исступления, как и истекающее от чрезмерного сердцебиения сотрясение всего тела и головы, приключаются у тебя в особенности, когда слышишь доброгласного псалта, а всего чаще — во время причащения Святых Таин. Замечая сие, братия весьма соблазняются, ибо по убожеству своему не могут уразуметь, что все описанное происходит «действием Духа Святого», как то было, по слову Вашему, и с Самим Господом, Который перед воскрешением Лазаря *воскорбел духом и возмутился* [182](#).

Далее ты пишешь, что подобные действия признают неложными сами святые отцы-аскеты, и доказываешь то пространными цитатами не только из творений святых Григория Синаита, аввы Исаака, Каллиста Ксанфопула и Максима Исповедника, но также из Святого Евангелия и посланий апостола Павла. И сопоставляя отеческие свидетельства с вышеописанными действиями, заключаешь, что они совершаются Самим Духом Святым, как во всем с Ним согласные, ссылаясь при этом на свидетельство Григория Синаита о проявлениях действия Божия (что на странице 909 «Добротолюбия»): «В одних видится оно как свет восходящий, в других — как веселие трепетное, у тех — как радование, у этих — как радование, смешанное со страхом, а у кого-то — как слезы и страх. Радуетя душа посещению и милости Божией, страшится и трепещет его, как повинная в прегрешениях многих». Прилагаешь и свидетельство святого аввы Исаака (из главы 15): «Плод его [внутреннего человека] начинается слезами. Когда достигнешь области слез, тогда знай, что ум твой вышел из темницы мира сего <...>. И тогда начинает он источать слезы, потому что приблизилась болезнь рождения духовного младенца, так как общая всех мать, благодать, поспешает таинственно породить душе Божественный образ для света будущего века» [183](#).

Не вхожу здесь в рассмотрение близких по содержанию свидетельств святых отцов, которые приводятся Вами и в самом деле говорят о действии Святого Духа с указанием, каковы бывают признаки благодати и каковы — прелести. Предлагаю твоей любви лишь смиренное мое суждение — не в поучение (сего да не будет!), но ради памятования истины — о том, что же

имели в виду названные святые. Но поскольку в основе его — свидетельства и доводы боговидных отцов, молю тебя, как благоразумного и трезвенного старца, отнестись к написанному с должным вниманием, дабы, прочитав несколько раз, избрать благое. Что же до моей худости, то она, опираясь на молитвы святых отцов и Ваши, труд сей полагает небесполезным.

Ты знаешь, всечестный старче, что супостатом добродетели и лютым врагом боговидного жителства имеем мы самого началозлобного диавола. Сей окаянный, из ненависти к божественным и преестественным дарованиям Святого Духа, кои подает просящим у Него сладчайший Господь Иисус, стремится прельщениями десными и шуими уловить подвизающихся, а наипаче тех, кто в трезвении и безмолвии проходит жизнь созерцательную.

Размышляя об этом, великие отцы Церкви, в особенности же именуемые аскетами (коих и твоя святость призывает в свидетели), обращают наш взор к умной молитве и говорят в этой связи о вещах высочайших и преестественных. Сии-то вещи предлагая в ложном свете, и покушается началозлобный змий на прельщение многих подвижников. Посему и написали нам отцы, каковы бывают признаки благодати и какие — прелести, чтобы, распознавая их, избегать хитросплетенной лести вражией.

Но поскольку сети врага многовидны и неудоборазличимы, все пытавшиеся проникнуть в духовную сию философию самочинно и помимо нележного руководства без единого изъятия прельстились и из безмолвников стали мечтателями и посмешищем для бесов. И хотя дело сердечной и умной молитвы принадлежит части созерцательной, все желавшие приступить к созерцанию прежде деяния впали в многоплачевную прелесть, ибо «деяние [есть] к созерцанию восхождение».

Что же до части деятельной, которая предваряет созерцательную, то желающий стяжать действие Духа Святого должен объять сию (разумею деятельную часть) безмерной преданностью и всеусильным исполнением на деле, дабы затем безопасно избежать мысленной сети вражией. И вновь скажу: не имеющий наставника подвергает себя немалой опасности.

Итак, каковы пределы части деятельной, кои надлежит пройти подвизающимся?

Первый и наиглавнейший — отвержение мира и всего, что в мире.

Второй — совершенное предание себя многоискушенному наставнику.

Третий — всецелое отсечение собственной воли и мудрования.

Четвертый — терпение искушений от бесов, от человеков, от немощей, от зложелателей и клеветников.

Пятый — тщательное хранение иноческих уставов: вседневного последования, положенного правила, коленопреклонений и бдений.

Шестой — чистое исповедание.

Седьмой — совершенное доверие и преданность духовнику.

С усердием исполненное, все сие возводит к нищете духа, то есть к блаженному смирению, радостотворному плачу, многой кротости, которыми последовательно создаются евангельские блаженства, а затем к жажде правды — ненасытимому желанию исполнить и стяжать все добродетели. Тем, кто и сего достиг, прилагается чистота сердца, по реченному: *Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят*¹⁸⁴.

Когда же достигнет человек чистоты сердечной, престаёт часть деятельная и начинается созерцательная. Тогда и обнаруживают себя чрез умную молитву те признаки и действия Святого Духа, что в одних усматриваются как «свет восходящий», в других — как «веселие трепетное», в третьих — как «радование, смешанное со страхом» и так далее, в чем согласны все отцы.

Совершенное состояние достигается необходимым содействием трех вещей, из коих первая

— благодать просвещающая, вторая — благодать очистительная, третья — благодать совершительная. И если первые две принадлежат части деятельной, то совершительная благодать — созерцательной.

И первая просвещает приступающих и новоначальных, утверждает их в страхе Божиим, послушании, плаче, простоте, безмолвии, кротости, усердии к молитве и иных боголюбивых делах.

Вторая изглаждает нечистые страсти души и тела, изменяет гнев и похотение, прогоняет окаянное тщеславие, очищает сердце, уготовляя его к вселению Духа,— по слову Евангелия: и *Мы придем к нему и обитель у него сотворим*¹⁸⁵ и по реченному в другом месте: «Необожненным невозможно спастись»¹⁸⁶,— говоря же вкратце, соделывает человека деятельнейшим исполнителем заповедей Божиих и повелений евангельских.

Третья же, к части созерцательной относясь, творит восприявших ее небесными человеками и земными Ангелами, иными словами, в горнее достоинство возводит, сподобляет причастия преестественных дарований Духа: святости, бесстрастия, тайнозрения, прозорливости и звания искреннейших друзей Божиих, чего достигли просиявшие знаменами и чудесами отцы и наставники.

Пишу отнюдь не в поучение Вам и без всякого намерения выказать себя преуспевшим в познании сих пренебесных вещей, но с единственной целью — определить метод отцов, открывающий подвижнику, что истинно, а что противно истине, каковы знаменания благодати и знаменания прелести. Итак, передам по порядку все воспринятое моим недостойнством у отцов, указавших неложные признаки жизни по Богу и действия Божия, сопутствующего [чистой] молитве.

В неослабном попечении о нас святые отцы настоятельно указывают не принимать во время молитвы никаких видений, будь то огня или света, Христа или Ангелов и святых.

И все отцы-аскеты единодушно и твердо заповедали хранить ум бесцветным, безобразным, немечтательным, ибо сказано: «Невещественно стой пред невещественным, и уразумеешь»¹⁸⁷, а согласно преподобному Нилу, «блажен ум, который стяжал во время молитвы совершенную безобразность»¹⁸⁸.

Вместе с тем, извещают отцы, у чуждых неверия благодать и действия Божий проявляются во время молитвы «в одних как свет восходящий, в других — как веселие трепетное, в одних — как радование, в других — как радование, смешанное со страхом»¹⁸⁹. Зная о том из опыта, лукавый демон является в виде Ангела Света еще не очищенным и самочинно предавшимся сему высочайшему деланию и, показывая им образы и действия, напоминающие до некоторой степени те, что сопутствовали небесным созерцаниям отцов, нашептывает: «Се благодати знаменания, о которых свидетельствуют отцы! Се плач радостоторный! Се радование, смешанное со страхом! Се молитва непрестанная! Се действие боготворное!».

Конечно, видения и действия у таковых бывают порой, ради многого их усердия, и вправду от Бога. Но обманутые впоследствии лукавым, как не имевшие истинного наставника, вводятся они в прелесть и вместо преуспевания духовного и угождения Всеблагому Богу получают иной удел.

Согласно святому Каллисту Ксанфопулу, патриарху Константинопольскому, во время сердечной молитвы, прежде чем наступит действие духовное, случается у подвижника «покалывание некое в коже, наподобие озноба, и начинается разлитие теплоты от почек, как бы опоясующей их, и теплота эта принимается за прелесть, но сие не от прелести, а от естества, как некое [природное] состояние, сопутствующее таковому подвигу. Если же кто полагает это от благодати происходящим, мнение такое воистину ложно. Но хотя бы и было так,

подвизающемуся надлежит сему не внимать, но отвращаться». Порой утех, с кем бывает такое, от обильного жара телесного выделяется пот. И тогда возбуждается в сердце святое действие, которое подвигает ум, как прилепившийся к божественному сему действию, из самых глубин своих непрестанно взывать: «Иисусе мой, Иисусе мой...». И далее у того же отца: «Но происходят внутри сердца и иные таинства, кои я не в состоянии описать. Ибо ум видит всю тварь и, будучи в иступлении от движений божественной энергии, как и от созерцаемых таинств Божиих, из глубины сердца возносит славословия, невыразимые посредством письмен. Ибо человек всецело исторгается тогда сим божественным движением от всего вещественного и чувственного. <...> Далее ум его бывает восхищен к небесным созерцаниям и видит таинства страшные, которые невозможно описать подробно. <...> И насколько очищается человек от прилогов сопротивного, настолько и зрит больше сего, если Духу Святому угодно».

Отсюда усматриваем, что прежде действия Божия могут проявляться такие вот свойства естества, и среди них дрожь и сердечная теплота, которым отнюдь не должен внимать делатель возвышенного сего делания. Равным образом не должен он видеть в них и действия благодати Божией, дабы не прельститься поневоле.

Этим я никак не утверждаю, святой отче, что и Ваш случай — дело прелести, ибо весьма вероятно, что Вы-то и стяжали благодать совершительную и все действующее в Вас — ее плоды, ибо дарования Божии неотменны. Но видя непоколебимую веру, с которой Вы вопрошаете мое не достоинство, каким образом избежать соблазна среди братии (ибо они, по Вашим словам, наблюдая открытое проявление таковых действий, включая сотрясение сердца и всего тела, соблазняются, как не различающие в том знамений действия Божия), спешу, ради любви твоей, разъяснить в меру слабых моих сил, как пресечь главный соблазн и насколько неложны сии действия.

Но сердечно молю не искушаться, если я выскажу некоторое несогласие с Вашим суждением, ибо все мои братские о Христе предостережения почерпнуты из уроков боговидных отцов. Верую, что ты, как рассудительный и мудрый авва, исполнишь желание сердца своего и одновременно с посрамлением лукавого сатаны, устрояющего все к нашему прельщению, прославишь имя Господа Иисуса Христа.

Итак, относительно действий, которые ты, возлюбленный, описываешь, и в особенности по поводу частых и многократных содроганий телесных, спешу с прискорбием уведомить тебя, что таковые не от Бога, не от благодати Божией, но от зависти сатаны. Вселукавый враг, позавидовав прочим твоим добродетелям и подвигам ради Господа, насадил в тебе эти движения. Он-то и внушил благому твоему сердцу, что действия эти совершенно схожи с подлинным действием Божиим, как описывают его святые отцы, которым оно открывалось как «свет восходящий» и как «веселие трепетное».

В подтверждение сего да будут предложены следующие нелицеприятные доводы.

Первое. Видим, что святые отцы, описывая действие Божие и проявление его в теле и душе, ничего не сообщают нам о сотрясениях и возмущениях телесных. Но если подобные вещи все же происходят, то, по слову святого Каллиста Ксанфопула, подвижнику надлежит всячески того избегать. Если же припишем их благодати, то, без сомнения, впадем в прелесть.

Второе. Богоносные отцы в большинстве своем не только писали о действии Божиим, но и сами сподоблялись проявлений его, наслаждаясь преестественными откровениями от Бога. Однако ни в ком из них не было замечено странных движений и сотрясений тела, и притом в присутствии сторонних лиц, хотя многие святые сии постоянно пребывали среди братии — то как простые иноки, то как игумены, то как архиереи или патриархи.

Свидетель тому — аскетической философии светоч преподобный [Симеон Новый Богослов](#), описавший различные образы молитвы, а в гимнах и «Увещательных главах» своих

наставляющий нас, как стяжать благодать Духа Святого. И хотя сам в преизбытке вкусил сих обоготворяющих действий благодати, тело его во время молитвы никогда не представало взору духовных чад и прочих как претерпевающее те или другие возмущения.

Равным образом не видим ничего подобного и у святых Григория Паламы, Григория Синаита, Каллиста, патриарха Константинопольского, которые в пору безмолвия своего сподобились горних явлений и много писали о деянии и созерцании.

Если же кто из них, пребывая в своей безмолвнической келье, приходил в видения и исступления, то, застигнутый своими учениками, не только не желал, чтобы это стало известно, но и невольным свидетелям, угрожая прещениями, не позволял разглашать увиденное до самой кончины его.

Третье. Но допустим, святой старче, что действие, которое ты полагаешь воистину Божиим, и на самом деле таково. Итак, если оно безупречно и неложно, надлежит, чтобы ему подражали другие и, в частности, твои братия во Христе, а их шестьдесят мужей. И когда все они, подражая тебе, взыщут такового действия, и тела их во время последования или Божественной литургии придут в одновременное содрогание и возмущение, что же получится? Незачем объяснять.

Четвертое. Благодать и действие Святого Духа, посещая человека, соделывают его трезвенным, тихим, душою и телом несмущаемым и по всему освященным, а все противоположные проявления, без сомнения, от лукавого. К тому же при Божиим действии все движения и чувствования тела прекращаются, и хотя ум бывает восхищен в небесное созерцание и восхождение, тело остается покойным и неподвижным, во исполнение на нем речения апостола Павла: *в теле ли — не знаю, вне ли тела — не знаю: Бог знает*¹⁹⁰. *Во время молитвы святых мужей тела их представлялись добродетельным очевидцам мертвенными и неподвижными; по прекращении же действия Божия молитвенники сии возвращались в обычное состояние. И ни в ком из них не усматривалось движений, производивших заведомый соблазн или нечто бесполезное.*

Пятое. Благодать Божия, вселяясь в сердце богомудрого мужа, весьма редко проявляется в виде явлений и внешних действий. И хотя Бог часто утешает истинных Своих друзей, утешений сих угодники Его сподобляются не среди множества людского, но в келье и пустыне. Отсюда явствует, досточтимый старче, что ты несколько обманулся, почему и молю тебя совершенно отвергнуть таковые движения. А поскольку действия эти, которые ты мнишь благодатными, за двадцать пять лет всячески укоренились, исконный враг душ наших наведет на тебя брань недоверия моим советам. Но ради победы над окаянным искусителем преподобию твоему, как старому воину Христову, надлежит прибегнуть к Господу нашему Иисусу Христу с молитвой: «Господь мой! Так как я обманут врагом и стяжал наведенные им телесные возмущения, полагая сие действием благодати Твоей, поспеши избавить меня. Ибо Ты ведаешь, Преплагий, что я при конце странствия моего, и да не посмеется супостат моему прельщению!».

Если так припадешь к Спасителю нашему Иисусу и к Приснодевственной Его Матери, веруй, что через малое время избавлен будешь. Одно только нужно — всячески противиться подступающему телесному возмущению, без усталости повторяя: «Не приемлю сих движений, ибо знаю, лукавый демон, что от тебя они!». И когда вменишь их ни во что и безобразно помолишься, сам уразумеешь истину. Но знай, что поначалу встретятся немалые затруднения, ибо долговременная привычка, с одной стороны, и зависть бесовская — с другой, не допустят тотчас одолеть искушение. И хотя бы до времени не отступало, веруй, что презрев его, получишь от Бога венец исповедничества, как вступивший в единоборство с самим изобретателем зла, многохитростным змием.

Имею благое упование, что ты победишь врага и отринешь сии прилоги, ибо знаю твою

скромность и крайнюю простоту, любовь к Богу и ближнему, искренность с братьями и боязнь осуждения. Не дивлюсь и не осуждаю тебя, возлюбленный, ибо безгрешен и непобедим один лишь Бог. Видим и многих святых мужей, впадавших в подобное искушение, но не отвергнутых, а дивно спасенных Человеколюбцем Иисусом. Не был разве отец наш Кирилл Филеот мужем величайшей святости и духовного опыта? Как же при самом конце жизни впал в столь страшное искушение?¹⁹¹ Однако Всеблагий Бог не оторнул его до конца, но чудесным образом спас.

Не впали разве по неведению в богопротивные ереси и авва Герасим, и Иоанникий Великий, и блаженный Августин? Но, домостроительством Божиим избавленные от сих, и поныне прославляются они всею Церковью. И как те, сохранив неповрежденными другие дивные добродетели, не были оставлены Богом, так и твоя честная глава стяжет венец победы.

Что же до чрезмерной твоей уверенности и закоснения в помысле, то я счел за благо добавить сюда рассказ об одном происшествии, которое относится к нашим временам, согласуется с предыдущим утверждением и, несомненно, укрепит Ваше Преподобие.

В одном общежительном монастыре Святоименной Горы жил монах по имени Алипий, который весьма ревновал о спасении и прилежал умной молитве. Пребывая по ночам в винограднике своей обители, он молился вслух, вникая в каждое слово, и однажды ощутил телесную дрожь и трепет сердечный. Поначалу убоившись, Алипий немного погодя сказал себе: «Мое дело — усердно молиться; что сотворит мне диавол?».

И так продолжал молитву, которая сопровождалась с тех пор сотрясением всего тела. Укоренившееся в нем действие стало известно всем отцам обители и произвело немалый соблазн. Ибо когда трясло Алипия, те же движения странным и непонятным образом передавались всем поблизости бывшим. Стоило ему явиться в храм и стать на молитву, как братия, размещавшиеся в смежных стасидиях¹⁹², начинали — со стасидиями вместе! — двигаться в некоем подобии пляски при подергивании всех членов. Когда же возвращался он в келью, сотрясалась и та, словно новый Везувий, а заодно кельи соседей — дело поистине неслыханное!

При виде такого бедствия игумен и старейшины поместили Алипия в малую часовенку и, выдавая ему по пятнадцать драми¹⁹³ хлеба на день, повелели иереям поочередно читать над несчастным молитвы и заклинания. Но несмотря на все труды, странные действия лишь усиливались. Наконец Алипий решил — не знаю почему — обратиться к моей худости, и я высказал свое суждение, а проще говоря, посоветовал ему, что делать.

Когда Алипий в сопровождении брата той же обители явился ко мне, я, оказав им подобающую любовь и гостеприимство, принял затем болящего наедине. Выслушав подробный рассказ и исповедь за всю жизнь от юности, я спросил, что сам он думает о причине своих страданий и действия, коему доньше подвергается. И услышал в ответ: «Откуда бы ни шло оно — от благодати Божией или от зависти вражией, а мне, полагаю, до последнего вздоха должно держать молитву. Пусть беснуется диавол; я призываю имя Христово, и оставить спасительное сие имя никак не могу!».

Я же возразил: «Хотя бы ты, возлюбленный, и блажен был и исповедником соделался, подобает нам тщательно исследовать, не вотще ли бежим¹⁹⁴, дабы, думая быть с Богом, не стяжать иной удел. А посему позволь заметить, что ты горько заблуждаешься в следующих трех вещах.

Первое. Надлежало, возлюбленный, чтобы усердным твоим занятиям молитвой предшествовала часть деятельная. А между тем именно здесь, как оказалось, ты сильно хромаешь, послушания достаточного не стяжав, гневу и любопрению прилежа, волю свою и мудрование постоянными спутниками имея.

Второе. Предаваясь молитве, возводишь то в великую добродетель и полагаешь, что

соблазнительное для других возмущение тела наведено на тебя супостатом-диаволом из зависти.

Третье. Не пренебрегая во время молитвы сим сатанинским действием, усматриваешь в нем исполнение всесвяти воли Божией (которая-де благоволяет происходящему), чем прогневлишь благодать Его, упорно держась заблуждения вместо истины. Да и как дерзнул ты самочинно, без опытного наставника, приступить к сему преестественному деланию?».

И когда от многих писаний доказал Алипию его заблуждение, по благодати Божией пришел он в чувство, уразумел прелесть бесовскую и взыскал предложенного мною исправления. Я же посоветовал, если хочет совершенно исцелиться, следующее. Во-первых, оказывать полное послушание всем повелениям игумена; во-вторых, не вникать в чужие дела и не осуждать братии; в-третьих, при произнесении молитвы Иисусовой ни во что вменять любые сотрясения телесные, не позволяя уму сослаждаться сатанинским действием, которое он, Алипий, доселе обманывавшийся, почитал благим и полезным, и так содержать ум и помышление чистыми от сего восприятия. Когда же найдет привычное движение, то, презрев его, мысленно звать ко Господу нашему Иисусу Христу и тем избежать болезнетворного спутника.

С непоколебимой верой принял он смиренные наставления и советы и вскоре по возвращении в обитель избавился с помощью Божией от наваждения, стяжав, сверх того, уважение и любовь братии добрым житием, а наипаче — послушанием всем и каждому.

В доказательство истинного обращения и богоугодного жития Алипия упомяну о святом послушании, которое он исполнил столь доблестно, что все дивились.

Инок той обители, тиносский уроженец Евдоким, за грехи, ведомые одному Богу, впал в мучительное беснование, которое помимо бесчинных воплей, ругательств и разрывания пут, сопровождалось непрерывным самоопорожнением кишечника. И поскольку ухаживать за ним никто из братии не брался, служение это выпало Алипию. Тот безропотно ходил за Евдокимом три года, возложив на себя все заботы о больном и мужественно претерпевая от него любое досаждение. Крайнее послушание и безмерное терпение Алипия достигли того, что больной проникся к нему особым почтением и, бесстыдный с другими братьями, при слугителе своем делался кроток и тих. Посему Алипиево присутствие оказывалось, можно сказать, намордником для безумия Евдокима. Помимо забот о том, чтобы пища больного всегда была чистой, а сам он — опрятным, Алипий ежедневно вычитывал ему дневное последование и вечерню.

Через три года страданиям Евдокима наступил конец, и он, придя за неделю до смерти в полное умиротворение, предал душу Богу. Благословенный Алипий, назначенный после того больничником и много преуспевший в служении братии, напоследок заболел чахоткой и через три года отошел ко Господу сам. Дивно то, что он предугадал час своей кончины, ибо в день субботний, причастившись со всеми Святых Тайн и выглядя вполне бодрым, сказал одному из самых близких братьев: «Сегодня около вечерни изыду отсюда», и едва лишь наступил час вечерни, в самом деле преставился. И дабы не упустить из виду важнейшее доказательство полного его исправления, великого послушания и смирения, замечу: с того дня, как Алипий узнал мою худость и был извещен обо всем, что Бог, по молитвам моим к Нему, открыл для его спасения, он регулярно исповедовал мне в письмах все свои помыслы, а написанное мною неукоснительно претворял в дело. Со своей стороны и я, ради любви его, дважды приходил в ту обитель и всякий раз сподоблялся глубочайшей благодарности за дивную перемену.

Описанный случай не допускает иных толкований, ясно показывая, куда может уклониться праведник, каковы признаки прелести и, напротив, неложного жития.

Исполненный надежды, что дружеские мои остережения будут выслушаны и я удостоюсь утешительного ответа, пребываю всецело Вашим во Христе братом.

Писано в Катунках, в исихастирии Всех преподобных Отцов, на Святой Горе

подвизавшихся 2 апреля 1916 года. Монах Даниил иконописец

**Четыре письма святителя Нектария Пентапольского
старцу Даниилу**

Письмо 1

Дирекция Ризарийской духовной семинарии. Афины. ...марта, 1903 года ¹⁹⁵ Ваша о Христе святость, отче Данииле, братски лобызаю Вашу любовь!

Получив святое Ваше послание, с огорчением прочел о скорби, которая нарушила душевный мир. Происшедшее поистине прискорбно, но мы знаем, что любящим Бога все содействует ко благу. Истина сего апостольского речения равна благодати, на примере апостола подтвердившей, что глагол Божий имеет абсолютную силу. Уверенный в любви Божией, полагаю, что от нашедшего на тебя искушения приобретаешь и великое благо.

Вашей святой любви ведомо, что искушения возводят к совершенству. Никто, будучи неиспытан, не имеет доброй славы; никто, будучи неиспытан, не возвышается над плоскостью земною, на которой зиждется и утверждается достигающая небес лестница добродетелей.

Для любящих Бога искушения оборачиваются школой, приучающей душу к философии¹⁹⁶. Христианство же возводит к истинной философии, а к ней-то и должен поспешать христианин, ибо никто из чуждых ей не приходит в ту меру совершенства, какой положено достичь. Но если все христиане, дабы быть совершенными по заповеди Господней, призваны стать философами, то тем паче соделавшиеся рачителями сей [философии] и всецело ей предавшиеся! Если же искушения являются училищем [истинной] философии, а она возводит к христианскому совершенству, то искушения, стало быть, необходимы.

Искушения, приучая к философии, приучают и к терпению, ибо терпение — родная сестра ее. Нет философа, кто был бы нетерпелив, и всякий нетерпеливый — не философ. Испытания доподлинно испытывают фундамент добродетелей — терпение, которое и вводит в спасение. Ибо философ-христианин не только не отчаивается, но дерзает, долготерпит и радуется. Да, воистину радуется, ибо, по апостолу, *похваляется в скорбях, ведая, что скорбь производит терпение, терпение же — опытность, опытность — надежду, а надежда не постыжает, потому что любовь Божия изливается в сердце его*¹⁹⁷.

Искушения, как хорошо известно тебе, последователю истинной философии, приключаются по Божью смотрению, Божией воле и благоволению Божью для возбуждения ума к совершенному уразумению облакающей нас тайны. Мужу неискушенному не познать, что есть истина. Испытания — несомненное свидетельство любви и милосердия к человеку, почему и подобает ему за все благодарить. Человеческое несовершенство требует испытания ради усовершенствования человека. Любящим Бога испытания отверзают мысленные очи к свету истины, делают их ясными и способными зреть не только близкое, но и удаленное, а уму — не одно умопостигаемое разуметь, но и превысшее умопостижения, и не только разуметь, но и познавать, ибо в совершенстве — познание. И посему если от испытания — совершенство, то и познание от него же. И так как познание предшествует совершенству, то нам, чтобы усовершенствоваться, надлежит быть и искушаемыми. Сие же необходимо не только потому, что рожденным по образу Божью надлежит прийти в подобие Его, но и ради лежащего на нас бремени — прародительского наследия, которое воздействует на силы душевные и растлевает их, лишая душу побуждения к восстанию и света небесного к просвещению ума. И если совершенство, как Вы знаете, в том, чтобы человек, созданный «по образу» Божью, соделался и «по подобию» Его — подобие же достигается на самом вершине духовной и до небес простирающейся лестницы, по ступеням которой ему предстоит взойти,— то, из-за наследия сего склонный к земному, в каких только испытаниях не нуждается он, чтобы возводить взор ввысь, и стойким быть, и к горнему востекать, доколе не достигнет любезного предела, куда стремится и коего вожделеет сердце его?

Брат во Христе, искушение, которому ты подвергся всецело по Божию смотрению, доставило тебе великую пользу духовную. Почерпая извещение в сердце своем, глаголю: ныне преуспеваешь, став совершеннее, нежели прежде был. А посему молю: утиши скорбь и прославляй милующего тебя Господа.

Сочинения Златоуста посылаю в Дафну грузовым транспортом в ящике с инициалами «Д. А.» на Ваше имя.

Приветствуя Вас и братию братским целованием во Христе, прошу и нас поминать в прошениях своих пред Богом.

Пребываю с любовью во Христе брат
Нектарий Пентапольский.

Письмо 2

Из женской обители во имя Всесвятой Троицы. 18 августа 1913 года Ваше Высокопреподобие, брат во Христе и господин Даниил, братски Вас лобызаю!

Уповая на Вашу к нам любовь, отваживаюсь возложить на Ваше Преподобие дело, в коем мы весьма заинтересованы. Уведомляем Вас о нашем желании приобрести келлию на Святой Горе, где-нибудь с южной стороны, удобную, имеющую огород, воду и, по возможности, храм, ибо намереваемся поселить там одного-двух духовных чад своих, желающих проводить иноческую жизнь на Афоне. Имеем надежду через некоторое время, освободившись от многих попечений по обители, ненадолго посетить Святую Гору ради освежения духовного.

Сверх того просим Ваше Высокопреподобие озаботиться приисканием доброго и искусного старца, готового взять на себя окормление испытываемых чад наших, которые нуждаются в благом наставнике для приведения на путь подвига и укрепления на духовную брань примером его и словом. Все дополнительные сведения сообщит Вам устно податель сего письма Лука Каланцис.

С братской любовью лобызаю и остаюсь молитвенником Вашим *Нектарий Пентапольский*.

P.S. С тем же подателем посылаю Вам два новых моих сочинения: оба тома «О разделении» и два «рассуждения»: «О Церкви» и «О Священном Предании».

Письмо 3

Из женской обители во имя Всесвятой Троицы. 6 декабря 1915 года

С радостью получили и с умилением прочли дружеское послание Вашей любви. От всего сердца благодарим за толикую любовь и щедрое произволение. Приносим благодарность и за внесение нашего имени как строителя, отца и игумена в синодик святой келлии Вашей. Да вознаградит Вас Бог за подобное расположение и любовь к нам. Поминаем имена — Ваше и всего братства Вашего — в своих молитвах ко Христу.

Замедлили ответом на многолюбезное Ваше послание, желая отправить некий дар и свидетельство нашей любви. И как ничтожнейший ее знак посылаем в приложение к письму свою фотографию и экземпляр одного из сочинений наших — «Христология, или О Божестве и действии Спасителя нашего Иисуса Христа», откуда по недоразумению выпал текст, оказавшийся в «Священном Катехизисе», а именно — в главе о первосвященническом достоинстве Господа. За неимением полного экземпляра посылаем ущербный. Нами передана просьба в Афины разыскать по книжным магазинам и остальные наши сочинения для последующей пересылки Вам.

Примите уверения в беспредельной любви, с коими остаюсь молитвенником за Вас пред Богом.

Благословения и приветствия мои Его Высокопреподобию господину Афанасию и всей Вашей синодии.

Нектарий Пентапольский.

P. S. Через сестру нашу Афанасию узнали о предстоящем приезде в Афины отца Афанасия, которому поэтому не стали отвечать (что видно и из его письма к нам) в надежде увидеться лично и от него неподалеку.

Письмо 4

Дирекция Ризарийской духовной семинарии. Афины. 26 января 1908 года Ваше Высокопреподобие господин Даниил, желаем Вам всего наилучшего!

Получили драгоценное Ваше послание от 27 числа истекшего месяца и года, на которое отвечаем с запозданием ввиду одолевшей нас, но ныне по благодати Божией оставившей немощи. Уведомляем, что испрошенные книги отосланы через Великую Лавру Святой Горы тремя упаковками, в том числе: «Антиоховы Пандекты» (20 экземпляров), «Познай самого себя» (2 экземпляра), «Духовный спутник» (20 экземпляров) и «Феотокарион» (1 экземпляр). Сверх того, один экземпляр «Антиоха» и по экземпляру остальных книг посылаем от себя в Перокопион Каппадокийский иеромонаху Дионисию Харлампидису, коему прошу передать и наши благословения.

Благодарим Ваше Преподобие за благопожелания и поздравления в связи с окончательным устройением обители, где святые девы уссовершенствуются в добродетели и благоугождении Богу. Молю о них и о Вас Господа, просвещающего и наставляющего на путь совершенства во Христе.

Вы премного обяжете нас, соблаговолив написать слово духовного вразумления к девам для их укрепления. Продиктованное деянием и созерцанием ¹⁹⁸, Ваше послание будет для них, лишенных наставления к таковой жизни, утешением, духовной усладой и истинной поддержкой.

Передайте благословения всей Вашей синодии: иеромонаху Афанасию, монахам Иоанну, Даниилу и Стефану, коих сердечно благодарю за их воссылаемые к Богу моления о мне, твердо веруя, что они будут мне во спасение.

Остаюсь, лобызая Вас с любовью и наилучшими благопожеланиями,
Нектарий Пентапольский.

Примечания

Город Смирна с 1402 г. находится под властью турок-осман, переименовавших его в Измир. Здесь, как и в подобных случаях, составители настоящей книги употребляют древнегреческие и византийские названия вместо позднейших, турецких. Нижеследующий текст (кроме пояснений в квадратных скобках) приводится по Требнику («Доследование великаго и ангельскаго образа», л. 83—84) и представляет собой почти дословный церковнославянский перевод греческого текста Большого Евхология (богослужебной книги, совпадающей по содержанию с Требником и Служебником Русской Православной Церкви), который цитирует с некоторыми отступлениями старец Даниил

Евангелическая школа — знаменитое греческое училище в Смирне, основанное в 1717 г. Иерофеем Дендринбсом. Дипломы этого учебного заведения, действовавшего на территории Оттоманской [Турецкой] империи, признавались впоследствии и властями независимого Греческого королевства. Школа подразделялась на начальное училище и гимназию, располагала громадной библиотекой и Археологическим музеем. Прекратила свое существование после Малоазийской катастрофы [массового изгнания малоазийских греков в 1922 г. после неудачной попытки Греческого королевства покончить с турецким господством над Малой Азией, некогда составлявшей часть Византийской империи].— Сост.

«У пустынножителей, пребывающих вне суетного мира, непрестанное влечение к Богу» (ц.-слав.). Степенны 1-го гласа, 1-й антифон, 2-й тропарь (Октоих).

Преподобный [Никодим Святогорец](#). Предисловие к «Добротолубию» // Добротолубие. Т. 1. Б.м., б.г. На греч. яз. С. 23.— Сост.

[Пс. 18:11.](#)

Источник не установлен.

Ср.: [Мф. 17:4](#).

Преподобного отца нашего Иоанна, игумена Синайской горы, Лествица в русском переводе. Сергиев Посад, 1908. С. 3.

Ср.: Тропарь из Последования ко Святому Причащению.

[Пс. 41:3](#); 83, 3.

Цитата не установлена.

Лествица. С. 7.

[2 Kop.](#) 6:10.

МегалОхара — многоблагодатная.

Преподобный Арсений Паросский родился в 1800 г. в городе Янина. Был духовно связан с монахом Даниилом из Занкры, с которым прибыл в 1815 г. на Афон, где и облекся в ангельский образ. Через шесть лет оба перешли в монастырь на горе Пенделикон (Средняя Греция), а затем на Киклады. Преподобный Арсений особенно деятельно подвизался на острове Парос, где преподавал в основанной им Грамматической школе. Но главным его делом оставалось окормление верующих, вследствие чего он приобрел известность как выдающийся духовник. Скончался 31 января на Паросе в женской обители Преображения Господня. Почитатели, еще при жизни называвшие Арсения преподобным, по преставлении старца воздвигли на острове часовню, куда и перенесли его гроб. Другой паросский преподобный, приснопамятный старец Филофей (Зервакос) написал небольшую брошюру «Жизнь, подвиги и чудеса отца нашего Арсения Нового, на острове Парос подвизавшегося», изданную в Афинах в 1960 г.— Сост.

Ср.: [Пс. 113:13, 14](#); [Мк. 4:23](#).

Апостолос Макракис (1831—1905) — греческий религиозный мыслитель, высказывавший суждения, признанные еретическими. В свое время священноначалием Элладской Церкви был поставлен в иерокирикса (проповедника). См. также с. 196 наст. изд.

«Мыслью, не обращающейся вспять» (ц.-слав.).оборот, к которому нередко прибегает православная гимнография, характеризую решимость подвижника, оставившего мир.

[Иер. 48:10.](#)

В оригинале здесь и далее, по-видимому, опечатка — 11 августа по ст. ст.

Проистамены (букв.: стоящие впереди) — старшие (в отличие от младших, или пангениотов) насельники особножительных (см. прим. 22) монастырей, из которых избиралось «священное собрание».

Идиоритм — особножительное, или своежительное (в отличие от киновии, или киновивального, т.е. общежительного) устройство монастыря, при котором монахи не имеют общей трапезы и послушаний.

Эпитропы — в особножительных монастырях (в том числе в тогдашнем Ватопедском), где настоятели были весьма ограничены в своих правах, выборные должностные лица, руководившие жизнью обители при поддержке проиस्ताменов.

Лествица. С. 181.

Ср.: [Мф.](#) 5:14.

Преподобный Исаак Сирин. Слова подвижнические. Репр. М., 1993. С. 304.

Эпитроп Святой Горы — один из четырех сменяющихся членов Священной Эпистасии, или Эпитропии, которая осуществляет общее управление Афоном.

Лествица. С. 219.

Морайтидис Александр — писатель, духовное чадо старца Даниила. О нем см. ниже, на с. 43 основного текста.

Ср.: [Мф. 19:21](#).

Лествица. С. 220.

Келья. Здесь и далее слово «келлия» используется для обозначения малой обители с храмом, а «келья» — жилища насельника монастыря или пустынножителя.

Преподобный Исаак Сирин. Слова. С. 1.

Там же. С. 371.

Там же.

[Мф. 10:42.](#)

Синодия — дословно: свита, сопровождение; здесь: небольшая монашеская община, сложившаяся вокруг старца и им же возглавляемая.

Источник не установлен.

[Евр. 2:2.](#)

Цитата не установлена.

Ср.: [Мф.](#) 5:14.

Верно преподающим ([2 Тим. 2:15](#)).

Имеется в виду греческое издание собрания сочинений Старца.

Источник не установлен.

Ср.: [Мф. 6:19](#).

[Иов 3:23.](#)

Возможен и дословный перевод: «в сопровождении такой любви» (см. прим. 37).

Сей Даниил стал преемником усопшего.— Сост.

Мусург — церковный композитор

Ср.: [Пс. 102:15.](#)

Под «обоюдоострым мечом» подразумеваются, вероятно, многократно упоминаемые в православной гимнографии и аскетической письменности, как ступени духовного восхождения, «деяние» и «видение» (созерцание). См. ниже.

[Мф. 12:41.](#)

Возможно, имеется в виду одно из сочинений старца Даниила.

В греческом тексте: τα μονύδρια.

Типикарисса — уставщица.

Прозостоссы — соборные старицы.

Ср.: [Еф. 4:26](#)

Экклисиархисса — церковница

В греческом тексте: του Σιγιλλιώδους.

Киновия — общежитие, общежительный монастырь.

Ср.: [Лк.](#) 15:18, 19.

Ср.: [Иез. 18:32](#); 33, 11.

Ср.: [Мф. 11:28, 29](#).

Из кондака заупокійных чинопоследований.

Ср.: [Кол. 3:5](#).

[Мф. 11:29.](#)

Здесь и далее перевод греческого φιλοσοφία как философия (вместо более привычного для православного читателя любомудрия) обусловлен контекстом. Следуя традиции «Добротолубия», старец Даниил все время противопоставляет мудрование «мира сего» богопросвященному христианскому умозрению как философию «внешнюю» с одной стороны (с. 138), философии духовной с другой (с. 209). Первая ассоциируется у него, кроме обычного любомудрия, с отвлеченной школьной дисциплиной; вторая имеет дело не с абстракциями, но с сокровенной сутью вещей и неотделима от богоугодного делания, почему и именуется также «практической» (с. 122). Духовная «философия», в отличие от «внешней», не преподается в мирских училищах, но открывается в творениях отцов и монашеском предании.

В греческом тексте стоит слово, буквально означающее «непослушание».

Ср.: [Мф. 3:6](#); [Мр. 1:5](#).

Должно заметить, что монашеский постриг рассматривался как одно из Таинств нашей Церкви до конца VIII в.— Сост.

[Мф. 16:26.](#)

Хулители монашества, по-видимому, имели в виду, что на христианском Востоке византийской эпохи и первых веков турецкого рабства монашествующие были избавлены от налоговых тягот.

[Мф. 4:19.](#)

[1 Kop. 2:14.](#)

В нижеследующем тексте на с. 98—119 изложен чин Великой схимы, пострижение в которую еще недавно практиковалось некоторыми монастырями Афона сразу после послушнического искуса (т. е. без предварительного пострижения в рясофор и мантию, или Малую схиму). Тексты, произносимые хором, постригающим иереем и самим постригаемым, в передаче старца Даниила совпадают, как правило, с Большим Евхологием (см. сноску на с. 78.) Сверка произведена по стереотипному изданию: ΕΥΧΟΛΟΓΙΟΝ ΤΟ ΜΕΓΑ ΤΗΣ ΚΑΤΑ ΑΝΑΤΟΛΑΣ ΟΡΘΟΔΟΞΟΥ ΚΑΘΟΛΙΚΗΣ ΕΚΚΛΗΣΙΑΣ. ΑΘΗΝΑΙ (1980), содержащему последование Великой схимы, как оно было впервые напечатано в 1602 г. в Венеции. См.: Пальмов Н. Пострижение в монашество. Чины пострижения в монашество в Греческой Церкви. Историко-археологическое исследование. Киев, 1914. С. 232. Работая над «Точным изложением» в начале 1920-х гг., старец Даниил мог иметь под рукой как печатный Большой Евхологий, — например, первое афинское издание 1902 г. или одно из венецианских, — так и один из рукописных чинов Великой схимы, ранее распространенных на Афоне). Тексты этой группы в настоящем издании переданы по-церковнославянски согласно Требнику (Репр. Свято-Тро-ице-Сергиева Лавра, 1992), который практически во всем совпадает здесь с Большим Евхологием. Тексты, описывающие действия иерея в авторском пересказе (частично ориентированном на Большой Евхологий или другой совпадающий с ним источник), переданы по-русски. Важнейшие случаи разночтений «Точного изложения» с Большим Евхологием и последнего с Требником оговорены нами в примечаниях, менее важные — нет. Основные расхождения с Большим Евхологием у старца Даниила относятся к порядку возложения, числу и наименованию монашеских одежд. Сравнивая «Точное изложение» с Большим Евхологием и современной практикой святогорских монастырей, зафиксированной в издании ΑΚΟΛΟΓΘΙΑ ΤΟΥ ΜΕΓΑΛΟΥ ΚΑΙ ΑΓΓΕΛΙΚΟΥ ΜΟΝΑΧΙΚΟΙ ΣΧΗΜΑΤΟΣ . ΙΕΡΑ ΒΑΣΙΛΙΚΗ ΚΑΙ ΣΤΑΥΡΟΠΝΓΙΑΚΗ ΜΟΝΗ ΜΑΧΗΑΙΡΑ, ΛΕΥΚΩΣΙΑ, ΚΥΠΡΟΣ, 2003 (далее — ΑΚΟΛΟΓΘΙΑ), можно предположить, что описание катунакского подвижника в этой части значительно ближе стоит к последней и, по всей вероятности, также воспроизводит афонскую практику, хотя и с отличиями, присущими его времени. Порядок облачения: I. Согласно Большому Евхологию (- Требнику): 1) хитон; 2) паллий (по-видимому, мантия); 3) кукуль; 4) пояс; 5) аналав; 6) сандалии. II. Согласно «Точному изложению»: 1) хитон (подрясник); 2) аналав; 3) пояс; 4) сандалии; 5) паллий (ряса); 6) кукуль; 7) мантия. III. Согласно ΑΚΟΛΟΓΘΙΑ: 1) хитон (подрясник); 2) судари-он Великой схимы (собственно схима); 3) аналав; 4) пояс; 5) паллий (ряса; см. прим. 101); 6) сандалии; 7) камилавка; 8) кукуль; 9) мантия.

Ср.: [Лк.](#) 15:18, 21.

В греческом тексте: ὑμνός. Подразумевается, что постригаемый приближается к алтарю в нижней одежде (см. прим. 83).

К этому времени сложивший обычную свою одежду в притворе и уже облаченный в длинную рубаху без рукавов. В греческих рукописных чинопоследованиях последняя фигурирует как коловион, иматий или ипокамисон, в славянских — как власяница (которой некогда и была) или срачица, поверх которой постригаемого прикрывают «благообразия ради легким покрывалом» (Пальмов Н. Пострижение в монашество. Чины пострижения в монашество в Греческой Церкви. Историко-археологическое исследование. Киев, 1914. С. 303).

То есть в центральную его часть

В греческом тексте: της ασκήσεως. В Требнике: «постнического».

[Мф. 16:24.](#)

См. сноску на с. 78.

Ср.: [Мф. 16:24](#).

[Флп. 3:20.](#)

[Лк. 9:62.](#)

Источник не установлен

Ср.: [Мф. 3:6](#).

Данное место представляет некоторую трудность для понимания и в греческом оригинале, и в церковнославянском переводе. Получаемый в Святом Крещении дар усыновления (точнее, богосыновства) и наследования Царства Небесного сообщается не от (и не через) прародителей, а действующей в Церкви благодатью. Возможно, текст этот следует понимать в том смысле, что крещальный дар у постригаемого — общий с его плотскими предками, как членами Церкви, между тем помощь свыше, которая испрашивается ему постригающим в ответ на произнесенные обеты, подразумевает особые духовные дарования, необходимые монашествующим.

Так в дословном переводе с греческого. В Требнике: «да будет <...> правда, освящение, избавление».

В дословном переводе с греческого: «истлевающего из-за прельщения сластолюбием от многообразного змия».

Святое Евангелие полагается на приготовленный столец пред иконой Спасителя в иконостасе (возле которой находится игумен обители или старец-восприемник постригаемого), а поверх Евангелия — ножницы. Сост.

Екклесиарх (букв.: церковначальник) — монах, отвечающий за состояние храма и подготовку его к богослужению.

В греческом тексте: μάτιον, ἥτοι ζοστικόν.

В оригинале το χιτων— уставное название первой монашеской одежды в Большом Евхологии и большинстве рукописных евхологиев XI-XVI вв. Причисление строкой выше хитона-иматия к черным монашеским одеяниям и отождествление его с подрясником не имеет аналога в современной практике Русской Церкви, но для Афона однозначно подтверждается ΑΚΟΛΟΓΘΙΑ, с. 35.

«Аналав — четырехугольный плат со шнурами, пришитыми по углам, объемлет плечи монаха и украшен крестами. Как при пострижении в малую схиму возлагается параманд, так великосхимнику полагается аналав» // Полный православный богословский энциклопедический словарь. Спб., б. г. Т. 2. [Код](#). 2421. В Большом Требнике возложение аналава следует за облачением в мантию и кукуль.

Παλλίον του μεγάλου και αγγελικού Σχήματος, ήτοι το ράσον. Отождествление паллия Великой схимы не с мантией (как в значительной части средневековых рукописных чинов, в Большом Евхологии и в основных русскоязычных справочных изданиях), а с рясой не находит буквального соответствия в ΑΚΟΛΟΓΘΙΑ (см. прим. 80), хотя, согласно письменным свидетельствам насельников Ватопедского монастыря, также составляет элемент современной афонской практики.

«Кукуль — покрывало, надеваемое сверх камилавки при пострижении в великую схиму вместо клобука, который надевается при пострижении в малую схиму. Кукуль отличается от клобука тем, что имеет остроконечную форму, покрывает голову и плечи кругом и украшен пятью крестами, находящимися на челе, на груди, на обоих плечах и на спине» // Полный православный богословский энциклопедический словарь. СПб., б.г. Т. 2. [Кол.](#) 2427.

Зачало 233: [Еф. 6:10-17](#).

Зачала 39 и 43: [Мф. 10:37-38](#); 11, 28—30.

Ср.: [Мф. 16:24](#).

Ср.: [Мф.](#) 5:16.

Ср.: [Мф.](#) 25:21.

Ср.: [Мф. 19:17](#).

[Μφ. 19:20.](#)

Ср.: [Мф. 19:21](#).

[Пс. 41:4.](#)

Цитата не установлена.

Ср. предыдущую мысль о первичности самомнения.

Текст преподобного Максима с этого места несколько сокращен и изменен. Точный и полный перевод последующего текста: «Себялюбие есть неразумная любовь к телу. Отсекший эту любовь отсекает вместе с себялюбием и все страсти, происшедшие от него» (Преподобный [Максим Исповедник](#). Творения. Кн. I. М., 1993. С. 128).

Преподобный Максим Исповедник. Творения. С. 128.

Десные и шуии прельщения — то есть происходящие от уклонения подвижника с «царского» (среднего) пути вправо или влево. Характерное для аскетической письменности пространственно- метафорическое обозначение прельщений, возникающих от нерадения и теплохладности («шуии») или от самочиния и ревности «не по разуму» («десные»).

Преподобный Максим Исповедник. Творения. С. 132.

Ср.: [Мф. 19:17](#).

Ср.: [Мф.](#) 5:3, 5.

Ср.: [Мф.](#) 7:14.

[Пс. 38:3.](#)

[Пс. 118:60.](#)

[Ис. 66:2.](#)

Ср.: [Пс. 136:8-9](#).

В греческом тексте: διά της μονολογίστου ευχης (букв.: немногословной молитвой).

Цитата не установлена

В греческом тексте: εν υψηλότατον μάθημα.

Там, где соизволяет Бог, преодолевается природный порядок вещей» (ц.-слав.). Незначительно измененный текст из догматика (Богородична на Господи възвах в субботу вечером) 7-го гласа (Октоих).

Апория — здесь: логическое затруднение.

В греческом тексте: θεωρία.

[Пс. 138:17.](#)

[Пс. 103:24.](#)

«Там, где соизволяет Бог, преодолевается природный порядок вещей» (ц.-слав.).
Незначительно измененный текст из догматика (Богородична на Господи възвах в субботу
вечером) 7-го гласа (Октоих).

Авситидийская страна — в Септуагинте и славянской [Библии](#) (в русском синодальном переводе: «земля Уц») — страна, где жил [Иов](#). Приписка к славянскому переводу Книги Иова помещает ее «на пределех Идумеи и Аравии», то есть между южной Палестиной и северо-восточной частью Аравийского полуострова.

См.: [Иов. 1:3](#).

[Μφ.](#) 5:8.

Ср.: [Лк. 21:15](#).

См.: [Евр. 11:38](#).

[Евр. 11:38](#). В Послании к Евреям это выражение относится не к дарам Святого Духа, а к самим святым.

[Пс. 49:16.](#)

[Μφ.](#) 5:5.

[Μφ.](#) 5:6.

[Μφ. 5:7.](#)

Святитель Иоанн Златоуст. Избранные творения. Толкование на святого Матфея евангелиста. Т. 1 (далее — Толкование). М., 1993. С. 154.

[Μφ.](#) 5:8.

[2 Kop.](#) 6:16.

[1 Kop. 11:16.](#)

[Μφ.](#) 5:4.

[Μφ.](#) 5:5.

[Μφ. 11:29.](#)

[Мф.](#) 5:6, 7.

Ср.: [Пс. 83:11](#).

Святитель Иоанн Златоуст. Толкование. С. 154

Подразумевается, вероятно, текст общего тропаря священномученикам: «Деяние обрел еси, богодухновенне, в видения восход» (Через деяние ты достиг, вдохновенный Богом, восхождения к небесным созерцаниям).

[Eφ.](#) 4:26.

В греческом тексте: της ψυχαγωγίας.

[Μφ. 10:22.](#)

В греческом тексте: προσπάθειαν εις τι θέλημα, ειτε πνευματικόν, ειτε ηθικόν, ειτε υλικόν.

То есть указанные далее творения святителя Нектария Пентапольского.

Подразумевается скит во имя святого Иоанна Предтечи при Иверском монастыре.

В греческом тексте: του απλοικωτάτου.

Здесь, как и во всех нижеследующих случаях постоянного чередования местоимений «ты» и «Вы» применительно к одному лицу, следуем оригиналу.

В греческом тексте: του αἰλουστάτου; в форме именительного падежа передается по церковнославянски как «препрбстѣй». Учитывая, что «Препростѣй» — прозвище некоторых святых (в частности, преподобного Павла, память 7 марта и 4 октября по ст. ст.), применение его к прельщенному мирянину Евфимию можно считать ироническим.

По-видимому, в Ватопеде (см. прим. 166). Связь с этими происшествиями адресата старца, иверского скитянина Маркиана, не ясна.

Цитата не установлена.

История обманутого дьяволом простеца изложена и в книге: Архимандрит Херувим (Карамбелас). Современные старцы Горы Афон. М., 2002. Пер. с англ. (гл. «Старец Даниил Катонакский [так!]»). С. 208—209). Здесь он фигурирует как мирянин-албанец, строитель из Стики (северный Эпир) по имени Демос (правильнее — Димос). Увидев во сне церковь, скрытую в некоем месте под землей, он с помощью земляков раскопал ее и с тех пор уверовал в свое избранничество. Позже, трудясь на одном из строительных объектов в Ватопедском монастыре, Демос стал ревностным почитателем святого Евдокима. Среди уверовавших в истинность его видений архимандрит Херувим называет епископа Александра Родостолосского.

Цитата не установлена.

Cp.: [1 Kop.](#) 4:9.

В греческом тексте: θεωρίας, ήτοι θεοφανείας.

Согласно житию преподобного Максима Кавсокаливита в «Афонском патерике», Пресвятая Богородица являлась ему не однажды (Афонский патерик. Киев, б.г. С. 29—30).

Эпирот — уроженец Эпира, исторической области на западе Балканского полуострова (ныне территория Албании и северо-западной Греции), к XIX в. населенной в значительной мере албанцами. Термин «эпироты», обозначая без различия греческое и албанское население Эпира, мог применяться писателями-греками и специально к албанцам как нарочито архаизированное их наименование.

Псалт — церковный певец.

Пропущенное в оригинале имя восстановлено на основании «Афонского патерика», содержащего сокращенную версию жития (Афонский патерик. Киев, б.г. С. 624).

Имя Евдоким (греч. «благоискусный») созвучно, но не родственно греческому εὐδοκία - "благоволение».

Имеется в виду скорее всего «Житие и деяния преподобного и богоносного отца нашего Саввы Нового, на Афонской Горе подвизавшегося», составленное во второй половине XIV в. Филофеем Коккином, впоследствии Патриархом Константинопольским (имеется русский перевод, недавно переизданный: Патриарх Константинопольский кир Филофей. Светило иноческих добродетелей. Житие преподобного отца нашего Саввы Нового Святогорца. Спб., 2002). Сохранившееся в трех списках, в том числе Ватопедском (который и читал, по-видимому, старец Даниил), оно было впервые издано в 1898 г. Некоторые его детали разнятся с нижеследующим пересказом.

Мессалиане, или евхиты,— секта древнего происхождения, родоначальником которой считается еретик Маркион. Отвергали Церковь, обвиняя ее в измене важнейшей заповеди Христа о непрестанном очищении души молитвой и постом.

Андроник Палеолог — Андроник III (1328—1341). Согласно житию преподобного Саввы, составленному Патриархом Филофеем, это произошло уже при его преемнике Иоанне VI Кантакузине (1341—1355).

Филофей Коккин занимал Константинопольский патриарший престол дважды: в 1354—1355 и 1362—1376 гг.

См.: [Притч. 17:17](#).

Прот (от прѠтос, — «первый») — выборный председатель сперва совета игуменов, затем Священной Эпистасии Святой Горы (см. прим. 34), в качестве которого стал называться и протэпистатом. Должность прота известна с X в.

Ср.: [Мф. 18:15](#).

О каком письме и каком Аверкии идет речь, не ясно.

Ср.: [Евр. 11:38](#).

См.: [1 Кор. 9:26](#).

Источник не установлен.

Кораки, или Коракион,— местность между городами Колофон и Левдос в Малой Азии.—
Сост.

[Ил. 11:33.](#)

Преподобный Исаак Сирин. Слова. С. 343.

[Μφ.](#) 5:8.

[Ил. 14:23.](#)

Источник не установлен.

Источник не установлен.

Цитата не установлена.

Григорий Синаит. См. с. 206.

[2 Kop. 12:2.](#)

Величайшему подвижнику преподобному Кириллу Филеоту, достигшему глубокой старости, сатана представил ложное видение Божественной литургии, совершаемой посреди кельи, так что тот едва не причастился чаши бесовской.— Сост.

Стасидия (от ἡ στάσις — «стояние») — скамья, обычно разделенная на несколько частей («форм») с высокими спинками, подлокотниками и откидными сидениями. Традиционно используется в монастырских (реже — приходских) храмах греческого Востока.

Драми — мера веса, равная 3,2 г.

См.: [1 Кор. 9:26](#).

Так в оригинале.

См. сноску 67.

Ср.: [Рим.](#) 5:3-5.

То есть составленное на основании собственного подвижного опыта.